

Программа семинара «Прикладная юридическая психология»

Семинар «Прикладная юридическая психология» в Институте психологии РАН изначально планировался как посвященный междисциплинарным исследованиям в современной психологии в России. Как можно видеть из программы и решения ученого собрания, на семинаре была представлена самая широкая проблематика становления личности человека в условиях ее развития в правовом поле. К сожалению, в рамках одного номера журнала невозможно опубликовать все выступления, поэтому мы продолжим публикацию представленных концепций в следующих номерах.

20 мая 2010 г., 15:00

Малый конференц-зал Института психологии РАН

Пленарное заседание:

1. Вступительное слово

Журавлев А. Л. — доктор психологических наук, профессор, директор Института психологии РАН, член-корреспондент РАН.

2. «Прикладная юридическая психология в правовом поле современной России»

Сочивко Д. В. — доктор психологических наук, профессор кафедры юридической психологии и педагогики Академии ФСИН России, заведующий лабораторией «Криминальная деструктивность личности» Академии ФСИН России.

3. «Юридическая психология: генезис и перспективы»

Поздняков В. М. — доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры теории истории государства и права МГГУ имени Шолохова.

4. «Актуальные проблемы исследования агрессивного поведения»

Ениколопов С. Н. — кандидат психологических наук, профессор, заведующий кафедрой криминальной психологии факультета юридической психологии МГППУ.

5. «Диагностика внутригрупповых межличностных отношений в служебных коллективах»

Поддубный С. Е. — кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры психологии и педагогической антропологии МГЛУ.

6. «Этнофункциональные аспекты криминального поведения»

Сухарев А. В. — доктор психологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института психологии РАН.

7. «Психологические проблемы терроризма в современном мире»

Соснин В. А. — кандидат психологических наук, старший научный сотрудник Института психологии РАН.

Круглый стол, 17:00. Ведущий—Сочивко Д. В.

Темы для обсуждения:

- психолого-юридическое обеспечение оперативной работы;
- психология личности граждан, вовлеченных в террористическую и экстремистскую деятельность;
- психология криминального поведения:
 - изучение психологии немотивированного совершения преступления;
 - криминальная деструктивность личности молодого человека;
 - психодинамика личности осужденных сотрудников правоохранительных органов;
 - специфика отбывания наказания осужденными с психическими отклонениями.

В работе семинара и круглого стола принимали участие ведущие специалисты по указанной проблематике.

Решение семинара

1. Деятельность журнала «Прикладная юридическая психология», учредителей журнала, творческого коллектива авторов и редколлегии за истекший период его существования признать весьма удовлетворительной.

2. В дальнейшем продолжать выстраивать концепцию журнала на основе междисциплинарного подхода в психологических исследованиях.

3. Отрастить материалы выступлений на семинаре, материалы, представленные на круглом столе, а также материалы, имеющиеся у участников семинара, связанные с его тематикой, в специальном выпуске журнала.

4. Проводить в дальнейшем тематические семинары по проблемам прикладной юридической психологии, ее междисциплинарных связей, междисциплинарных связей психологии и права не реже двух раз в год.

5. Осенью 2010 г. провести семинар по указанной тематике, посвященный методическому инструментарию, используемому в прикладной юридической психологии, других областях психологии, междисциплинарных областях.

6. Организовать взаимодействие с научными учреждениями, занимающимися проблемами прикладной юридической психологии, сопряженными областями общей, социальной, педагогической психологии, методологией юридико-психологических исследований.

7. Отражать в журнале информацию о научных собраниях, конференциях, семинарах по указанной тематике.

**Отдел науки,
И. В. Блиникова,
кандидат психологических
наук, доцент**

Вступительное слово

Разрешите прежде всего приветствовать в Институте психологии РАН участников научно-практического семинара «Прикладная юридическая психология», который впервые организован и проводится по инициативе представителей нескольких учреждений. Состав участников данного семинара свидетельствует о том, что его тема вызвала одновременный интерес у представителей не только научных и образовательных, но и практических организаций. Можно предположить, что большой интерес к теме семинара вызван в первую очередь ее *острой актуальностью* в настоящее время. По моему мнению, целесообразно обосновать это предположение несколькими позициями.

Во-первых, злободневность прикладных проблем юридической психологии вызвана сложнейшими задачами, связанными с *модернизацией российской экономики* в целом и реформами системы МВД России в частности. Всякие изменения в обществе, тем более крупные и системные, судя по опыту предыдущих трансформаций, неизбежно сопровождаются многочисленными и многообразными отклонениями, нарушениями и т. п., требующими четкого правового регулирования. Значимость последнего и связанных с ним психологических вопросов резко возрастает именно

в переходные периоды развития общества от одного его состояния к другому. В данном случае речь идет о переходе российского общества к инновационной экономике, экономике знаний, высокотехнологичным производствам и т. д.

Во-вторых, актуальность прикладной юридической психологии объясняется и *междисциплинарным характером* решаемых ею вопросов, граничных прежде всего между психологической наукой и юриспруденцией, а также социологией, наукой управления, политологией, конфликтологией и др. Междисциплинарные исследования в настоящее время являются одним из важнейших источников порождения новых научных и научно-практических проблем, и этот процесс непосредственно связан с дальнейшим *развитием современной психологической науки* в целом.

В-третьих, прикладная юридическая психология характеризуется ярко выраженной *практической ориентацией* научных разработок, которые изначально имеют научно-практический характер. В настоящее время для психологической науки принципиально важно быть научной, востребованной российским обществом. И в связи с этим именно прикладная юридическая психология составляет одно из значимых для общества *направлений востребованности* современной психологии. Будучи по своей природе комплексными, научно-практические проблемы составляют некоторое поле интеграции знаний из самых разных наук для эффективного решения такого рода проблем.

Одновременно представляя на данном семинаре новый научно-практический журнал «Прикладная юридическая психология», в соответствии с которым была обозначена тема семинара, необходимо прежде всего подчеркнуть высокую значимость такого события, как организация нового журнала и выход в свет нескольких его номеров. В результате этого возникают как общие для журналов задачи, так и специальные, которые могут стать характерными именно для этого журнала.

Первая задача — это представлять *новейшие научные разработки*, как фундаментальные, так и прикладные, причем делать это необходимо с учетом интересов разных категорий потенциальных читателей: исследователей, преподавателей, практиков и т. д.

Вторая задача — *объединить* вокруг журнала профессиональных психологов и других специалистов, работающих в сфере юриспруденции и близких к ней областях общественной практики. Для этого журнал должен выявлять и представлять мнения широкого круга специалистов, при этом совсем необязательно, чтобы они совпадали, были единым или мнением большинства. Конечно, они должны быть разными, вплоть до противоположного, и вызывать уважительное отношение. Но я не имею в виду возможные крайности, радикализм, отношение к которым не может быть универсальным, терпимым, однако это особый вопрос.

Третья задача может относиться именно к данному журналу или категории подобных ему — *ориентировать новое психологическое знание* не только для специалистов-психологов или представителей смежных наук, но и на прак-

тиков — разные категории практикующих юристов, различного ранга руководителей соответствующих служб и подразделений. Именно с их помощью журнал сможет сделать многое для *формирования практической востребованности* психологического знания, конкретных научных разработок, психологической экспертизы, прогноза, а значит, для повышения роли психологической науки в современном российском обществе, формирования его общей психологической культуры. Подчеркну, что ожидания по отношению к новому журналу большие и, надеюсь, оправданные.

С удовлетворением хочется отметить высокий профессиональный уровень участников нашего семинара, о чем можно судить и по авторам докладов, включенных в его программу, и по составу зарегистрированных специалистов. Для эффективного начала работы семинара это может оказаться важным его признаком. Следует отметить и еще одну характеристику семинара — место его проведения — академический Институт психологии РАН, призванный по Уставу РАН разрабатывать фундаментальные и прикладные проблемы современной науки, в частности психологической. Это обусловлено в первую очередь острой необходимостью разрабатывать *научные основы модернизации* современной экономики и всякого рода реформирования современного российского общества, включая систему МВД России. Для решения сформулированной таким образом задачи участие специалистов Института психологии РАН вполне уместно.

Научно-практический семинар «Прикладная юридическая психология» целесообразно рассматривать в ряду дру-

гих научных мероприятий, организуемых и проводимых на базе учреждений МВД России или с их участием. В связи с этим в хронологическом порядке хочется отметить прошедшее в мае 2010 г. научно-практическое мероприятие, направленное на повышение квалификации профессиональных практических психологов, работающих в системе МВД России, на базе которого это мероприятие и проходило, причем с участием представителей академической психологической науки, что оказалось взаимно полезным делом. Кроме того, необходимо выделить научный доклад министра Р.Г. Нургалиева, с которым он выступил 27 мая 2010 г. на расширенном заседании бюро Отделения общественных наук РАН. Доклад был посвящен научному обоснованию программы реформирования МВД России. Обсуждение предложенных министром основных направлений реформирования системы проходило с участием философов, экономистов, социологов, юристов, психологов, политологов и представителей других научных дисциплин, входящих в современную систему общественных наук. Судя по содержанию проводимых мероприятий, в их основу закладываются высокий научный уровень, который в настоящее время обеспечивается российской академической наукой, с этой точки зрения наш научно-практический семинар не является исключением.

Думая о будущем семинара, который только начинает свою работу, целесообразно высказать некоторые пожелания. Во-первых, учитывая острую актуальность научно-практического направления, исключительно важно сделать этот семинар *регулярно действующим*, при этом менее принципиальна его

частота по сравнению с регулярностью. Для начала, например, можно было бы собираться один раз в полугодие, а затем посмотреть по потребности и, возможно, перейти к частоте 3 раза в год, имея в виду I, II и III кварталы года. Во-вторых, заседания семинара необходимо сделать *тематическими*, предварительно разрабатывая примерный план на 1-2 года. Было бы правильно использовать накопленный Институтом психологии РАН опыт организации других семинаров по фундаментальным и прикладным проблемам психологии труда и инженерной психологии, психофизиологии и математической психологии, исторической психологии и др. В-третьих, конкретная реализация запланированной темы (проблемы) должна осуществляться в соответствии с общенаучным и методологическим принципом единства *теории, эксперимента и практики*, который был обоснован Б.Ф. Ломовым применительно к решению психологических задач.

В заключение хочется пожелать успехов в работе семинара в целом, а его участникам—услышать новые идеи, факты и закономерности, завести новые научные контакты, включиться в успешное профессиональное сотрудничество, то есть с большой пользой для дела провести время на семинаре в Институте психологии РАН.

**Директор Института психологии РАН
член-корреспондент РАН
профессор А.Л. Журавлев**

О роли междисциплинарного статуса юридической психологии

Л. Б. Юшкова

Аннотация: в статье представлены приветствия ректора Санкт-Петербургского государственного университета (СПбГУ) участникам семинара «Прикладная юридическая психология», дан краткий анализ современного статуса юридической психологии как междисциплинарной области знания.

Ключевые слова: юридическая психология, интегративный характер знаний, предмет юридической психологии.

Summary: the paper presents the rector of St. Petersburg State University welcome the participants of the seminar «Applied legal psychology», a brief analysis of the current legal status of psychology as an interdisciplinary field of knowledge

Keywords: legal psychology, integrative knowledge, the subject of legal psychology.

С приветственным словом от имени СПбГУ к участникам научно-практического семинара «Прикладная юридическая психология» выступила доцент кафедры педагогики и педагогической психологии, помощник ректора СПбГУ по вопросам международного сотрудничества Л.Б. Юшкова.

От имени всех сотрудников ректор СПбГУ Н.М. Кропачев просил поприветствовать всех присутствующих на заседании коллег: директора Института психологии РАН члена-корреспондента РАН А.Л. Журавлева, начальника Академии ФСИН России доктора юридических наук А.Я. Гришко, ректора МПСИ академика РАО С.К. Бондыреву, проректора МГЛУ академика РАО Н.Н. Нечаева, главно-

го редактора журнала «Прикладная юридическая психология» доктора психологических наук Д.В. Сочивко.

По глубокому убеждению ректора СПбГУ Н.М. Кропачева, известного и уважаемого юриста, *юриспруденция—это коммуникация*, взаимодействие людей между собой в правовом пространстве.

Юридическая психология также исследует взаимодействие людей, особенности психологии в отношениях с системой права. Находясь на стыке юриспруденции и психологии, эта наука имеет общую и с психологией, и с юриспруденцией цель и задачи, которые можно было бы сформулировать следующим образом.

Главная цель юридической психологии как науки и практики - это образование (воспитание, развитие и формирование, обучение и коррекция) личности, которая нуждается в правовом обществе. Такая личность в состоянии построить правовое общество, развивать правовое общество, жить в правовом обществе, а если понадобится — защитить правовое государство.

Интегративная сущность реальности и интегративный характер знаний о ней делают изучение предмета юридической психологии и особенностей его

приложений одной из самых актуальных задач отечественной науки и практики в условиях современной российской действительности.

Уже более десяти лет в СПбГУ существует юридическая клиника, где студенты под руководством преподавателей помогают малоимущим гражданам, бесплатно проводя консультации по правовым вопросам. Сейчас такие клиники существуют во многих вузах, а первыми начинали преподаватели и студенты нашего университета. Это движение растет, потому что это необходимо гражданам, которые принимают участие в строительстве правового общества. Важнее всего при этом интегральное воспитание, когда происходит не только повышение правовой компетентности студентов и тех людей, кто обращается к ним за помощью, но и формирование психолого-педагогической идентичности, а самое значимое—становление активной гражданской личности.

Ректор СПбГУ особо отмечает знаковое событие, на котором мы все сегодня присутствуем. Это презентация научного журнала «Прикладная юридическая

психология», издающегося Академией ФСИН России с 2007 г. В нем публикуются материалы по самым актуальным вопросам современной юридической психологии, обсуждаются результаты прикладных и экспериментальных исследований по социальной, юридической, педагогической и пенитенциарной психологии, глубоко освещаются вопросы пенитенциарной и юридической педагогики. Среди авторов статей—известные ученые, с многолетним опытом работы сотрудники уголовно-исполнительной системы, докторанты и адъюнкты.

Без сомнений, это плод усилий всего коллектива работающих в нем людей. Тем не менее особая роль в том, что молодой журнал успел за короткое время зарекомендовать себя как авторитетное научное издание, принадлежит его главному редактору—доктору психологических наук Дмитрию Сочивко, с которым нас связывают долгие годы работы, творчества и дружеской привязанности.

Желаю успеха в научных исследованиях, педагогической деятельности и практической работе всем участникам семинара!

Юридическая психология: генезис и перспективы

В. М. Поздняков

Аннотация: в статье отражены материалы выступления автора на научно-практическом семинаре «Прикладная юридическая психология», на основе большого исторического материала представлена роль современной юридической психологии в системе психологического знания.
Ключевые слова: юридическая психология, историографические исследова-

ния, психология преступления, исправительный процесс, психология исправления.

Summary: the article reflects the author's presentation materials for a research workshop «Applied legal psychology», based on a large historical material presented the role of psychology in the modern legal system of psychological knowledge.

приложений одной из самых актуальных задач отечественной науки и практики в условиях современной российской действительности.

Уже более десяти лет в СПбГУ существует юридическая клиника, где студенты под руководством преподавателей помогают малоимущим гражданам, бесплатно проводя консультации по правовым вопросам. Сейчас такие клиники существуют во многих вузах, а первыми начинали преподаватели и студенты нашего университета. Это движение растёт, потому что это необходимо гражданам, которые принимают участие в строительстве правового общества. Важнее всего при этом интегральное воспитание, когда происходит не только повышение правовой компетентности студентов и тех людей, кто обращается к ним за помощью, но и формирование психолого-педагогической идентичности, а самое значимое—становление активной гражданской личности.

Ректор СПбГУ особо отмечает знаковое событие, на котором мы все сегодня присутствуем. Это презентация научного журнала «Прикладная юридическая

психология», издающегося Академией ФСИН России с 2007 г. В нем публикуются материалы по самым актуальным вопросам современной юридической психологии, обсуждаются результаты прикладных и экспериментальных исследований по социальной, юридической, педагогической и пенитенциарной психологии, глубоко освещаются вопросы пенитенциарной и юридической педагогики. Среди авторов статей—известные ученые, с многолетним опытом работы сотрудники уголовно-исполнительной системы, докторанты и адъюнкты.

Без сомнений, это плод усилий всего коллектива работающих в нем людей. Тем не менее особая роль в том, что молодой журнал успел за короткое время зарекомендовать себя как авторитетное научное издание, принадлежит его главному редактору—доктору психологических наук Дмитрию Сочивко, с которым нас связывают долгие годы работы, творчества и дружеской привязанности.

Желаю успеха в научных исследованиях, педагогической деятельности и практической работе всем участникам семинара!

Юридическая психология: генезис и перспективы

В. М. Поздняков

Аннотация: в статье отражены материалы выступления автора на научно-практическом семинаре «Прикладная юридическая психология», на основе большого исторического материала представлена роль современной юридической психологии в системе психологического знания.
Ключевые слова: юридическая психология, историографические исследова-

ния, психология преступления, исправительный процесс, психология исправления.

Summary: the article reflects the author's presentation materials for a research workshop «Applied legal psychology», based on a large historical material presented the role of psychology in the modern legal system of psychological knowledge.

Keywords: *legal psychology, historiographic studies, psychology crime, correctional process, psychology fixes.*

Известный психолог Константин Константинович Платонов любил повторять: «Каждой науке что-то дано, а что-то задано». Данная фраза, услышанная в 1984 г. при обсуждении темы моей кандидатской диссертации, в последующем заставляла критично воспринимать тенденции в развитии юридической психологии как отрасли психологической науки и области психопрактики. Ведь юридическая психология, включенная с 1971 г. в реестр научных психологических специальностей (под номером 19.00.06), одновременно представлена и в научном направлении—юриспруденция. Наличие двойного статуса создает определенные коллизии. В связи с этим представляется важным рассмотреть ее научное поле прежде всего в социально-историческом аспекте, а затем вести речь о перспективах развития.

Проведенное историографическое исследование позволяет констатировать, что наиболее динамичным развитие юридической психологии в России было в периоды правовых инноваций: в ходе судебной (1864 г.) и пенитенциарной (1879 г.) реформ в дореволюционной России, при формировании в 1920-х годах правовых основ Советского государства, при правовой модернизации в 1960-70-х годах, при принятии в 1990-х годах новых кодексов в постсоветской России. Обусловлено это лишь внешним социальным заказом или, кроме того иными причинами, рассмотрим подробнее.

Накануне судебной реформы (1864 г.) рядом видных юристов была инициирована научная дискуссия о возможнос-

ти и путях применения психологии в праве. В частности, С.И. Баршев в работе «Взгляд на науку уголовного законодательства» (1858]

доказывал, что ни один вопрос уголовного права не может быть решен без помощи психологии, которая должна быть его составной частью. К.Я. Яневич-Яневский в статье «Мысли об уголовной юстиции с точки зрения физиологии и психологии» (1862] писал, что физиологическое и психологическое образование юристов не должно быть спекулятивным, так как «законы духовной жизни ускользают от внимания тех, кто погружается в метафизические отвлеченности».

В.Д. Спасович в учебнике «Уголовное право» (1863) многие правовые факты пытался объяснить с позиции достижений физиологии и психологии. В последующем, понимая недостаточную изученность юридико-психологической проблематики, он стал лично проводить анамнестические обследования преступников с целью дать различие их «душевных недугов как болезней мышления, чувств или воли». Следует отметить, что уровень сделанных В.Д. Спасовичем обобщений имел фундаментальный характер, а поэтому по инициативе И.М. Сеченова он был избран членом научного общества при Военно-медицинской академии. Несомненной заслугой В.Д. Спасовича является его содействие интенсификации междисциплинарных контактов, так как созданная им при Петербургском уни-

верситете первая в России общественная ассоциация юристов действовала по уставу, который обеспечивал членство в ней и представителям других наук. В итоге в повестку заседаний ассоциации включались доклады и по юридико-психологической проблематике.

Касаясь содержания имевших место научных дискуссий представляется важным отметить ряд моментов. В публикациях по истории возникновения психологии в России преимущественно рассматривается лишь суть полемики между И.М. Сеченовым и его оппонентом К.Д. Кавелиным. Вместе с тем позиция отстаиваемая юристом К.Д. Кавелиным, являвшимся в 1857-1961 гг. заведующим кафедрой гражданского права Петербургского университета, а в 1882-1884 гг.—президентом Вольного экономического общества, была более многоплановой и касалась реформирования страны в целом. Она активно поддерживалась русской либеральной интеллигенцией, так как Кавелин доказывал необходимость учета личностного начала не только в праве и считал, что «индивидуальность есть почва всякой свободы и всякого развития». Именно его подход к рассмотрению проблемы «свободы воли» стал основой для широкой дискуссии, в которую включились как И.М. Сеченов, так и представители

университетской психологии Н.Я. Грот, М.М. Троицкий, Л.М. Лопатин и др.¹

Благодаря междисциплинарности дискуссии и возникли предпосылки для появления «психологической теории права», разработанной Л.И. Петражицким—заведующим кафедрой энциклопедии и философии права Петербургского университета. Ее автор в ряде работ «О мотивах человеческих поступков» (1904), «Введение в изучение права и нравственности: эмоциональная психология» (1905), «Теория права и государства в связи с теорией нравственности» (1907) доказывал, что именно психология, ее теория эмоций и мотивации способны дать научно обоснованное решение вопросов правового регулирования и оценки индивидуального и массового поведения, в том числе при совершении преступлений, а также обеспечить эффективную «переделку человеческого характера для достижения желательного социального поведения»². И хотя Л.И. Петражицким, по мнению его современников видных юристов Б.Н.Чичерина, П.Н. Новгородцева, В.И.Сергеевича, в право во многом априорно заводалась «психологизаторская платформа», причем с жестким методологическим размежеванием с ранее существовавшими подходами³, до настоящего времени без анализа его взглядов уже невозможно преподать юристам теорию права⁴.

¹ Подробнее см.: Поздняков В.М. Отечественная пенитенциарная психология: история и современность. М., 2000. С. 29-31.

² См.: Марцинковская Т. Д., Ярошевский М.Г. Петражицкий Лев Иосифович (1867-1931)//100 выдающихся психологов мира. М.,1996. С. 170-173.

³ На это неоднократно указывали адепты учения Л.И. Петражицкого. См.: Михайлов П.Е. Психологическая теория права перед судом русской юриспруденции. М., 1910; Иванов Г.А. Психологическая теория права в критической литературе. СПб., 1913.

⁴ См.: Будилова Е.А. Социально-психологические проблемы в русской науке. М., 1983. С. 75-84; Исаев И.А. Рациональное и иррациональное в психологической теории права Л.И. Петражицкого//Психол. журн. 1986. № 4. С. 131-137; Марцинковская Т. Д., Ярошевский М.Г. Указ. соч. С. 170-173; Пяткина С.А. Лев Иосифович Петражицкий: Очерк жизни и творчества//История русской правовой мысли. Биографии. Документы. Публикации. М., 1998. С. 224-242.

Учитывая, что основными функциями социальных наук являются классификация, предвидение и легитимизация⁵, в последней четверти XIX и начале XX века стала возрастать активность отечественных ученых в разработке типологий преступников и инструментария для работы с ними. При этом следует особо подчеркнуть, что их разработки не следовали слепо за модными новациями зарубежных ученых (например, в русле антропологической теории Чезаре Ломброзо), а представляли собой оригинальные подходы, базировавшиеся на критическом анализе отечественной практики правоприменения и опытно-экспериментальной работе. Это отличало научную деятельность многих вид-

ных юристов: И.Я. Фойницкого—автора первой типологии преступников⁶; Д.А. Дриля — теоретика ювенальной юстиции и организатора практики исправления малолетних правонарушителей⁷; Л.Е. Владимирова, заложившего основы судебно-психологической экспертизы⁸; А.М. Бобрищева-Пушкина, выявившего психологические закономерности суда присяжных⁹; Г.С. Фельдштейна, обосновавшего психологические основы учения о виновности¹⁰; Д.Д. Безсонова, изучившего особенности толпы, обуславливавшие массовые преступления¹¹.

Продуктивному развитию клинико-психологических исследований и их применению в правовой сфере способст-

⁵ См.: Пэнто Л. Государство и социальные науки//Социология под вопросом. Социальные науки в постструктуралистской перспективе: альманах рос.-франц. центра социологии и философии Института социологии РАН. М., 2005. С. 57-78.

⁶ В дореволюционный период И.Я. Фойницкий не только воспринимался как создатель теории тюремного наказания (см.: Фойницкий И.Я. Учение о наказании в связи с тюремным содержанием. СПб., 1889), но и являлся активным участником государственных комиссий по пересмотру законодательства. Как один из основоположников социологического подхода в праве, он стал автором теории борьбы с преступностью как с проявлением личных свойств деятеля, являвшейся своего рода прототипом возникшей позднее за рубежом теории «опасного состояния». Подробнее см.: Кашепов В.П., И.Я. Фойницкий//История русской правовой мысли: Биографии, документы, публикации. М., 1998. С. 513-529.

⁷ Согласно Д.А. Дрилю, психология и право имеют дело с одними и теми же явлениями—законами сознательной жизни человека. Право, не обладая собственными средствами для изучения этих явлений, должно заимствовать их у психологии. Поэтому, по мнению Дриля, с одной стороны, психология есть тот базис, на котором право только и может быть построено, а с другой—только опираясь на психологию, уголовное право сможет «попытаться стать руководителем и светочем законодательства и практики». Подробнее см.: Дриль Д.А. На что должна быть направлена карательная деятельность? Психологический очерк. Пб., 1880; Его же. Малолетние преступники. М., 1884. Вып. 1; 1886. Вып. 2; Его же. Преступность и преступники (Уголовно-психологические этюды). СПб, 1885; Он же. Психофизические типы в их соотношении с преступностью и ее разновидностями (Частная психология преступности). М., 1890; Его же. Антропологическая школа и ее критики//Юрид. вестн. 1891; Уголовная антропология, ее предмет и задачи//Вестн. психологии, криминальной антропологии и гипнотизма. 1904. Вып. 1.

⁸ Историки психологии (Е.А. Будилова, 1983; Т.Д. Марцинковская, 1994) традиционно считают Л.Е. Владимирова, являвшегося профессором уголовного права Харьковского университета, одним из основателей отечественной судебной психологии, так как им еще в 1870-х годах защищены магистерская диссертация на тему «О значении врачей-экспертов в суде» и докторская—«Суд присяжных», а также издана монография «Психические особенности преступников по новейшим исследованиям» (1877). Однако анализ его научного творчества позволяет отнести к ученым, заложившим фундамент в целом науки юридическая психология, которая, по его взглядам, должна развиваться на междисциплинарной основе.

⁹ См.: Бобрищев-Пушкин А.М. Эмпирические законы деятельности русского суда присяжных. М., 1896.

¹⁰ Фельдштейн Г.С. Психологические основы учения о виновности: в 2 т. СПб., 1903.

¹¹ См.: Безсонов Д.Д. Массовые преступления в общем и уголовном праве. СПб., 1907.

вовала деятельность таких отечественных психиатров и психологов, как С.С. Корсаков, В.П. Сербский, В.Х. Кандинский, П.И. Ковалевский, Г.В. Рейтуа, И.А. Сикорский, А.А. Токарский, В.Ф. Чиж. Уже в 1887 г. на I съезде русских психиатров были обсуждены актуальные задачи: проведение судебно-психиатрических экспертиз (В.П. Сербский), создание психологического инструментария и его применение к аномальным людям (А.А. Токарский), совершенствование психиатрического семейного патронажа (С.С. Корсаков) и др.¹². Представляется, что изучение их вклада в развитие юридической психологии должно стать предметом специального монографического изучения.

С возникновением в России первых психологических лабораторий возросла активность в разработке методов изучения преступников. В отстаивании приоритета экспериментального подхода особая роль принадлежит В.М. Бехтереву. В опубликованной им в 1902 г. статье «Об экспериментальном психологическом исследовании преступников», а спустя 10 лет в обобщающем труде «Объективный психологический метод в применении к изучению преступности» пропагандировалась идея комплексного изучения человека, в том числе с учетом влияния на делинквентное поведение генеалогической наследственности, воспитания, среды жизни, особенностей генезиса психики. Бехтерев, определяя задачи созданного им

в 1908 г. Психоневрологического института (в том числе возникшей при нем криминологической секции), аргументировал, что «...всестороннее изучение человеческой личности, а тем более научно поставленное ее воспитание и исправление не может осуществляться иначе, как путем специальных исследований, производимых непосредственно на самом объекте, который должен быть предметом наблюдения и опыта, а это может быть осуществлено только при создании соответствующих научно-воспитательных учреждений»¹³.

В выполненных в дореволюционный период экспериментальных исследованиях изучались такие актуальные для права проблемы, как умственная работоспособность малолетних преступников (А.Л. Щеглов, 1902), влияние отношений личности на преступное поведение (А.Ф. Лазурский, 1903), правдивость (ложь) в свидетельских показаниях (И.Н. Хомяков, 1903; Г.Р. Португалов, 1903; О.В. Гольдовский, 1904, и др.); «физиология типов» преступников в зависимости от соотношения наследственности и воспитания (Н.А. Белов, 1914) и др.¹⁴.

Наряду с экспериментом в изучении преступников продолжали широко применяться наблюдение, беседы-интервью и идеографические методы, прежде всего в изучении закономерностей языка и речи конкретных групп преступников, атрибутов их субкультуры, анализе биографий заключенных, их авторских ру-

¹² См.: Столова ЕА. Проблемы психотерапии на первых съездах отечественных психиатров//Актуальные вопросы изучения механизмов гомеостаза: тез. респ. науч. конф. Каунас, 1983. С. 232-233.

¹³ Бехтерев В.М. О деятельности Психоневрологического института как высшего педагогического учреждения и его роли в педагогическом строительстве//Вопросы изучения и воспитания личности. 1921. № 3. С. 440-441.

¹⁴ Подробнее см.: История и некоторые вопросы современного состояния экспериментальных исследований в отечественной психологии: сб. науч. тр.. М., 1990. С. 5-82.

кописных письменных работ (дневников, писем, стихотворений и т. д.)¹⁵. В итоге появились психологические портреты по отдельным категориям преступников (П.Н. Тарновская, Н.С. Лобас, А.И. Ющенко, К. Огранович, П.Г. Бельский)¹⁶. В разработке и внедрении в пенитенциарную практику научно обоснованного диагностического инструментария весома роль Д.А. Дриля. Он, являясь директором департамента воспитательных учреждений для малолетних преступников, в апреле 1906 г. обратился в московские общества психологов и психиатров с тем, чтобы разработать специальные карты наблюдения, а уже в октября того же года обеспечил их легитимное применение на практике. Позднее интерес юристов был проявлен к разработанным А.Ф. Лазурским «Программе исследования личности»¹⁷ и Г.И. Россолимо методики—«Психологические профили»¹⁸.

Итак, в дореволюционной России при возникновении и развитии юридической психологии одновременно шла разработка ее теории, методов и легитимизация в правоприменительной практике.

При этом доминирующими ориентирами выступали ряд моментов.

Во-первых, при анализе причин преступности постепенно утверждалась позиция необходимости учета множества действующих факторов, но наибольшему исследованию подвергались биопсихологические и социальные¹⁹. Именно в контексте приоритетности действия данных групп факторов и велась разработка мер по профилактике правонарушений и исправлению преступников.

Во-вторых, в связи с тем, что в рамках расширенной научной дискуссии начала XX века все больше становилось сторонников той позиции, что «преступное поведение—это результат прежде всего внутреннего освобождения себя от закона, или иначе, результат индивидуального волевого акта, хотя оно и может возникать на основе примера, заражения, вовлечения, наведения»²⁰, все чаще стали звучать предложения перейти от традиционного догматико-юридического дихотомического подхода к рассмотрению проблемы «преступление—наказание» к новой, «триадной»

¹⁵ См.: Дашкевич Л.И. В женской тюрьме. СПб., 1898; Брейтман Т. Очерки из быта профессиональных преступников//Преступный мир. Киев, 1901; Гартефельд В.Н. Каторга и бродяги Сибири. М., 1912; Попов В.М. Словарь воровского и арестантского языка. Киев, 1912.

¹⁶ См.: Тарновская П.Н. Женщины-убийцы. СПб., 1902; Лобас Н.С. Убийцы (некоторые черты психологии преступников]. М., 1913; Ющенко А.И. Основы учений о преступнике, душевнобольном и психологии нормального человека. СПб., 1913; Огранович К. К вопросу о тюремной психологии//Вести права. 1914; Бельский П.Г. Преступность и дети. Рост детской преступности и борьба с ней. Среда. Детские типы// Психология и дети. 1917. № 4.

¹⁷ См.: Лазурский А.Ф. Программа исследования личности//Вестн. психологии. 1904. Вып. 9. С. 686-709.

¹⁸ См.: Россолимо Г.И. Психологические профили. Метод количественного исследования психических процессов в нормальном и патологическом состояниях. СПб., 1910.

¹⁹ Спор о детерминантах преступности, как отмечается в современных историко-правовых исследованиях, в дореволюционный период велся постоянно, а поэтому в большинстве монографий и учебников по уголовному праву (С.В. Познышев, 1912; А.А. Пионтковский, 1914 и др.) главы строго юридико-догматического характера соседствуют с главами об индивидуальных (антропологических), социальных, экономических и даже космических факторах преступности. См., напр.: Иванов Л.О. Формирование социологической школы уголовного права в России и развитие отечественной уголовно-политической мысли: автореф. дис. ...канд. юрид. наук. М., 1982. С. 9-10.

²⁰ См.: Ильин И.А. Путь к очевидности. М., 1993. С. 25-26.

схеме анализа, где центральным звеном выступает субъект преступного деяния и его отношение к преступлению и наказанию. При трансформации законодательства считалось важным учесть психологические закономерности феноменов свобода воли и ответственность, покаяние и исправимость (юридическая и (или) нравственная) личности преступников.

В-третьих, в связи с накоплением в России уже к концу XIX века передового опыта в исправлении и патронате над малолетними правонарушителями²¹ начали развиваться теория ювенальной юстиции и разрабатываться психолого-педагогические средства воздействия, опережающие мировую практику²².

Среди отмеченных тенденций подробнее рассмотрим третью. Это представляется важным в связи с тем, что до настоящего времени, с одной стороны, в учебниках по истории возрастной и педагогической психологии (А.А. Никольская, 1995), а также детской психологии (Т.Д. Марцинковская, 1998) о психологических подходах к разработке теории и психопрактики исправительно-воспитательной работы с малолетними правонарушителями речь вообще не ве-

дется, с другой стороны, после решения Минобрнауки России, принятого в феврале 2010 г., о вводе новых государственных образовательных стандартов по высшему психологическому образованию будут готовиться специалисты по специальности «Педагогика и психология девиантного поведения».

Как известно, благодаря принятию в России в 1864 г. «Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями» в стране стали активно создаваться различные виды исправительных учреждений для несовершеннолетних правонарушителей. К 1900 г. их было 45, причем в городах они носили название приютов, а в сельской местности — земледельческих колоний²³. В этот исторический период благодаря трудам таких ученых, как А.Я. Герд, А.М. Богдановский, Д.А. Дриль, А.Ф. Кистяковский, Д.А. Тальберг, была теоретически доказана²⁴, а опытной исправительной практикой таких организаторов и педагогов, как М.П. Беклешев, Д.В. Краинский, В.М. Левитский, Н.А. Окунев, П.И. Ровинский, братья Н.В. и К.В. Рукавишниковы, М.Н. Капустин, А.Д. Ушинский, и многих других подтверждена бесперспективность борьбы с преступностью не-

²¹ См.: Беляева Л.И. Правовые, организационные и педагогические основы деятельности исправительных заведений для несовершеннолетних правонарушителей в России (середина XIX-начало XX вв.): автореф. дис. ...д-ра юрид. наук. М., 1995.

²² На имеющийся в тексте вывод представляется важным обратить внимание и в связи с тем, что и в недавно изданных фундаментальных трудах по истории отечественной дореволюционной возрастной и педагогической психологии (А.А. Никольская, 1995), а также детской психологии (Т.Д. Марцинковская, 1998) о психологических подходах к разработке теории и психопрактики исправительно-воспитательной работы с малолетними правонарушителями речь вообще не ведется.

²³ Самыми крупными учреждениями являлись Петербургская колония на 200 человек, основанная А.Я. Гердом, а среди приютов—Московский, основанный братьями Рукавишниковыми, имевший население не менее 120 человек. Цит. по: Невский В.В. Теория и практика исполнения уголовных наказаний в отношении несовершеннолетних: монография. Домодедово, 1998. С. 51.

²⁴ См.: Герд А.Я. Избр. пед. труды. М, 1953; Богдановский А. Молодые преступники. Вопросы уголовного права и уголовной политики. Одесса, 1870; Кистяковский А.Ф. Молодые преступники и учреждения для их исправления. Киев, 1878; Тальберг Д.А. Исправительные колонии и приюты в России. СПб., 1882; Дриль Д.А. Малолетние преступники. М., 1884.

совершеннолетних лишь применением репрессивно-наказательных мер и одновременно предложено строить в их отношении уголовную политику преимущественно в превентивно-исправительном ключе²⁵.

В дореволюционный период было проведено 8 съездов представителей исправительных заведений для малолетних преступников. На них, где наряду с практическими работниками всегда присутствовали видные ученые, писатели, религиозные деятели, меценаты, правительственные чиновники, активно проводился обмен опытом в области патроната и эффективного использования различных средств исправления (режим и дисциплина, труд и образование, воспитательная и религиозная работа, развитие системы самоуправления и др.]. Особо следует отметить, что на VIII съезде, состоявшемся в 1911 г., в повестку дня был включен вопрос о совершенствовании психолого-педагогической характеристики и медицинской экспертизы девиантных детей²⁶.

Изучением эффективности различных направлений и средств преодоления асоциальности несовершеннолетних преступников (причем на основе опыта как России, так и зарубежных стран]

активно занимался ряд видных отечественных юристов (А.Ф. Кистяковский, Д.А. Дриль, П.И. Люблинский, М.Н. Гернет, С.В. Познышев и др.]²⁷. В итоге была обоснована прежде всего целесообразность специального законодательства и особой институализации правоприменительной практики. Это было реализовано в ряде законов: «Об изменении форм и обрядов судопроизводства в отношении малолетних и несовершеннолетних преступников» (1897], «Положение о воспитательно-исправительных заведениях для несовершеннолетних» (1909] и др. Однако со стороны ученых — представителей других областей гуманитарного знания доказывалась, а педагогами-практиками опытно подтверждалась возможность не доводить асоциальных подростков до «сетей традиционной тюрьмы». Основанием для подобной позиции служила динамично развивавшаяся в тот исторический период в России система патроната над данной категорией правонарушителей²⁸.

Компаративный анализ концептуальных идей и средств психолого-педагогического воздействия на несовершеннолетних правонарушителей, созданных в дореволюционной России и в мире, свидетельствует о том, что

²⁵ См.: Беляева Л.И. Опыт прошлого стоит изучать//Проблемы теории наказания и его исполнения в новом уголовном и уголовно-исполнительном кодексах (к 75-летию Н.А. Стручкова]/под ред. В.И. Селиверстова: материалы науч.-практ. конф. (февраль 1997 г.]. М., 1997. С. 55.

²⁶ Подробнее см.: Поспелова О.И. Деятельность съездов представителей исправительных заведений для малолетних преступников в Российской империи//Социальные отклонения молодежи как философская, психолого-педагогическая и правовая проблема: тезисы докл. участников междунар. конф. Владимир, 1996. С. 88-91.

²⁷ Хотелось обратить особое внимание на то, что А.Ф. Кистяковский уже в 1872 г. на основании изучения опыта работы приютов для малолетних правонарушителей и колоний для несовершеннолетних преступников (петербургских, московских, саратовских] и личного участия в создании Рубашевской колонии (под Киевом] пришел к выводу о том, что система исправления малолетних преступников без системы покровительства (патроната, социальной помощи] по выходу из воспитательно-пенитенциарных заведений будет лишь «неудачной полумерой».

²⁸ См.: Беляева Л.И. Патронат в России (XIX-начало XX в.]. М., 1996.

отечественные подходы были весьма прогрессивны. Так, в России психологически достаточно глубоко были проработаны теоретические концепты о нерасчленимой биосоциальной природе отклоняющегося поведения (В.М. Бехтерев), об усвоении девиантного поведения через механизмы стигматизации и импрессиона (П.Ф. Лесгафт), о возможности генеалогического предупредительного воспитания с коррекцией вредных привычек и асоциальных тенденций в личности подростка (И.А. Сикорский, В.М. Бехтерев и др.), а также нравственно-исправительного воздействия на малолетних преступников в специальных учреждениях (К.Д. Ушинский, А.Я. Герд, Д.А. Дриль и др.). С учетом достижений в превентивно-исправительной практике нами поддерживается мнение профессора С.А. Завражина о том, что в предоктябрьский (1917 г.) период «у нас конституировалось особое научно-опытное направление — предупреждение отклоняющегося поведения несовершеннолетних, которое интегрировало знания комплекса гуманитарных и естественных наук (юриспруденции, педагогики, психологии, биологии, физиологии, медицины, социологии) и обладало следующими генеральными параметрами: социальной ангажированностью (теснейшей связью с конкретной социокультурной ситуацией), практологичностью (преобладанием практикоориентиро-

ванных подходов), педоцентрической и гуманистической направленностью»²⁹.

О прогрессивности взглядов отечественных ученых свидетельствовала их авторитетность на международных криминалистических и пенитенциарных конгрессах³⁰. Уже в начале XX века обосновывались и юридико-психологические идеи, которые опережали свое время: отмена смертной казни (А.Ф. Кистяковский, С.И. Викторовский, Н.С. Таганцев, А.Ф. Кони, Н. Евреинов и др.); введение институтов «исполнительных судов», «условного осуждения», «условно-досрочного освобождения» (С.К. Гогель, А.А. Жижиленко, А.А. Пионтковский); построение гуманного обращения с заключенными (С.К. Гогель, Д.А. Дриль и др.)³¹.

Касаясь второго периода масштабных правовых реформ в нашей стране, который приходится на первое десятилетие советской власти, следует отметить, что в силу поставленной задачи — выработать новую, отличную от буржуазной правовую политику государства и принять законодательство, реализующее модель «социальной защиты», — были созданы условия для продолжения междисциплинарных научных дискуссий, широкой опытной апробации инновационных юридико-психологических идей и специальных психотехнических средств.

О реальной востребованности науки с первых дней новой власти свидетельствуют мемуары руководителей

²⁹ Завражин С.А. Предупреждение отклоняющегося поведения несовершеннолетних в Российской империи: монография. М., 1996. С. 111.

³⁰ См.: Малинин Н.Ф. Постановления шести международных тюремных конгрессов и систематический указатель к ним//Тюремный вестн. 1904. № 9. Приложение; Беляева Л.И. Международный союз криминалистов и его русская группа//Совершенствование правового регулирования исполнения уголовных наказаний в условиях реформы уголовно-исполнительной системы: тр. Академии управления МВД России. М., 1997.

³¹ См.: Краткий очерк деятельности Главного тюремного управления за первые XXXV лет его существования (1879-1914)//Тюремный вестн. 1914. № 2. С. 284-397.

возникшего тогда Наркомата юстиции П. Стучки и Е.Б. Пашуканиса. Так, Е.Б. Пашуканис писал: «Когда в первые дни после Октябрьской революции мы встали перед необходимостью сломать старую судебную машину... возник вопрос, в чем же будет заключаться отправление правосудия новыми судами и на чем это правосудие будет основываться... Чтобы выйти из этого положения и ответить на поставленный вопрос, надо было иметь какую-то общую теорию права, и она была предложена; к сожалению, это была не марксистская концепция права, но позаимствованное у Петражицкого психологическое учение об интуитивном праве»³². В итоге в соответствии с Декретом о суде № 1, утвержденном Совнаркомом РСФСР 22 ноября 1918 г., отменялись «законодательства свергнутых правительств», а при организации деятельности новых советских судов во главу угла была поставлена идея «революционного интуитивного правосознания», обоснованная еще в дореволюционный период марксистски ориентированным ученым М.А. Рейснером³³. В итоге из-за игнорирования в судебной практике социально-психологических реалий, то есть наличия в тот исторический период одновременно различных видов правосознания (пролетарского, крестьянского, буржуазного и т. д.), так как к реализации правосудия были при-

влечены представители всех слоев общества, и их ориентации не на нормативные акты центральной власти, а на «одинаковое значение наряду с законом житейских соображений справедливости, то есть чисто психологические переживания судей и участников суда»³⁴, произошел коллапс в деятельности судов.

Приведенный пример убедительно свидетельствует о том, насколько серьезные проблемы могут возникать при формализованном подходе к использованию юридико-психологических идей. Как следствие, Наркомюсту, как отмечает в своих воспоминаниях П. Стучка, пришлось срочно осуществлять «коррекцию правовой системы сверху» и включить в Декрет № 2 в качестве главного термина «социалистическое правосознание»³⁵. Однако его теоретическая неразработанность, в том числе в аспекте соотносительности с узловыми дефинициями судопроизводства — «вменяемость», «умысел», «неосторожность», «соучастие» и другими — в последующем заставили вносить в нормативные акты новые изменения. Для этого уже прибегли к услугам компетентной дореволюционной профессуры. Она же была нужна и для проведения образовательно-правового ликбеза среди сотрудников Наркомюста.

В качестве примера востребованности ученых Наркомюстом приведу

³² См.: Пашуканис Е.Б. Марксистская теория права и строительство социализма//Избранные произведения по общей теории права. М., 1980. С. 182-183.

³³ М.А. Рейснер рассматривал право как социальный феномен, имеющий прежде всего психологическую природу, а классовое правосознание объявлял если не единственной, то основной формой существования права. В итоге данный ученый, оттолкнувшись от концепции Петражицкого, по сути дела, доказывал, что классовая психика всегда будет находиться в оппозиции и даже приходиться «в столкновение с правом позитивным, то есть официальным». См.: Рейснер М. Теория Л.И. Петражицкого, марксизм и социальная идеология. СПб., 1908. С. 158.

³⁴ Материалы НКЮ. Вып. II. М., 1918. С. 31-32.

³⁵ См.: Стучка П. Революционная роль права и государства. М., 1921.

обнаруженный в архиве один из тематических планов учебных занятий, реализованных в данном ведомстве после инноваций в уголовно-исполнительном законодательстве. Утвержденный приказом в 1925 г., он обязывал весь персонал Главка (Главного управления мест заключения), а также руководство московских подразделений посещать 2 раза в неделю запланированные занятия (4 часа в будни и до 6 часов в воскресенье), которые проводились преимущественно учеными по следующим разделам:

- «Учение о причинах преступности» (проф. М.Н. Гернет);
- «Основы пенитенциарной науки» (проф. М.М. Исаев);
- «Криминальная психология» (проф. Е.К. Краснушкин);
- «Психология лишенного свободы» (проф. М.Н. Гернет);
- «Общие основы психологии и их применение к изучению поведения преступника» (зав. Психологической клиникой 1-го МГУ А.Е. Петрова);
- «Основные начала культурно-просветительной работы в местах заключения» (нач. культурно-воспитательной части ГУМЗ Ю.Ю. Бехтерев)³⁶.

Как видим, из списка 6 утвержденных к изучению разделов более половины были психологическими и не только носили теоретический характер, но и обеспечивали психотехническую компетентность.

Проведенный библиографический анализ свидетельствует, что уже в 1918 г. по инициативе Петроградского Совета было создано особое учреждение—Петроградский криминологический каби-

нет, сотрудники которого должны были изучать состояние и тенденции в развитии преступности, разрабатывать рекомендации по диагностике личности преступника и профилактике преступлений. Идея о целесообразности создания таких многофункциональных научно-опытных учреждений (кабинетов, юридических клиник, лабораторий) нашла горячую поддержку властей во многих регионах, и прежде всего в крупных городах— Москве, Минске, Баку, Ростове-на-Дону, Харькове, Одессе и др. Следует отметить, что деятельность большинства указанных учреждений включала в себя разработку юридико-психологических проблем. И хотя эти учреждения просуществовали всего 7-10 лет, работавшими в них учеными собран богатейший эмпирический материал и сделаны теоретико-прикладные обобщения по следующим направлениям: 1) совершенствование методики изучения личности преступников (Н.А. Рыбников, 1926; Н.В. Петровский, 1926; А.Н. Лентьев, 1928; Л.И. Айхенвальд, 1928 и др.); 2) составление психологических портретов конкретных категорий преступников: детоубийц (М.Н. Гернет), конокрадов (Н. Геденов, Р.Е. Люстерник), хулиганов (Т.Е. Сегалов, 1926; К.И. Платонов, З.И. Чучмарев, 1927), насильников (Н.П. Бруханский), поджигателей (Т.Е. Сегалов, 1927), убийц корыстных и убийц из мести (И.И. Станкевич); 3) отношение осужденных к приговору (А.И. Зинев, 1927 и др.) и влияние мест лишения свободы на личность преступника (О.М. Купер, 1924; А.М. Халецкий, 1930 и др.); 4) субкультура в криминальных сообществах и в среде

См.: ЦГАОР СССР. Ф. 4042. Оп. 2. Д. 252. Л. 300, 302.

осужденных (И.Н. Виноградов, 1927; Е.И. Френкель, 1927 и др.); 5] детекция лжи в свидетельских показаниях (А.Р. Лурия, 1927]; 6] проведение судебно-психологических и комплексных психолого-психиатрических экспертиз (А.Е. Брусиловский, Е.К. Краснушкин и др.).

Наметившаяся в России в середине 1920-х годов тенденция к росту преступлений требовала повышения уровня научного осмысления причин и механизмов преступности, а также разработки обоснованных комплексных мер по ее предупреждению и снижению рецидива. В связи с этим выдвинутая Народным комиссариатом внутренних дел РСФСР инициатива о создании специализированного общереспубликанского уровня научно-практического учреждения нашла поддержку в Совнаркоме, постановлением которого в марте 1925 г. при НКВД РСФСР был создан Государственный институт по изучению преступности и преступника³⁷. Однако, чтобы деятельность последнего носила межведомственный характер, в состав его руководства были введены представители Наркомюста, Наркомздрава и Наркомпроса, а в положении об институте, согласованном на уровне четырех указанных ведомств, определены следующие цели данного учреждения:

1] выяснение причин и условий, вызывающих или благоприятствующих

развитию преступности вообще и отдельных преступлений в частности;

2] изучение успешности применяемых методов борьбы с преступностью и отдельных мер социальной защиты;

3] разработка вопросов уголовной политики, в частности пенитенциарной;

4] разработка системы и методов изучения заключенных и пенитенциарного воздействия на них;

5] изучение отдельных лиц, представляющих интерес для выяснения явления преступности;

6] изучение влияния отдельных мер исправительно-трудового воздействия на заключенных.³⁸

Для проведения исследовательской работы институт мог организовывать специализированные кабинеты, лаборатории, клиники. Реализация подобной возможности со временем привела к тому, что в структуре института появилось 4 филиала (в Москве, Ленинграде, Саратове и Ростове-на-Дону), а также Экспериментальное пенитенциарное отделение (ЭПО).

Если более подробно остановиться на деятельности ЭПО, то из-за создания его на базе практического органа, а также набора сотрудников из числа ученых-исследователей³⁹ данное учреждение могло решать ставящиеся перед ним задачи комплексно⁴⁰. Так, по инициативе сотрудников ЭПО была подготовле-

³⁷ См.: ЦГАОР. Ф. 4042. Оп. 2. Д. 75. Л. 120.

³⁸ См.: Там же. Д. 454. Л. 167.

³⁹ Согласно архивным данным, образовательный уровень сотрудников созданного в 1926 г. ЭПО был следующим: из 21 человека, зачисленного на должность наблюдателя, все имели высшее образование, в том числе. 6 чел. — юридическое, 4 — медицинское, 7 — историко-философское, 4 — педагогическое (См.: ЦГАОР. Ф. 4042 Оп. 4. Д. 7132. Л. 5-49]. В состав учрежденной при ЭПО комиссии по культурно-просветительной части входили такие видные специалисты в области пенитенциарного дела, как М.Н. Гернет, Ю.Ю. Бехтерев, Б.С. Утевский и др. (См.: ЦГАОР. Ф. 4042. Оп. 5. Д. 132. Л. 3].

⁴⁰ В ЭПО как опытно-лабораторном учреждении были организованы все виды ИТУ и общежитие патрона для лиц, освобожденных из отделения, что позволяло быстро и всесторонне проверять эффективность любого пенитенциарного нововведения.

на, а затем Главным управлением мест заключения утверждена Инструкция по методике и тактике изучения личности заключенных. В ней для изучения личности заключенных рекомендовалось использовать комплекс методов: изучения материалов личного дела заключенного; опроса; автобиографический; объективного наблюдения и естественной записи; медицинского исследования; тестирования⁴¹. Согласно рекомендациям ЭПО собираемые материалы должны были фиксироваться в специальных видах учетных листов (первичного и вторичного обследования), отражавших результаты социально-психологического исследования и медицинского освидетельствования заключенного, а также служить основой рекомендаций в его отношении по труду, лечению, обращению и воздействиям в ходе заключения⁴².

Государственный институт по изучению преступности и преступника, а также его 4 филиала фактически были ликвидированы в 1931 г., так как произведенная реорганизация данного заведения в Институт уголовной и исправительно-трудовой политики практически блокировала многоплановость в исследовательской деятельности, а инновационная психопрактика в местах лишения свободы подгонялась под модель ГУЛАГа, массово утверждаемую с 1929 г. В отношении судеб дореволюционной профессуры трагичные события наступили даже раньше, ибо многие из них были дискредитированы в рамках постано-

вно шедших не научных, а партийных дискуссий, где часто вердиктом выступало их обвинение в «биологизаторском уклоне» или в «психиатрической интервенции». Как это происходило, можно узнать из монографических работ, появившихся в постсоветский период⁴³.

Значительным вкладом в теорию и практику организации исправительного процесса несовершеннолетних правонарушителей является психолого-педагогическая система А.С. Макаренко. Она базировалась на идее перевоспитания, реализуемой на основе всестороннего изучения личности правонарушителей, воспитывающего влияния труда, коллектива и гуманных взаимоотношений между воспитателем и воспитуемыми. Проведенные компаративные исследования свидетельствуют о том, что в мире ничего более масштабного, чем система А.С. Макаренко, которая оказала позитивное воздействие на судьбу более чем трех тысяч беспризорников и правонарушителей, причем без случаев рецидива, не было. В связи с этим представляется не случайным, что Германия, создавая практику ресоциализации несовершеннолетних преступников, предоставила значительные гранты всем исследователям наследия А.С. Макаренко, а в итоге выпустила 20-томное издание его трудов. Вклад Германии в мировой менеджмент в виде модели «бригад результативности», представляется, во многом связан и с творческой переработкой и идей А.С. Макаренко.

⁴¹ См.: ЦГАОР. Ф.4042. Оп. 4. Д. 7132. Л. 61-63.

⁴² См.: Там же. Д. 64. Л. 4, 6.

⁴³ См.: Кузьмин С.И. Становление и развитие исправительной (пенитенциарной) педагогики//Исправительная (пенитенциарная) педагогика. Рязань, 1996. С. 63-65. Мелентьев М.П., Жарый В.Д. О причинах ликвидации Всеукраинского кабинета//Становление и развитие исправительно-трудового законодательства Украинской ССР. Домодедово, 1989 С. 71-72.

Для сравнения, в России до сих пор научный и литературно-творческий вклад А.С. Макаренко представлен лишь в 8 томах, изданных в 1950-е годы Академией педнаук.

Следует отметить, что на перспективность идей А.С. Макаренко для развития современной психологии постоянно обращается внимание в трудах ИП РАН и РАО⁴⁴. Однако в канун его 120-летия со дня рождения не было значимых мемориальных акций, лишь издана одна монография, которую подготовили сотрудники НИИ ФСИН России⁴⁵. А ведь кроме А.С. Макаренко, конструктивные методики воспитательной работы с делинквентными подростками в 1920-е годы были научно обоснованы и реализованы такими видными отечественными учеными, как П.П. Блонский, С.Т. Шацкий, В.Н. Сорока-Росинский.

В качестве факта признания отечественным научным сообществом реальных теоретических и прикладных достижений в области юридической психологии можно расценивать то, что на проводившемся в 1930 г. I Всесоюзном съезде по изучению человека особо отмечены продуктивность ее развития и перспективность психотехнических разработок для дальнейшего совершенствования правового регулирования⁴⁶. Основания для по-

добного вывода базировались на наличии к тому моменту и ряда фундаментальных трудов, в частности книг С. Бройде «В советской тюрьме» (1923], В.И. Кутафина «Малолетние преступники» (1924], К.И. Сотонина «Очерк криминальной психологии» (1925], А.Я. Канторовича «Психология свидетельских показаний» (1925], монографий С.В. Познышева «Криминальная психология: Преступные типы» (1926] и М.Н. Гернета «В тюрьме. Очерки тюремной психологии» (1927], обобщающих научно-методических публикаций Ю.Ю. Бехтерева «Изучение личности заключенного» (1928], А.Р. Лурия «Экспериментальная психология в судебном следственном деле» (1928], А.Е. Брусиловского «Судебно-психологическая экспертиза» (1929]. В итоге период 1920-х годов для юридической психологии представляется своеобразным «серебряным веком»⁴⁷. Заметьте, это происходило тогда, когда Л.С. Выготским (1927] был вынесен вердикт о кризисе в мировой психологии.

В последующие более чем три десятилетия отечественной истории многоплановое развитие юридической психологии было заблокировано. И это связано не только с первой и другими «волнами репрессирования советской психологии» (в 1930-х и 1950-х го-

⁴⁴ См., напр: Психологическая наука в России в XX столетии: проблемы теории и истории/под ред. А.В. Брушлинского. М., 1997. С. 392-398.

⁴⁵ См.: Багреева Е.Г., Данилин Е.М. Возвращение к Макаренко. М.: НИИ ФСИН России, 2006.

⁴⁶ Подробнее см.: Петровский А.В. История советской психологии: Формирование основ психологической науки. М., 1967; Курилин С.К. История развития судебной психологии в СССР: автореф. дис. ...канд. психол. наук. М., 1972. С. 21-22.

⁴⁷ Правомочность подобного вывода подтверждается позитивной оценкой состояния и роли юридической психологии, которую ей дал Л.С. Выготский в своей статье «Исторический смысл психологического кризиса» (1927], когда подчеркивал, что она наряду с психотехникой, психиатрией, детской и рядом других прикладных областей психологии может способствовать перестройке всей психологической науки и преодолению существовавшего в ней в тот период методологического кризиса. См.: Выготский Л.С. Собр. соч.: в 8 т. М., 1982. Т. 1. С. 387.

дах)⁴⁸, но и с особенностями правотворчества и правоприменения в тот период. В ряде публикаций мне уже пришлось аргументированно доказывать, что не было полного прерывания в развитии юридической психологии. Более того, материалы фокус-интервью, проведенных с 35 видными учеными, внесшими вклад в возрождение юридической психологии в 1960-1970-е годы, свидетельствуют о латентном обсуждении ее проблем юристами и отражении ее прежде всего в трудах по истории правовых учений и в обзорах по зарубежной практике правоприменения. Как следствие, после развенчания культа личности в 1956 г. в трудах юристов появились аналитические обобщения достигнутого в истории права и актуализировалась востребованность достижений юридической психологии.

В 1960-е годы возрождение юридической психологии началось с дискуссии о ее научно-предметном статусе (Ю.В. Ивашкин, М.С. Строгович, Л.М. Корнеева, И. Кэртес, С.С. Ордынский, А.В. Ярмоленко и др.). Стали проводиться эмпирические исследования, причем преимущественно в области проблем следственной, судебной и пенитенциарной психологии (А.Р. Ратинов, А.В. Дулов, И.К. Шахриманян, А.Г. Ковалев, А.Д. Глоточкин, В.Ф. Пирожков и др.). Однако малочисленность специалистов-психологов⁴⁹ и в целом обстановка в юридическом сообществе страны еще не позволяли полноценно

развернуть исследования по всему комплексу юридико-психологических проблем (особенно теоретического уровня). В этот период, например, авторитетно-статусный криминолог И.И. Карпец активно проводил идею о необходимости «решительно возразить против психологизации уголовного права», так как по его мнению, «психологические обобщения в широком плане могут привести в болото биопсихологических теорий»⁵⁰. Однако, несмотря и на попытки блокировать развитие юридической психологии, постепенно возрастал социальный заказ от юристов, причем преимущественно на психологическое обеспечение правоприменения.

Так, в Постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 3 июля 1963 г. № 6 «О судебной практике по делам о преступлениях несовершеннолетних» указывалось на целесообразность расширенного проведения судебно-психологической экспертизы. После принятия в 1964 г. Постановления ЦК КПСС «О мерах по дальнейшему развитию юридической науки и улучшению юридического образования в стране» в 1965-1966 гг. в юридических вузах началось преподавание общей и юридической психологии. С учетом растущей востребованности знаний по юридической психологии на III и IV съездах Общества психологов СССР (1968 и 1971 гг.) были проведены специализированные секции, а в 1971 г. Всесоюзная научно-практическая конференция «Актуальные проблемы судебной психологии».

⁴⁸ Подробнее см.: Петровский А.В., Ярошевский М.Г. История психологии. М., 1994. С. 143-160.

⁴⁹ Из известных психологов старшего поколения активное участие в возрождении различных областей юридической психологии, кроме А.Г. Ковалева, приняли А.В. Ярмоленко (одной из первых попыталась дать классификацию узловых проблем) и К.К. Платонов (разрабатывал проблему правовых и нравственных способностей).

⁵⁰ Карпец И.И. О методологии в уголовном праве и криминологических исследованиях//Сов. гос-во и право. 1964. № 4. С. 45.

Необходимость разработки комплексной теории права и решения прикладных проблем правоприменения обусловили создание в 1968 г. во ВНИИ Прокуратуры СССР психологического отдела (руководитель проф. А.Р. Ратинов), а также введение в 1971 г. Госкомитетом по науке и технике при Совете Министров СССР в реестр научных психологических специальностей (под номером 19.00.06] направления «Юридическая психология». Первые докторская и кандидатская диссертации защищены в 1976 г. в специализированном ученом совете, созданном в Академии МВД СССР (соответственно К.И. Шахриманьяном «Психология деятельности следователя» и Е.А. Пономаревой «Социально-психологическая характеристика личности начальника отряда исправительно-трудовой колонии»). Ранее кандидатские диссертации по юридико-психологической специальности защищались в иных, не профильных диссертационных советах в ведущих московских и ленинградских вузах.

В начале 1970-х годов в воспитательных колониях был начат эксперимент по введению неаттестованных должностей психологов. Среди психологов-практиков специфику и затруднения в их деятельности в своей публикации «Психолог ВТК» подробно раскрыли И.П. Башкатов, Л.С. Саблина (1977).

Первая кафедра юридической психологии возникла в Академии МВД СССР (1974 г., начальник профессор А.П. Краковский]. В тот же период в Рязанской высшей школе МВД СССР создана кафедра исправительно-трудовой педагогики и психологии была (руководитель И.И. Купцов).

Библиографический анализ публикаций свидетельствует о том, что в 1970–1980-е гг. развитие юридической психологии шло преимущественно через расширение эмпирических исследований и обоснование конкретных направлений развития:

- *методолого-теоретические основы юридической психологии* (А.Р. Ратинов, А.В. Дулов, М.И. Еникеев, А.М. Столяренко, М.В. Костицкий и др.);

- *психологическое обеспечение правового регулирования и превенции правонарушений* (А.Р. Ратинов, Г.Х. Ефремова, Ю.И. Новик, С.А. Беличева, О.Д. Ситковская, А.М. Яковлев и др.);

- *изучение психологических механизмов криминализации личности и совершения конкретных видов преступлений* (А.Г. Ковалев, Г.М. Миньковский, Ю.М. Антонян, Л.В. Алексеева, В.В. Гульданд, С.Н. Ениколопов, Т.Н. Курбатова, В.Ф. Пирожков, А.Н. Пастушеня, Е.Г. Самовичев и др.);

- *психологическое обеспечение следственной и оперативно-розыскной психологии* (А.Р. Ратинов, А.В. Дулов, К.И. Шахриманьян, В.Л. Васильев, Ф.В. Глазырин, Н.Л. Гранат, Е.В. Коновалова, Д.П. Котов, М.И. Еникеев, Г.Г. Шиханцов, Л.Б. Филонов, В.А. Данилов, О.Г. Ковалев, И.Б. Пономарев, Ю.В. Чуфаровский, Ю.Ю. Юстицкий и др.);

- *совершенствование судебно-психологической экспертизы и судебной деятельности* (А.В. Дулов, В.В. Романов, М.М. Коченов, И.А. Кудрявцев, Б.Д. Лысков, Т.В. Сахнова, В.Ф. Енгальчев, Л.П. Кобышева, О.Д. Ситковская, Ф.С. Сафуанов и др.);

- *изучение личности и среды осужденных* (А.Д. Глоточкин, В.Ф. Пирожков, И.П. Башкатов, В.Г. Деев, М.Г. Деболь-

ский, А.И. Папкин, А.Н. Сухов, А.И. Ушатиков, А.И. Мокрецов, В.А. Москаленко, Е.В. Петухов, В.М. Поздняков и др.);

• *психологического обеспечения деятельности сотрудников различных правоохранительных органов* (А.М. Столяренко, В.Л. Васильев, М.И. Марьин, Н.В. Андреев, И.О. Котенев, В.С. Медведев, В.М. Поздняков, В.Ю. Рыбников, В.П. Трубочкин, Ю.А. Шаранов и др.);

• *психология управления в правоохранительных органах* (А.И. Китов, А.М. Столяренко, В.А. Бакеев, А.И. Папкин, В.И. Черненилов, А.Г. Шестаков и др.).

Возникновение в начале 1990-х годов психологической службы в МВД России и ее интенсивное развитие (особенно в системе органов и учреждений, исполняющих наказания) обусловили открытие уже мае 1990 г. психологического факультета в Рязанской высшей школе МВД СССР. Нехватка кадров психологов решалась и через курсы переподготовки сотрудников правоохранительных органов, созданные как в других ведомственных, так и в гражданских вузах. Многоплановость и сложность процесса подготовки и профстановления юридических психологов привела к защите ряда кандидатских и одной докторской диссертации (В.Ф. Енгальчев, 2007).

Институализация психологов не только в структуре Министерства внутренних дел, но и в других правоохранительных органах значительно расширила проблематику эмпирических исследований. «Психологов в погонах» сегодня насчитывается более 3 тыс. в МВД России, 3,5 тыс. во ФСИН России, сотни человек — в других правоохрани-

тельных органах. Наиболее многопланово в организационно-структурном плане выстроена и достаточно эффективно действует психологическая служба в системе органов и учреждений исполнения наказаний. На уровне управлений ведомства функционируют два специализированных отдела, научно-методическое обеспечение профдеятельности психологов с осужденными и сотрудниками ФСИН России осуществляют 12 межрегиональных психологических лабораторий, а подготовку кадров специалистов ведут психологические факультеты в двух вузах — Академии права и управления и Вологодском институте права и экономики ФСИН России. В более многофункциональной и значительно большей по численности системе МВД России подготовка будущих психологов ведется на факультетах трех ведомственных университетов.

Социально-экономическая и правовая реформы, непрерывно происходящие в постсоветской России, актуализировали разработку таких проблем, как психология правотворчества и психологическая экспертиза законов и нормативных правовых актов; психология формирования правовой культуры и предупреждения преступности; психология гражданского судопроизводства и деятельности суда присяжных; психотехнологии ресоциализации осужденных и постпенитенциарной реабилитации лиц, отбывших наказания; экстремально-психологическая помощь и психологическое сопровождение личного состава правоохранительных органов, несущих службу в зоне локальных конфликтов; психологическое обеспечение борьбы правоохранительных органов с терроризмом. Сегодня результаты раз-

ноплановых исследований по указанной и иной юридико-психологической проблематике нашли отражение в десятках изданных монографий и учебных пособий, в многочисленных статьях в научных журналах. В связи с этим представляется закономерным то, что с 2010 г. в перечне журналов ВАК наряду с журналами «Юридическая психология» и «Психопедагогика в правоохранительных органах» появилось третье легитимное издание—«Прикладная юридическая психология».

На сегодняшний день по научной специальности «юридическая психология» защищено более 20 докторских и 200 кандидатских диссертаций. Радует, что к исследованиям юридических психологов постоянно растет интерес академической науки. На состоявшемся IV съезде РПО (Ростов-на-Дону, 2007) работало три специализированные секции юридических психологов, причем с достаточно панорамным перечнем обсуждаемых проблем. Вдохновляет то, что достаточно высокие оценки научного общества (прежде всего, юридического!) получили разработанные психологами частные теории, в том числе «превентивной психологии» (С.А. Беличева, 1989), «психологии уголовной ответственности» (О.Д. Ситковская, 1998), «криминальной сущности личности» (А.Н. Пастушеня, 2000), «соучаствующего исправления личности осужденного» (В.М. Поздняков, 2000), «психологического прогнозирования надежности специалистов экстремального профиля» (В.Ю. Рыбников, 2000), «психодинамики личности в экстремальных условиях» (Д.В. Сочивко, 2004), «психологического обеспечения деятельности сотрудников правоохранительных органов»

(М.И. Марьин, 2004), «психологии безопасности и психовиктимологического сопровождения сотрудников правоохранительных органов» (А.И. и И.А. Папкины, 2005, 2006), «психологии девиантного поведения» (Е.В. Змановская, 2006), «психологии субъекта преступления» (Л.В. Алексеева, 2007), «совершенствования судебно-психологических экспертиз» (Ф.С. Сафуанов] и др.

Проведенный нами социально-исторический и компаративный анализ позволяет в качестве основных детерминант развития отечественной юридической психологии, действовавших в 1990-е гг. и в первое десятилетие XXI века, выделить следующие: 1] социокультурные; 2] собственно научные (дисциплинарные); 3] субъектно-институциональные. Рассмотрим, каково их влияние на научное поле юридической психологии.

Изменения в России, происходившие в последние десятилетия, актуализировали выход на методологию «неклассической психологии», где главным принципом является осознанное вмешательство в жизнь (А.Г. Асмолов, 2002]. Ответом юридических психологов стало обоснование важности реализации при дальнейшем развитии своей научной отрасли и области психопрактики наряду с ранее доминировавшим объектно-деятельностным подходом также «субъектно-соучаствующего». Последний базируется на полноценном учете национально-культурных оснований соучастной жизнедеятельности россиян и уровня их правосознания, а также на идее конструктивного различения сути и разработке специализированного инструментария для работы с идеальными (теоретическими, приклад-

ными, исследовательскими) и реальными (практическими) объектами. В связи с этим в «Энциклопедии юридической психологии» (2003) были представлены методологические принципы, являющиеся как общетеоретическими (А.М. Столяренко), так и специальными при реализации психопрактики в правовой сфере (В.М. Поздняков).

По-прежнему крайне мало докторских диссертационных работ фундаментального характера. В кандидатских исследованиях методолого-теоретические основы или опираются на аппарат из общей, социальной, возрастной либо других фундаментальных отраслей психологии, или ориентируются на подходы из зарубежного опыта. Подобная практика часто не дает ощутимого приращения знаний по сложным феноменам права, так как во многих случаях требуется междисциплинарный подход. Именно таким образом формируют социальный заказ в отношении психологии современные юристы. Так, в книге В.Г. Тарасенко «Постулаты права» (2009) подчеркнуто, что современные «исследования в области антропологии, психологии, медицины, социологии и других наук о человеке, несмотря на множественный характер гипотез, в принципе последовательно указывают на то, что мы, по всей видимости, приближаемся к фундаментальным характеристикам права, человеческого сообщества»⁵¹. При этом достижения психологии, по мнению В.С. Горбаня (2009), весьма востребованы в решении проблемы проектирования новых законов и определения эффективности действующего законодательства⁵².

Следует критично отметить, что до настоящего времени недостаточно активно развивается такой раздел юридической психологии, как правовая психология. Однако именно ее наработки важны для других разделов и направлений данной науки, а также для мониторинга становления и развития в российском обществе правовой культуры и правосознания, формирования у сотрудников правоохранительных органов корпоративно-профессиональной ментальности и юридико-психологической компетенции. Кроме того, отсутствие исследований по понятийно-категориальному аппарату юридической психологии (причем одновременно используемому и юристами, и психологами) ограничивает участие специалистов-психологов в проведении комплексной экспертизы законов и нормативных правовых актов. В качестве позитивного момента отмечу лишь конструктивность опыта дискуссий пенитенциарных психологов в середине 1990-х годов с разработчиками Уголовно-исполнительного кодекса РФ. Как следствие, данный законодательный акт признается одним из наиболее психологизированных, с четкой фиксацией в нем как необходимости осуществления воспитательной работы с осужденными с использованием психолого-педагогических средств (ст. 110 УИК РФ), так и права осужденных обращаться за психологической помощью к специалистам-психологам ч. 6¹ ст. 12 УИК РФ).

Один из путей расширения диалога с юристами при правотворчестве и совершенствовании правового регули-

⁵¹ Тарасенко В.Г. Постулаты права. М., 2009. С. 109.

⁵² См.: Горбань В.С. Понятие, теория и проблемы формирования общей концепции эффективности законодательства. М., 2009.

рования — объединение усилий квалифицированных психологов и юристов в подготовке «психологических комментариев» по действующему законодательству. Имеется, к сожалению, лишь позитивный опыт профессора О.Д. Ситковской, издавшей в 1998 г. Психологический комментарий к Уголовному кодексу РФ. Кроме того, важным является расширение сотрудничества с академическими психологами, которые с середины нынешнего десятилетия на основе грантов включились в разработку проблемы комплексной гуманитарной экспертизы (С.Н. Братченко, Д.А. Леонтьев, Г.В. Иванченко и др.).

В качестве собственноручных детерминант, предопределявших в 1990-е — первое десятилетие 2000-х годов развитие отечественной юридической психологии, выступили закономерности внутри- и междисциплинарного характера. В итоге наблюдались тенденции как ее дальнейшей дифференциации, так и определенной интеграции. О первой из них наглядно свидетельствуют количество и тематика защищенных в этот период диссертационных работ: при росте в 2,5 и в 1,3 раза числа соответственно кандидатских и докторских диссертаций одновременно значительно расширилась их предметная область, в том числе за счет разработки проблем по таким новым областям, как юридическая экстремальная психология, юридическая конфликтология, психосемантика, психопрактика в правовой сфере. Тенденция интеграции в исследования по юридической психологии проявлялась в меньшей мере, но она признается как приоритетная в дальнейшем развитии данной науки и комплексном применении ее разработок в правовой практике

(А.Р. Ратинов, 1998; А.М. Столяренко, 1999; В.М. Поздняков, 2000, и др.).

Междисциплинарные влияния на развитие юридической психологии определили актуальность решения следующих проблем: 1] упорядочивание ее дисциплинарного поля, то есть определения новых границ как дисциплинарной системы, чтобы в итоге обеспечить гармоничное развитие всех структурных составляющих (теоретической, методической, психопрактической) и реальное объединение юридических психологов; 2] осуществление категориальной рефлексии, чтобы способствовать адекватной психологизации в правотворчестве и правовом регулировании; 3] оценка имеющегося психотехнического инструментария и разработка нового специализированного под конкретные задачи в правовой сфере (психомониторинга, психопрогностики, консультативной и экспертной работы, создания и применения диагностико-коррекционных комплексов для работы с делинквентными и преступными людьми и т. д.).

На уровне житейского сознания часто считают, что введение в традиционный тип организаций новых категорий специалистов автоматически со временем приведет к изменению организационной культуры. Однако при стихийном протекании данного процесса он может носить затяжной и остроконфликтный характер.

Сегодня психологи, работающие в системе правоохранительных органов, многое сделали для создания системы психологического обеспечения деятельности личного состава в экстремальных условиях. Однако их участие в исследованиях по изучению общественного мнения о деятельности правоохранительных орга-

нов (за исключением работ сотрудников НИИ прокуратуры) пока фрагментарно. Если в 1990-х годах были диссертационные работы по проблеме имиджа сотрудников правоохранительных органов, то сегодня при «растущих волнах негатива» (и прежде всего в адрес сотрудников МВД России) данная проблематика затрагивается лишь косвенно. В то же время за рубежом указанная проблема, а также проблемы профдеструкций и профвыгорания сотрудников правоохранительных органов рассматриваются как психовиктомологические, а поэтому осуществляется мониторинг трансформации их профессионально-корпоративной ментальности, межкультурной толерантности, отношения к «превентивно-социальному обслуживанию населения». Проведение данных исследований в России является актуальным, на наш взгляд, в связи как с начавшейся реформой деятельности ряда правоохранительных ведомств, так и при подготовке психологов на новый государственный образовательный стандарт — «Психология служебной деятельности».

Субъектная детерминанта при развитии психологии в 1990-е—первое десятилетие 2000-х годов проявилась и в таком не очень благоприятном явлении, как отставание качественной характеристики психологических кадров от показателей их количественного роста. Изучение практики функционирования психологической службы в правоохранительных органах позволяет полагать, что для обеспечения эффективности ее развития актуальным будет разрешение в перспективе трех групп разноплановых проблем: 1) содержательно-предметной; 2) институциональной; 3) социально-ментальной.

В рамках *первой группы проблем* — содержательно-предметного плана — в качестве ведущей выступает, на наш взгляд, проблема разработки научно обоснованной концепции изучения, прогноза и управления личностно-профессиональным ростом различных категорий сотрудников. В связи с этим актуальны следующие вопросы: 1) создания конструктивной социально-психологической типологии личности сотрудников правоохранительных органов на разных этапах профстановления; 2) адаптация созданных для других целей или разработка новых психодиагностических средств (прежде всего для мониторинга, прогнозирования и коррекции профессиональных деструкций). Решение указанных вопросов может быть успешным лишь при наличии в ведомствах научно-методических центров, где осуществляют разработку и экспериментальную апробацию методического инструментария.

Эффективность реализации со стороны психологов психоконсультативной помощи и психокоррекционной работы остается низкой по ряду причин. Во-первых, из-за недостаточной профессионально-методической подготовленности психологи-практики или вообще отказываются от проведения данной работы, или у некоторых из них вырабатывается позиция, состоящая в том, что с помощью какого-нибудь одного метода или психотехнологии воздействия (например, гештальттерапии, НЛП, психодрамы и т. п.) можно успешно решать все проблемы по изменению личности различных категорий сотрудников. Во-вторых, добровольное участие сотрудников в психокоррекционных мероприятиях (особенно в групповых и мас-

совых формах] ограничено в силу их боязни того, что откровенное раскрытие имеющихся психологических и иных проблем может получить огласку и повлечь за собой последующее углубленное медицинское обследование и даже увольнение со службы.

В целом, для продуктивного разрешения первой группы проблем — содержательно-предметного характера — представляется актуальным прежде всего регламентировать в организационно-правовом плане и усилить в методическом аспекте психологическое обеспечение конкретных сфер психопрактики в правоохранительных органах. И хотя до настоящего времени в России так и не принят Федеральный закон «О государственной правоохранительной службе», но с учетом зарубежного опыта представляется перспективной консолидация усилий на разработке Кодекса профессиональной этики психологов правоохранительных органов.

Во второй группе проблем — институционального плана — в качестве узловых выступают вопросы повышения должностного статуса психологов, а также оптимизации их оргместа и профессионального статуса среди других подразделений в системе правоохранительных органов, ибо имеющиеся в этой области недостатки определяют текучесть кадров психологов.

Если с учетом тенденций, существующих за рубежом в психологическом обеспечении правоохранительной деятельности, осуществить прогноз перспектив развития психологических служб в правоохранительных органах России, то представляется возможным указать на вероятность проявления следующих закономерностей.

** Демистификация деятельности психологов среди личного состава.* Восприятие и отношения к профессиональной деятельности психологов будут становиться все более адекватными, причем и не априорно завышенным и, когда руководители считают их сферой ответственности все «болевые точки» учреждения, и не скептически зауженными, когда им отводится возможность решать лишь частные функции, обслуживающие заказы других специалистов. Адекватность будет возрастать на основе роста уличного состава психологической компетенции, причем как в рамках расширяющейся психологической подготовки, так и через изменение мировоззрения на основе повседневных контактов с психологами.

** Дифференциация областей профессиональной деятельности и специализация психологов.* Статус психологов и психологической службы будет возрастать по мере количественного и качественного роста ее состава, при одновременной дифференциации ее структуры и специализации сотрудников.

** Институализация психологической службы в пространстве ведомства и психологов в рамках профессиональных ассоциаций.* По аналогии с тенденциями развития психологических служб за рубежом, и в России в других общественных сферах институализация на уровне правоохранительных органов будет выражаться не только в усилении роли соответствующего единого структурного подразделения, но и в развитии при нем соответствующих научно-исследовательского и учебно-методического органов. Профессиональные ассоциации психологов правоохранительных органов, вероятно, будут

складываться или как отделения внутри более широких профессиональных объединений (РПО, Бюро юридических психологов), или по предметной специализации (например, по психодиагностике, психоконсультированию, психокоррекции и психотерапии).

Оценивая состояние современной юридической психологии как науки и области психопрактики в целом, все же следует критично отметить, что до сих пор нет должной взаимосопряженности в развитии ее основных структурных составляющих—теории, метода и психопрактики. Для обеспечения их гармоничного развития представляется важным начать междисциплинарную дискуссию, с вовлечением в нее только представителей академической психологии и смежных наук.

В заключение хотелось бы привести слова известного философа Ортеги-и-Гассета: «Прошлое не может научить нас, как поступать в будущем, но оно может научить не допускать имевших место ошибок». Наверное, главная из них связана с сохраняющейся тенденцией преимущественного развития юридической психологии по «внешне заданному», а требуется активно утверждать накопленный потенциал как в своей области знания, так и в целом мировой психологией. Это крайне важно в связи с наблюдающимся сегодня расширенным востребованием достижений психологии не только в практике деятельности правоохранительных органов, но и при построении правового государства.

Актуальные проблемы исследования агрессивного поведения

С.Н. Ениколов

Аннотация: в статье отражены материалы выступления автора на научно-практическом семинаре «Прикладная юридическая психология», анализируются

проблемы исследования агрессивного поведения в современной юридической психологии.

Ключевые слова: насильственное поведение, агрессивное поведение, наси-

лие, базовые эмоции, апатия, стресс.

Summary: the article reflects the author's speech at the scientific and practical seminar «Applied legal psychology, the study analyzes the problem of aggressive behavior in the modern legal psychology».

Keywords: violent behavior, aggressive behavior, violence, basic emotions, apathy, stress.

В последние десятилетия проблема насильственного, агрессивного поведения стала объектом самого широкого научного, практического и житейского интереса. Число исследований, относящихся

к этой проблеме, возрастает значительно быстрее, чем по любым вопросам в области общественных наук.

Практически любая работа, так или иначе связанная с проблематикой насилия и агрессии, начинается с попытки дать определение изучаемому феномену для того, чтобы хотя бы приблизительно очертить тот круг проблем, с которыми эта работа имеет дело. Таким образом, каждый раз, когда мы изучаем тот или иной труд, посвященный проблеме агрессии, насилия и агрессивности, мы сталкиваемся с определенным, иногда даже новым для нас пониманием и определением этих понятий. Все это связано с чрезвычайной объемностью понятий «насилие» и «агрессия», охватывающих огромный спектр поведенческих реакций. Термины «агрессия», «насилие», «деструкция» широко употребляются как в обыденной языковой практике, так и в социальных и поведенческих науках. Хотя многие исследователи пытаются сформулировать точные определения, проблемы и расхождения во мнениях об используемой терминологии чрезвычайно широки.

Одним из главных недостатков исследований агрессии и насилия является то, что эти понятия недостаточно раскрыты в содержательном плане и поэтому часто смешиваются, выступают как синонимичные. Между тем разведение этих понятий совершенно необходимо для углубления представлений о каждом из них.

Многообразие трактовок и случаев употребления понятия агрессии может быть связано и объяснено наличием широкого круга специалистов, каждый из которых рассматривает агрессию как часть своей предметной области. Проблемы агрессии широко изучены вне психологии

антропологией, социологией, криминологией, педагогикой, этикой, правовыми науками, политологией. Каждая из этих дисциплин имеет собственный подход к пониманию и концептуализации агрессии, использует свою систему понятий, часто не учитывая решение подобных проблем в смежных областях знания, что неизбежно приводит к ряду терминологических различий, а часто и к путанице.

Анализ существующих в современной психологии подходов к пониманию агрессии позволяет выделить три аспекта — поведенческий, учет которого дает возможность операционализировать определение агрессии (количество ударов, речевая активность, число убийств и т. п.), мотивационный и эмоциональный (например, ненависть, гнев, отвращение). Последний не только играет важную роль в детерминации агрессивных действий, но и определяет их длительность и интенсивность.

В настоящее время многие отечественные психологи используют определение, предложенное Р. Бэроном и Д. Ричардсон: «...агрессия - это любая форма поведения, нацеленного на оскорбление или причинение вреда другому живому существу, не желающему подобного обращения». Это определение ограничивает сферу исследования агрессии, ибо оставляет за ее пределами множество явлений, в первую очередь все проявления аутоагрессии.

Общий недостаток большинства определений — то, что в них отсутствует описание социального контекста агрессивного поведения, как правило, в той или иной степени связанного с нарушением социальных норм.

В наши дни все больше утверждается представление об агрессии как о

мотивированных внешних действиях, нарушающих нормы и правила сосуществования, наносящих вред, причиняющих боль и страдания людям. Мы считаем, что агрессией можно назвать целенаправленное деструктивное поведение, нарушающее нормы и правила сосуществования людей в обществе, наносящее вред объектам нападения (одушевленным или неодушевленным), причиняющее физический ущерб людям или вызывающее у них психологический дискомфорт (отрицательные переживания, состояния напряженности, страха, подавленности и др.).

Многие исследователи разводят понятия агрессии как специфической формы поведения и агрессивности как психического свойства личности. Агрессия трактуется как процесс, имеющий специфическую функцию и организацию, агрессивность же рассматривается как некоторая структура, являющаяся компонентом более сложной структуры психики человека.

Традиционно агрессивность как свойство личности приписывается людям, в поведении которых относительно часто наблюдают агрессивные действия. Таким образом, наличие этого свойства выводится не из анализа структуры личности, особенностей ее направленности и других психологических компонентов потребностно-мотивационного комплекса, а из наблюдаемого поведения человека. Устанавливается однозначная зависимость между свойствами личности и поведением, вследствие чего агрессия и агрессивность объясняются с позиций однофакторной теоретической модели.

Попытки преодолеть эту односторонность ведут к выявлению все большего числа факторов, влияющих на проявление

агрессии. Большие трудности возникают и при ответе на вопрос, почему люди с одинаковым уровнем агрессивности (выявленным при тестировании) сильно различаются по частоте и интенсивности проявлений агрессии в реальном поведении.

Анализ психологической литературы показывает, что агрессивное поведение чаще всего рассматривается исследователями как одна из форм реагирования человека на различные неблагоприятные в физическом и психическом отношении жизненные ситуации, вызывающие стресс, фрустрацию и другие подобные состояния, выражающаяся в нападении на непосредственный источник напряженности или объект, замищающий его. В любом из этих случаев цель нападения психологически заключается в поисках разрядки обусловленной стрессом внутренней психической напряженности.

В зависимости от степени осознания ситуации психической напряженности возможны три основных формы агрессивного поведения: 1) субъект осознает источник напряженности и непосредственно на него нападает; 2) субъект осознает, чем вызвана его напряженность, но, не имея возможности по тем или иным причинам непосредственно на него напасть, подыскивает объект, нападение на который давало бы разрядку; 3) субъект не осознает, где источник напряженности, и нападает на доступный ему объект.

Агрессия при этом может выступать как одна из форм защиты «Я» и представлять собой основной способ решения проблем, связанных с контролем и сохранением чувства собственной ценности (часто искаженного, неправиль-

но понимаемого, завышенного), так как представляет собой действие, которое может приносить незамедлительные результаты. Способность путем применения силы вынудить противника к выполнению нежелательных для него действий подтверждает контроль над окружением, а также сохраняет или повышает чувство собственной ценности. Учитывая, что оценка собственной ценности зависит от сравнения собственного положения с положением других людей по субъективной шкале ценностей, можно сделать вывод о том, что даже символическая агрессия, не говоря о других ее видах, может защитить от неприятностей, связанных со сравнительным снижением собственного статуса.

Агрессивность, в отличие от ее традиционного понимания как личностного свойства, рассматривается нами как некоторое комплексное психологическое образование, детерминирующее, направляющее и обеспечивающее реализацию агрессивного поведения. Предлагаемый подход к пониманию агрессивности как особого психологического образования позволяет, по нашему мнению, выявить роль, значение и пределы влияния различных ее компонентов в многообразии форм и проявлений агрессии, так как агрессивное поведение, по-видимому, является интегральным результатом взаимодействия различных сторон человеческой индивидуальности.

Агрессивность рассматривается нами как комплексное личностное образование, включающее в себя взаимосвязанные элементы как эмоционально-волевой, так и ценностно-нормативной сферы. Роль и влияние на агрессивное поведение таких свойств и состояний

эмоционально-волевой сферы, как тревожность, эмоциональная лабильность, самоконтроль и других, не вызывает сомнений и выступает объектом многочисленных исследований. Изучению связи ценностно-нормативной сферы с агрессивным поведением до настоящего времени уделялось мало внимания, по существу, оно только начинается.

Хотя преобладающим значением *насилия* является «принуждение», диапазон этого понятия охватывает и такие термины, как «управление», «начальство», «полномочие», «авторитет». Вплоть до сегодняшнего дня за понятием насилия закреплены противоположные значения, которые можно обнаружить при различных попытках легитимизировать насилие. Одни находят его приемлемым только в качестве ответного насилия, другие не считают насилие несправедливым.

Насилие как принуждение является актуализацией возможностей, но таких, которые противны тому, кто терпит страдания. В этом смысле насилие обладает деструктивным характером.

При таком понимании насилия оно перестает просто отождествляться с властью и силой и приобретает более конкретный и строгий смысл. Это позволяет отличать насилие как определенную форму общественных отношений: а) от таких свойств человека, как агрессивность, властность; б) от иных форм принуждения, существующих в социуме, в частности патерналистского и правового.

Таким образом, центральным содержательным элементом в толковании понятия насилия выступает принуждение, всегда осуществляемое через воздействие на психику человека средствами, посягающими на его физическое или

духовное благополучие. Практически во всех этих определениях под насилием понимают применение силы, приводящее к ущербу, наносимому основным человеческим потребностям или даже жизни вообще, понижающему уровень их удовлетворения ниже потенциально возможного. При этом угроза насилия также является насилием.

Й. Галтунг выделил три формы насилия: прямое, структурное и культурное. Наиболее явным и доступным для эмпирического наблюдения является прямое насилие со всеми видами жестокости, проявляемой людьми друг к другу, друг к другу формам жизни и природе в целом. Прямое насилие проявляется в следующих формах: а) убийство; б) телесные повреждения, блокада, санкции, нищета; в) десоциализация из собственной культуры и ресоциализация в другую культуру (например, запрещение родного языка и навязывание другого), отношение к людям как гражданам второго сорта; г) репрессии, задержание, изгнание.

Структурным насилием, по Й. Галтунгу, могут быть: а) эксплуатация типа А, когда нижестоящие могут быть ущемлены настолько, что умирают от голода и болезней; б) эксплуатация типа Б, когда нижестоящие могут оказаться в состоянии постоянной нищеты, для которого характерны недоедание и болезни; в) внедрение в сознание, ограничение информации; г) маргинализация, разобщение. Понятие структурного насилия не включает в себя субъектов, причиняющих ущерб, действуя силой. Оно эквивалентно социальной несправедливости.

Под культурным насилием Й. Галтунг предлагает рассматривать те аспекты культуры, символической сферы нашего

существования, представленной религией и идеологией, языком и искусством, эмпирической и формальной наукой (логикой и математикой), которые могут быть использованы для оправдания и легитимации прямого и структурного насилия. Культурное насилие ведет к тому, что прямое и структурное насилие начинают выглядеть и восприниматься как справедливое или, во всяком случае, не дурное дело. Изучение культурного насилия проливает свет на то, каким образом акт прямого насилия и факт структурного насилия легитимизируются и делаются, таким образом, приемлемыми в обществе.

Анализ и изучение проявлений различных форм насилия касается в первую очередь двух проблем: использования насилия и легитимизации этого использования.

Большинство ценностей, функционирующих в современном обществе, способствуют тому, что агрессия и насилие активно проявляются и воспроизводятся в социуме. Это прежде всего имеет отношение к ценностям, касающимся статусных, имущественных, возрастных отношений, и создающим основу для сильных социальных напряжений, переживаемых большим количеством членов социума. Особенно заметно это проявляется в модернизирующихся странах, где большое количество людей, явно или неявно, вовлечены в процесс перераспределения ресурсов и статусов. Такое состояние социума способствует тому, что прямое и структурное насилие проявляются либо как попытка нижестоящих вырваться, уравнивать положение, перераспределить богатство, отомстить, добиться реванша, либо как действия людей, желающих сохранить

или повысить свой статус. Люди, чувствующие себя униженными, зажатými, подавленными и проигравшими, начинают использовать прямое насилие для своего освобождения, изменения своего положения и соответственно, контрнасилие—для сохранения существующего положения, то есть насилие порождает насилие.

Многочисленные исследования показали, что рост насильственных действий в обществе тесно связан с крупными и резкими социальными переменами (например, модернизацией страны) и вытекающими нарушениями традиционной организации общества, которые заставляют людей обратить внимание на свои индивидуальные проблемы.

Ощущение (не всегда осознанное и объективное) невозможности удовлетворения своих потребностей способствует повышению вероятности того, что наиболее вероятной реакцией становятся различные формы прямого насилия. Но это не единственная реакция, так как могут возникнуть чувство безнадежности, фрустрации, синдромы лишения, которые проявляются как направленная вовнутрь агрессия, а вовне—как апатия и отстранение.

Во многих исследованиях, не учитывающих конкретно-исторические корни социальных явлений, происходит смешение понятий агрессия и «насилие», отождествление агрессивных, насильственных действий индивидуального характера, в том числе преступных, с проявлениями социально-политического насилия, несмотря на то что они имеют различную природу и детерминированы совершенно разными причинами и условиями. Существенный недостаток ряда теоретических концепций насилия

заключается в том, что любые проявления насилия рассматриваются как порядковые явления.

Следует отметить, что в отечественной практике насилие чаще всего рассматривается с правовой точки зрения, поэтому юридическое определение насилия исходит из его противоправности и общественной опасности. Определения насилия в уголовно-правовой литературе отражают только часть рассматриваемых криминологией проявлений насилия.

Многие годы такие понятия, как «агрессия», «агрессивность», «гнев», «враждебность», не имели четкой дифференциации. При этом само понятие враждебности не было дифференцировано от эмоциональных и поведенческих состояний. Кроме того, в исследованиях не было четкости в определении конструкта враждебности, и, как следствие, использовались методы, часто неадекватные цели измерения враждебности.

А. Басс (1961) попытался дифференцировать понятия «агрессия», «враждебность» и «гнев», что положило начало новому направлению исследований враждебности, на которые опираются современные психологи и клиницисты. Враждебность понималась им как длительное, устойчивое негативное отношение или система оценок, применяемая к окружающим людям, предметам и явлениям. Таким образом, по А. Бассу, враждебность соответствует когнитивному компоненту психики наравне с гневом и агрессией, которые являются эмоциональными и поведенческими компонентами соответственно. Отнесение враждебности к числу когнитивных переменных представляется не вполне справедливым, так как враждебность,

неприятность предполагают и эмоциональную оценку.

Еще одно понимание враждебности дал Дж. Берифут (1992), рассматривавший враждебность как антагонистическое отношение к людям, включающее в себя когнитивный, аффективный и поведенческий компоненты. Аффективный компонент составляют связанные эмоции: гнев, раздражение, обида, презрение, негодование, отвращение и т. д. Когнитивный компонент представлен негативными убеждениями в отношении человеческой природы в целом (цинизм) и убеждениями в недоброжелательности других людей по отношению к самому субъекту (враждебные атрибуции, недоверие, подозрительность). Наконец, поведенческий компонент объединяет разнообразные формы проявления враждебности в поведении, часто замаскированные: агрессию, негативизм, нежелание сотрудничать, избегание общения и т. д. Таким образом, Дж. Берифут рассматривает враждебность как сложное образование, включающее в себя гнев и агрессию в качестве поведенческих и эмоциональных коррелятов враждебности, которые выступают ее внешними индикаторами. Наиболее ценным в подходе ученого представляется то, что он вышел за пределы триады «враждебность — гнев — агрессия» и описал достаточно широкий спектр поведенческих и эмоциональных коррелятов враждебности. Понимание того, что враждебность не всегда ведет к агрессии, а вместо гнева может сопровождаться другими эмоциональными переживаниями, открывает возможность самостоятельного, в известной степени изолированного изучения враждебности.

В.Н. Мясищев, разрабатывая категорию «отношение», отмечает, что враждебность формируется в процессе взаимодействия с ее объектом и затем задает пристрастность восприятия новых объектов. Таким образом, враждебность он относит к эмоциональным отношениям, отграничивая ее от собственно эмоций и иных форм отношений, таких как интересы, нравственные и эстетические убеждения.

Враждебность может быть в различной степени генерализованной. Отдельные избирательные негативные отношения к кому-либо или чему-либо характерны для большинства людей. Более того, полное отсутствие у человека враждебных отношений, по всей видимости, отражает определенную личностную дисфункцию или личностную незрелость и не способствует адаптации. С другой стороны, враждебное отношение может быть неадекватно обобщенным, вплоть до того, что человек воспринимает любые объекты или воздействия извне как негативные, неприятные, нежелательные и т. п. В таких случаях генерализации враждебного отношения имеет смысл говорить о враждебной картине мира, которая при определенных обстоятельствах может приобретать характер патологии (например, паранойяльный бред). При высоком уровне враждебности человек склонен приписывать другим объектам и явлениям негативные качества. Характеризуя человека как враждебного, мы подразумеваем следующее: а) в его системе уже сложившихся отношений преобладает враждебность; б) вероятность формирования негативного отношения к новым объектам в целом выше, чем вероятность формирования позитивного.

тивного, то есть имеет место определенная предвзятость. Враждебность характеризуется рядом свойств: степенью осознанности, качественной спецификой, степенью устойчивости. Следует подчеркнуть, что данные свойства тесно взаимосвязаны с уровнем генерализованности враждебности. Например, чем конкретнее враждебное отношение, тем оно менее устойчиво. Напротив, генерализованная враждебность (враждебная картина мира) резистентна к изменениям.

Враждебность как психологическое отношение фактически не наблюдается напрямую в поведении индивида, хотя и находит многочисленные проявления в разнообразных психических процессах и явлениях. Изучение сферы отношений личности, и в частности враждебности, представляет, таким образом, методологическую проблему.

Следовательно, необходимо уделить внимание психическим явлениям, через которые может проявляться враждебность, особенно тем, чья связь с враждебностью неочевидна. Как отмечает Дж. Берифут, помимо гнева, к кругу «враждебных эмоций» относятся раздражение, обида, презрение, отвращение, разочарование и др. Та или иная форма эмоциональных проявлений враждебности сильно зависит и от качественной специфики враждебности и других ее параметров. Так, презрение предполагает обесценивание объекта и приписывание ему каких-либо «недостойных» качеств, например трусости (эти качества в каждом конкретном случае зависят от системы ценностей человека). Страх же, как правило, связан с оценкой объекта как сильного, опасного, агрессивного и т. п. Очевидно, что

следствием враждебности может стать и тревога.

На связь между тревогой с враждебностью указывают данные ряда исследований, проведенных на больных тревожно-фобическими расстройствами. Определенную специфику имеет враждебность в структуре депрессивных расстройств, так как остается вопросом о том, что или кто является объектом враждебности депрессивных больных. Согласно распространенному убеждению, у депрессивных больных враждебность направлена в первую очередь на себя, что выражается в идеях самообвинения. Враждебным отношением к себе объясняют и суицидальные тенденции при депрессии, рассматривая их как аутоагрессию. В рамках такого подхода предполагается, что враждебность в отношении других людей для депрессивных больных нехарактерна.

В то же время, по данным клинических наблюдений, депрессивные больные, помимо прочего, раздражительны, обидчивы, нередко вербально агрессивны, на основании чего некоторые исследователи делают вывод о наличии у них враждебных установок по отношению к окружающим людям. Это, однако, не противоречит подходу, описанному выше. Напротив, было обнаружено, что враждебное отношение к себе и другим имеет единую природу. По всей видимости, при депрессии сложным образом переплетаются враждебность в отношении собственного Я, других людей, а также генерализованная имперсональная враждебность в виде ощущения несправедливости, недоброжелательности окружающего мира, негативной оценки субъективного будущего.

Наиболее ярко враждебность проявляется в межличностных взаимодействиях. При этом конкретная форма проявлений враждебности в процессе общения зависит от многих факторов. Так, негативное отношение к окружающим людям может выражаться в нежелании идти на компромисс, неумении сотрудничать, избегании близких межличностных отношений или социальных контактов вообще и даже в стремлении выполнять самостоятельно работу, которую целесообразнее было бы поручить другим. Ярким примером могут служить расовые, этнические и другие предрас судки. Являясь по своей сути формой враждебного отношения, они далеко не всегда становятся причиной агрессивных действий против соответствующих объектов. В этом смысле физическая или вербальная агрессия выступают лишь частными вариантами проявления враждебности в социальном поведении.

Как уже отмечалось, долгое время в психологии сохранялся взгляд, в соответствии с которым категории гнева и агрессии не были разделены и иногда употреблялись как синонимы, без четкой операционализации.

Термином «гнев» в психологии обычно обозначают эмоциональное состояние, характеризующееся различной интенсивностью—от легкого раздражения до ярости. Понятие «гнев» используется для описания эмоционального состояния, носящего внутриличностный характер. Гнев в современных исследованиях рассматривается по-разному: в рамках триады «враждебность—гнев—агрессия», в дихотомии «гнев как черта характера—гнев как состояние».

Учитывая роль когнитивной переработки в возникновении гнева и его связь

с мотивацией, говорить с полным правом об исключительно эмоциональной природе этого переживания, по всей видимости, нельзя.

Проведенный К. Изардом анализ гнева как одной из базовых эмоций позволил ему выделить следующие его причины: ограничение или прерывание целенаправленной активности, неприятная стимуляция, пребывание в заблуждении или переживание несправедливой обиды, а также негодование от несоответствия поведения окружающих собственным нравственным идеалам. Он рассматривает гнев как эмоцию, отвечающую целям адаптации, взаимодействующую с такими чувствами, как отвращение и презрение. Гнев мобилизует энергию, и его наличие может быть оправдано, если рассматривать его как соответствующую защиту от самонадеянности.

Подход Р. Лазаруса к гневу является гораздо более полным, чем других теоретиков эмоций, и представлен в его когнитивно-мотивационной теории. Он характеризует гнев (а также другие отрицательные эмоции) как результат обиды, утраты или угрозы, при этом источник (особенности ситуации, другой человек и т. д.) является внешним по отношению к субъекту. Для гневающегося человека главный смысл состоит в том, чтобы, несмотря на то, кто явился причиной негативных переживаний, сам субъект в зависимости от собственных желаний смог сохранить контроль над гневом или не делать этого.

Вопросом первоочередной важности для человека, по Р. Лазарусу, является сохранность его самоидентичности, и любое нападение на нее может побудить гнев, степень выраженности которого будет зависеть от личностных особен-

ностей и недавнего опыта переживания унижения. Гнев возникает, если под угрозой оказывается самооценка или оценка со стороны окружения. Однако гнев может быть легко изменен под влиянием когнитивных копинговых процессов.

С позиции Р. Лазаруса, гнев включает такую оценку ситуации, которая предполагает, что лучшее разрешение ситуации нападения—атака. Более того, если человек ожидает, что нападение обеспечит успешное разрешение, то вероятность возникновения гнева возрастает.

Р. Лазарус утверждает, что часто возникает запрет на гнев, особенно в тех случаях, когда за его выражением может последовать сильное возмездие. Он считает, что проявленный гнев может быть как полезным, так и опасным, но неконтролируемый гнев является в равной степени непродуктивным и вредным для физического здоровья.

Наиболее полно рассмотрел гнев и агрессию Дж. Эверилл, который рассматривает гнев как антисоциальное, негативное и очень распространенное явление. Он утверждает, что на межличностном уровне рассмотрение проблемы гнева предполагает включение факта нарушения социально принятых норм поведения и наличие цели отомстить или, по крайней мере, наказать совершившего это. Обычно биологические факторы характеризуются недостатком или отсутствием контроля над гневом. Цель общества—попытаться создать правила для переживания и проявления гнева в соответствии с максимизацией его пользы и минимизацией потерь.

Дж. Эверилл утверждает, что гнев—распространенное явление, а его основная мишень—друг, знакомый или любимый человек. Очень редко мишенью

становится незнакомый или вызывающий неприязнь знакомый человек. Цель гнева—изменить те условия, которые к нему привели. Причиной гнева могут стать неоправданные действия или случай, которого можно избежать. Интерпретация внешнего воздействия и внутреннего состояния осуществляются индивидом на основе социальных норм и ролей, актуальных в данной ситуации. Эмоции представляют собой возможности многообразных действий, адекватных социальному контексту, выражающих оценку индивидом значения актуальной для него ситуации. Однако одной из особенностей ролевого поведения, включенного в эмоциональную экспрессию, выступает возможность ломки общепринятых норм рационального поведения. Таким образом, переживание сильных эмоций позволяет индивиду снимать с себя ответственность за действия, совершенные в таком «неконтролируемом» состоянии, то есть переживание эмоций позволяет индивиду уходить от нежелательной социальной нормы, например при гневном или агрессивном поведении.

Проблема гнева рассматривалась в свете проблемы функциональности эмоциональных явлений в рамках дискуссии о таких функциях эмоций, как побуждающая и дезорганизирующая. Большинство моделей предполагают двустороннюю связь эмоциональных явлений с системой представлений и убеждений. Согласно модели синдрома наличие ассоциативной сети (включающей в себя эмоциональные и познавательные процессы, мотивацию и соответствующую активацию организма) приводит к тому, что неприятные переживания могут вызвать гнев или актуализировать образ врага, независимо от их причи-

ны. При этом наличие чувства гнева лишь усиливает тенденцию к действию, а агрессивное поведение может блокироваться. В модели когнитивной настройки основным фактором, модулирующим эмоциональные явления, выступает приближение (удаление) от цели, а негативные эмоции, выявляя неблагоприятные ситуации, способствуют необходимой при этом мобилизации.

Дезорганизующая функция эмоций проявляется в нарушении целесообразности и социальной опосредованности поведения индивида. Недостаточное внимание вопросам гнева связано с тем, что он является эмоцией, ориентированной на преодоление, и переживается при столкновении с препятствиями, мешающими осуществлению посильной человеку деятельности. Однако из-за того, что гнев и ярость (рассматриваемые как крайнее проявление гнева) могут воплотиться в целенаправленные действия, внимание клиницистов смещено с эмоций на поведенческие проявления.

Гнев выступает эмоциональным условием, наносящим вред здоровью. Существуют данные о связи между ним и нездоровым образом жизни (употребление алкоголя, отсутствие правильного питания, курение, плохой сон, не-

соблюдение медицинского режима, недоверие врачам). Согласно результатам метапсихологического исследования между гневом и артериальной гипертензией существует простая корреляционная связь. При этом авторы предостерегают от попыток причинно-следственного толкования этой связи, рассматривая подавление или проявление гнева в качестве патогенных факторов лишь наравне с другими, такими как наследственная предрасположенность или хронический стресс.

Изучение психологических, физиологических, биохимических, наследственных, ситуативных и других механизмов гнева, враждебности, насилия и агрессии открывает перед учеными широкий спектр возможностей для профилактики криминального и девиантного поведения и лечения серьезных соматических и психических заболеваний.

Среди направлений дальнейших психологических исследований следует отметить необходимость разработки и совершенствования психодиагностических методов, которые позволят производить точную и дифференцированную оценку агрессивности и враждебности, а также эффективных методов психотерапии.

Роль восстановления этноинтегрирующих образов природы в психопрофилактике делинквентного поведения у подростков

А.В. Сухарев, В.С. Грачев

Аннотация: на основе этнофункционального подхода в психологии исследу-

ются особенности развития подростков, обуславливающие склонность к де-

ны. При этом наличие чувства гнева лишь усиливает тенденцию к действию, а агрессивное поведение может блокироваться. В модели когнитивной настройки основным фактором, модулирующим эмоциональные явления, выступает приближение (удаление) от цели, а негативные эмоции, выявляя неблагоприятные ситуации, способствуют необходимой при этом мобилизации.

Дезорганизующая функция эмоций проявляется в нарушении целесообразности и социальной опосредованности поведения индивида. Недостаточное внимание вопросам гнева связано с тем, что он является эмоцией, ориентированной на преодоление, и переживается при столкновении с препятствиями, мешающими осуществлению посильной человеку деятельности. Однако из-за того, что гнев и ярость (рассматриваемые как крайнее проявление гнева) могут воплотиться в целенаправленные действия, внимание клиницистов смещено с эмоций на поведенческие проявления.

Гнев выступает эмоциональным условием, наносящим вред здоровью. Существуют данные о связи между ним и нездоровым образом жизни (употребление алкоголя, отсутствие правильного питания, курение, плохой сон, не-

соблюдение медицинского режима, недоверие врачам). Согласно результатам метапсихологического исследования между гневом и артериальной гипертензией существует простая корреляционная связь. При этом авторы предостерегают от попыток причинно-следственного толкования этой связи, рассматривая подавление или проявление гнева в качестве патогенных факторов лишь наравне с другими, такими как наследственная предрасположенность или хронический стресс.

Изучение психологических, физиологических, биохимических, наследственных, ситуативных и других механизмов гнева, враждебности, насилия и агрессии открывает перед учеными широкий спектр возможностей для профилактики криминального и девиантного поведения и лечения серьезных соматических и психических заболеваний.

Среди направлений дальнейших психологических исследований следует отметить необходимость разработки и совершенствования психодиагностических методов, которые позволят производить точную и дифференцированную оценку агрессивности и враждебности, а также эффективных методов психотерапии.

Роль восстановления этноинтегрирующих образов природы в психопрофилактике делинквентного поведения у подростков

А.В. Сухарев, В.С. Грачев

Аннотация: на основе этнофункционального подхода в психологии исследу-

ются особенности развития подростков, обуславливающие склонность к де-

линквентному поведению. Полученные результаты позволяют сделать вывод о том, что восстановление этноинтегрирующих образов природы в образной сфере личности оказывает влияние на различные индивидуально-психологические характеристики, повышающие степень психологической адаптированности и уменьшающие риск возникновения делинквентного поведения.

Ключевые слова: этноинтегрирующие образы, психопрофилактика, делинквентное поведение.

Summary: on the base of ethnofunctional approach in psychology the development of personality of teenagers with inclination for delinquent behaviour is investigated. The results reveal that recovering of ethnointegral images of nature has influence on different individual-psychological features which improve a degree of psychological adaptation and reduce a risk of delinquent behavior beginnings.

Keywords: ethnointegriruyuschie images, psychoprophylaxis, delinquent behavior.

Проблема предупреждения правонарушений среди подростков в настоящее время приобрела особую значимость, а эффективность профилактики делинквентного поведения оставляет желать лучшего. Анализ состава лиц, совершивших преступления в 90-е годы, показывает, что среди них доля молодых людей в возрасте от 14 до 30 лет составляет приблизительно 60-65 %. При этом отдельные виды делинквентного поведения носят преимущественно подростковый характер. Это обстоятельство обуславливает исключительную актуальность поиска новых методов психопрофилактики криминального поведения в подростковом возрасте.

В науке существует ряд подходов, в рамках которых раскрывается проблема происхождения делинквентного поведения — биологический (Ч. Ломброзо, У. Шелдон, К. Лоренц), социальный (социально-психологический) (Э. Дюркгейм, Т. Парсонс, Р. Мертон), психологический (К. Хорни, Э. Эриксон, А. Адлер), поведенческий (У. Шелдон, Д. Кауфманн, Й. Галлахан), экологический и др. Однако ни один из перечисленных подходов не рассматривает поведение человека как целостное — в системе экологических, социальных, нравственных, природно-биологических и других факторов. Соответственно психопрофилактические методы, основанные на данных подходах, имеют тот же недостаток.

В условиях «этнокультурной мозаичности» современного общества в качестве актуального методологического подхода, потенциально учитывающего всю систему условий возникновения делинквентного поведения, может выступать этнофункциональная парадигма в психологии.

Основной принцип этнофункциональной парадигмы — принцип этнофункциональности — является расширением этнологического представления об этнической функции культуры (Бромлей, 1983), интегрирующей или дифференцирующей человека с тем или иным этносом на все этнические признаки (климато-географические, расово-биологические, культурно-психологические, социальные и трансцендентные) (Сухарев, 2008).

Согласно принципу этнофункциональной системности природно-биологические, культурно-психологические и трансцендентные (духовные) элементы этносреды (и человека) находятся

в неразрывной взаимосвязи, а ее нарушение вызывает разрушительные для данного человека, его личности и этнической системы в целом процессы.

В рамках этнофункционального подхода в психологии рассматривается этническая функция элементов образной сферы личности как системы устойчивых «вторичных образов» — памяти, представлений, сновидений и других, имеющих регулятивную функцию в поведении личности (Гостев, 2007). Образная сфера личности в данном подходе рассматривается как развитие в ее онтогенезе системы образов этносреды — внешней (социум, культура, природа), внутренней (психика, биолого-антропологические факторы), а также их трансцендентных прообразов (духи природных стихий, религиозные представления - трансцендентные прообразы действительности). Отношение к образам природы конкретной этносреды и их трансцендентным прообразам является важнейшим параметром онтогенеза личности. В процессе адаптации личности системообразующую роль играет положительное эмоциональное отношение к образам природы ареала ее рождения и проживания, то есть этноинтегрирующие образы (Сухарев, 2008).

Важнейшим в этнофункциональной парадигме выступает принцип этнофункционального единства микро- и макрокосма в психологии, постулирующий, что последовательность и содержание этапов историогенеза ментальности конкретной этносреды аналогично последовательности и содержанию развития образной сферы личности в онтогенезе. С данным принципом связан и другой важнейший принцип — этнофункционального развития.

Согласно принципу этнофункционального развития содержание образной сферы личности на каждой стадии и их последовательность соответствуют последовательности и образному содержанию ментальности этапов развития этносреды рождения и проживания конкретной личности. Каждая стадия этнофункционального развития личности характеризуется ведущим образным содержанием. Это содержание аналогично образному содержанию ментальности соответствующего этапа развития этносреды, имеющего на данном этапе основную регулятивную функцию (например, образы природы, сказочно-мифологические образы, христианские представления и т. д.).

Исходя из представлений о содержании ментальности важнейших этапов исторического развития России этнофункциональное развитие личности в русской этносреде может быть описано в виде последовательных стадий: доисторической, природной, сказочно-мифологической, религиозно-этической, просвещения и др. (Сухарев, 2008).

Образное содержание и последовательность указанных выше стадий отражает и соответствующий характер нарушений этнофункционального развития личности. Эти нарушения, согласно нашим эмпирическим исследованиям, могут обуславливать формирование ведущих типов аффекта: апатии, тоски, тревоги, гнева, мании как в норме, так и в патологии (Сухарев, Степанов, 2006).

Типы нарушения этнофункционального развития личности таковы: наличие этнодифференцирующего образного содержания стадий этнофункционального развития личности, нарушение

последовательности стадий, задержка стадии развития и выпадение (то есть отсутствие соответствующего образного содержания в воспоминаниях) той или иной стадии развития. Нарушения этнофункционального развития личности могут обуславливать возникновение психической, психосоматической и социально-нравственной дезадаптированности личности (Сухарев, 2008).

Для настоящего исследования определяющее значение имеет содержание «природной» стадии этнофункционального развития личности. Она соответствует теоретически обозначенному «хтоническому преданимистическому» (Лосев, 1997) этапу развития русской этносреды и началу «дословесного» (Стерн, 1915), а в конце стадии — «словесного» взаимодействия личности с этносредой. Ведущим образным содержанием на данной стадии являются образы природных явлений и стихий ареала рождения и проживания личности.

Оптимальные периоды этнофункционального развития личности — эмпирически выявленные для конкретной этносреды возрастные периоды, оптимальные для начала стадий развития личности. Для русской этносреды оптимальный период начала природной и сказочно-мифологической стадий — от 0 до 5 лет, религиозно-этической — 6-8 лет и т. д. (Сухарев, 2008).

С позиций этнофункционального подхода нарушение отношения человека к окружающей природной среде, а также прохождения «природной» стадии этнофункционального развития личности практически всегда связаны с такими симптомами, как тревога, страх перед будущим, сопутствующими первой фазе адаптационного синдрома (Селье, 1960).

Повышенный уровень тревожности, по мнению криминологов, является одним из важных психологических условий формирования делинквентного поведения (Антонян, Еникеев, Эминов, 1996). В то же время, по-видимому, склонность к делинквентному поведению связана и с моральным сознанием личности, а также с отношением к существенным для русской культуры христианским заповедям.

Наличие позитивного отношения (как наибольшее предпочтение) к этнодифференцированному («неродному») образу природы требует от человека относительно больших адаптационных усилий для ассимиляции данного образа в целостную образную сферу личности. Проведенные исследования выявили связь роста тревожности в более позднем возрасте с нарушением отношения к образам природы в раннем онтогенезе личности (Сухарев, 2008).

В связи с изложенным *цель исследования* — выявление возможности применения этнофункционального подхода в целях профилактики делинквентного поведения у подростков.

Общая гипотеза исследования — склонность подростков к делинквентному поведению связана с различными особенностями этнофункционального развития образной сферы личности.

Частная гипотеза исследования — восстановление этноинтегрирующих образов природы в образной сфере личности способствует снижению у подростков склонности к делинквентному поведению.

Для решения поставленных задач использовались следующие теоретические и эмпирические методы: теоретико-

методологический анализ научной литературы по проблеме профилактики криминального поведения, методика структурированного этнофункционального интервью, в процессе которого выявлялось также отношение подростков к христианским заповедям (А.В. Сухарев), констатирующий и формирующий эксперимент с использованием контрольных групп, тест цветowych пятен Роршаха; методика определения склонности к делинквентному поведению, методика выявления уровня школьной тревожности Филлиппа. Статистическая обработка экспериментальных данных осуществлялась с помощью χ^2 -критерия Пирсона.

В эксперименте приняли участие учащиеся 6-7-х классов школы № 1316 г. Москвы. Было обследовано 100 человек в возрасте от 13 до 14 лет. Все родители в средней полосе России и считают себя русскими по самоопределению.

На этапе констатирующего эксперимента все испытуемые были обследованы по методике диагностики склонности к делинквентному поведению А.Н. Орла (Фетискин, 2002) и затем разделены на 2 группы по 20 человек. В первую группу отбирались подростки с выраженными показателями склонности к делинквентному поведению. Исходным критерием отбора в «делинквентную» группу были показатели в баллах, превышающие норму по шкале склонности к делинквентному поведению в целом. В группу «условная норма» набирались подростки с относительно низким уровнем баллов по шкале склонности к делинквентному поведению.

Данные группы были обследованы также по методике этнофункционального структурированного интервью

(выявлялось отношение подростков к христианским заповедям), методике диагностики тревожности Филипса (Рогов, 2000) и по тесту Роршаха (Bohm, 1972).

На этапе формирующего эксперимента была набрана группа из 20 подростков со склонностью к делинквентному поведению, с которой была проведена серия этнофункциональных психокоррекционных занятий, целью которых было восстановление отношений к природным образам этносреды их рождения и проживания. В процессе работы, в частности, испытуемым предлагалось «перевоплотиться» в те или иные природные стихии и явления, обсудить и вербализировать свои эмоциональные отношения к образам русской природы.

Также была создана контрольная группа, на которую не оказывалось психокоррекционного воздействия.

Обе группы были обследованы по всем методикам до и после психокоррекции.

Результаты констатирующего эксперимента

В «делинквентной» группе по сравнению с «условной нормой» была выявлена повышенная склонность к нарушению норм и правил, аддиктивному поведению и агрессии и насилию. В онтогенезе участников «делинквентной» группы преобладали этноинтегрирующие образы природы в возрасте после 5 лет («задержка начала природной стадии развития личности»). В группе «норма» преобладали этноинтегрирующие образы родной природы в возрасте до 5 лет (оптимальный возраст для начала природной стадии). У подростков «делинквентной» группы по сравнению

с «условной нормой» в возрасте с 5 до 8 лет преобладали этнодифференцирующие образы природы.

При этом достоверных различий в возрасте начала и образном содержании религиозно-этической стадии в обеих группах выявлено не было. Большинство детей в обеих группах прошли данную стадию в оптимальный период—6-8 лет (Сухарев, 2008). Однако в «делинквентной» группе было выявлено нарушение отношения ко всем христианским заповедям достоверно больше, чем в «нормальной» группе.

Также в образной сфере делинквентных подростков на момент обследования преобладали этнодифференцирующие образы природы, образы перекрестных «антропозэстетических» полорелевых выборов и образы культуры (литературные, музыкальные и др.).

По результатам проведения теста Роршаха было выявлено увеличение общего количества «шоков» в «делинквентной» группе испытуемых, что является признаком эмоционального торможения когнитивных процессов. В группе «условная норма» выявлено больше ответов типа FFb+—показателя гармоничного взаимодействия аффекта и интеллекта, хорошей эмоциональной приспособляемости. В группе «норма» также преобладали ответы типа FHd+, которые являются показателем хорошей способности интеллектуального контроля тревоги. Ответы типа HdF (недостаточный интеллектуальный контроль тревоги) в «делинквентной» группе встречаются чаще, чем в группе «условная норма».

В результате обследования по методике диагностики тревожности Филипса в группе «делинквентных» подростков, по

сравнению с «условной нормой», был выявлен повышенный уровень тревожности.

Обсуждение результатов констатирующего эксперимента

В «делинквентной» группе по сравнению с «условной нормой» имеют место нарушения этнофункционального развития личности на природной стадии и, по-видимому, как следствие (Сухарев, 2008), наличие этнодифференцирующих образов природы в образной сфере личности в момент обследования. Этнодифференцирующие образы в содержании природной стадии в возрасте 5–8 лет связаны с наличием тревожного и тоскливого аффектов (Сухарев, Степанов, 2006). Это соотносится с результатами ранее проведенных эмпирических исследований, в которых было выявлено, что наличие этнодифференцирующих образов в образной сфере на момент обследования астенизирует личность и связано с наличием у нее относительно поздно сформировавшейся в онтогенезе тревоги (Сухарев, 2008; Шапорева, 2007). Обусловленность тревоги этнодифференцирующими образами животных косвенно подтверждается в исследованиях: Р. Мэй (1979) отмечал, что знакомство с экзотическими животными связано с возникновением у детей тревоги.

В этнофункциональном онтогенезе личности в «делинквентной» группе и в «условной норме» практически отсутствуют различия (и нарушения) в прохождении религиозно-этической стадии. При этом имеются различия в отношении ко всем христианским заповедям на момент обследования — в «делинквентной» группе все заповеди отвергаются. На наш взгляд, это свидетель-

ствуется о недостаточно «фундированном» усвоении детьми из «делинквентной» группы религиозно-этических норм и в соответствии с принципом этнофункционального развития (Сухарев, 2008) может быть связано с наличием у них нарушений на более ранней—«природной» стадии.

Отметим также, что повышенные показатели уровня тревоги и снижение способности к интеллектуальному контролю тревоги в «делинквентной» группе по сравнению с «нормой» были выявлены соответственно по методике Филипса и по тесту Роршаха.

В связи с тем что повышенный уровень тревоги является условием возникновения делинквентного поведения (Антонян, Еникеев, Эминов, 2002), полученные результаты позволяют сделать вывод о том, что нарушение этнофункционального развития образной сферы

личности на природной стадии и наличие в образной сфере личности предпочитаемых этнодифференцирующих образов природы связано с возникновением делинквентного поведения. Кроме того, можно утверждать, что хотя отвержение христианских заповедей связано со склонностью подростков к делинквентному поведению, это отвержение, в свою очередь, может быть обусловлено нарушением этнофункционального развития личности на природной стадии.

Результаты формирующего эксперимента

Из таблицы 1 следует, что после проведения психокоррекционных занятий достоверно уменьшилась склонность к делинквентному поведению, в том числе склонность к нарушению норм и правил, к аддиктивному поведению, к агрессии и насилию.

Таблица 1

Динамика показателей методики выявления склонности к делинквентному поведению у испытуемых экспериментальной группы до и после психокоррекции, %

		Шкалы			
		Склонность к нарушению норм и правил	Склонность к аддиктивному поведению	Склонность к агрессии и насилию	Склонность к делинквентному поведению
Группа	До психокоррекции	75	55	75	100
	После психокоррекции	40	20	40	50
Уровень значимости		$p < 0,01$	$p < 0,01$	$p < 0,01$	$p < 0,01$

По результатам теста Роршаха была выявлена тенденция к уменьшению об-

щего количества «шоков» после проведения психокоррекционных занятий,

что является признаком снижения эмоционального торможения когнитивных процессов. Также было выявлено увеличение числа ответов типа FFb+—показателя гармоничного взаимодействия аффекта и интеллекта, хорошей эмоциональной приспособляемости. Появилась тенденция к уменьшению количества ответов типа HdF, которые указывают на недостаточную способность к интеллектуальному контролю тревоги.

Таблица 2

		Динамика показателей Роршах-теста у испытуемых экспериментальной группы до и после психокоррекции, %					
		Показатели Роршах-теста					
		Всего ответов	Количество шоков	FFb+	FbF	FHd+	HdF
Г р у п п а	До психокоррекции	535	24	6	1,5	2,2	4,3
	После психокоррекции	517	9	24	4	3,5	0
	Уровень значимости		p < 0,05	p < 0,01	—	—	p < 0,05

Таблица 3

Динамика количества этнодифференцирующих образов в предпочтениях личности экспериментальной группы испытуемых до и после психокоррекции по результатам этнофункционального интервью, %

		Этнические признаки			
		Расово-биологические	Климато-географические	Социокультурные	Общее количество этнодифференцирующих образов
Г р у п п а	До психокоррекции	65	100	50	215
	После психокоррекции	10	20	10	40
	Уровень значимости	p < 0,001	p < 0,001	p < 0,05	p < 0,001

Из таблицы 3 видно, что после проведения психокоррекционных занятий произошло достоверное снижение общего количества этнодифференцирующих об-

разов, в том числе расово-биологических и климато-географических, а также появилась тенденция к снижению социокультурных этнодифференцирующих образов.

В соответствии с таблицей 4 после психокоррекции у подростков достоверно улучшилось отношение ко всем христианским заповедям.

Таблица 4

		Количество подростков экспериментальной группы, принимающих христианские заповеди до и после психокоррекции, %									
		Нарушения отношений к христианским заповедям									
		I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X
Группа	До психокоррекции	35	55	0	50	0	45	55	50	75	30
	После психокоррекции	5	15	0	10	0	5	15	10	20	5
Уровень значимости		$p < 0,001$	$p < 0,001$		$p < 0,001$		$p < 0,001$	$p < 0,001$	$p < 0,001$	$p < 0,001$	$p < 0,001$

Таблица 5

Динамика количества образов природы в онтогенезе развития личности подростков в экспериментальной группе до и после психокоррекции, %

		Наличие образов природы в онтогенезе образной сферы личности			
		Этноинтегрирующие образы природы до 5 лет	Этнодифференцирующие образы природы до 5 лет	Этноинтегрирующие образы природы после 5 лет	Этнодифференцирующие образы природы после 5 лет
Группа	До психокоррекции	0	0	80	20
	После психокоррекции	75	10	15	0
Уровень значимости		$p < 0,001$	—	$p < 0,001$	$p > 0,05$

После проведения психокоррекции у подростков достоверно увеличилось количество этноинтегрирующих образов природы в этнофункциональном онто-

генезе личности до 5 лет, а количество этноинтегрирующих образов природы после 5 лет — достоверно снизилось. Появилась тенденция к снижению количе-

ства этнодифференцирующих образов природы после 5 лет.

В контрольной группе изменений ни по одному из перечисленных показателей зафиксировано не было.

Приведем пример идиографического описания процесса занятий по этнофункциональной коррекции у одного из подростков экспериментальной группы.

Учащийся А., 13 лет, родился в Москве, помнит себя с 4 лет, считает себя русским, в питании предпочитает гамбургеры и колу, зима не нравится, хотел бы, «чтобы ее не было вообще». Хочет постоянно жить в теплом месте у моря, например в Сочи. Любимая природа — тропики и море. Русских народных традиций не знает.

Первое воспоминание о природе относится к 4 годам, когда ездили отдыхать в Таиланд. Помнит море и джунгли, обезьян и слонов.

В 5 лет впервые появились мысли о добре и зле, когда подрался с братом, и родители, по его мнению, несправедливо рассудили, кто из них прав, а кто виноват.

Считает себя православным, но уверен, что в церковь ходить необязательно, молить не знает.

В результате выяснения отношения к христианским заповедям оказалось, что он не согласен с большинством из них.

У испытуемого выявлена склонность к делинквентному поведению, повышенная тревожность.

На начальном этапе этнофункциональной коррекции, в процессе упражнения «погружение в образ ручья» он описал грязевой поток, идущий в тропическом лесу с вершины холма; при этом не испытал никаких чувств («ничего не чувствую»). Остальные образы при-

роды, которые представлял подросток, также были экзотическими (то есть этнодифференцирующими).

После цикла занятий по этнофункциональной коррекции первые воспоминания испытуемого о родной природе были связаны уже с русской деревней, где он проводил лето с бабушкой в возрасте 4 лет. Изменились предпочитаемые образы природы — появились березовый и еловый лес, лесные озера. Образы природы в процессе этнофункционального «погружения» к концу психокоррекции стали исключительно этноинтегрирующими.

Во время повторного обследования после психокоррекционных занятий у испытуемого изменилось отношение к христианским заповедям — он согласился с ними.

По результатам теста Филипса у школьника достоверно снизился уровень тревожности и неконтролируемой тревоги по тесту Роршаха. В итоге у подростка также снизилась склонность к делинквентному поведению.

Обсуждение результатов формирующего эксперимента

После проведения формирующего эксперимента в экспериментальной группе в образной сфере личности подростков произошло восстановление этноинтегрирующих образов природы — испытуемые стали чаще вспоминать образы родной природы, а также относить их к более раннему возрасту (табл. 5).

Данный факт свидетельствует о расширении «когнитивной ретроспективы» (Сухарев, 2008) в образной сфере испытуемых, что, по-видимому, может быть связано со снижением степени

эмоционального торможения когнитивных процессов. Можно предположить, что всестороннее, целостное переживание, вербализация и осознание различных характеристик образов природы напоминает детям об их наличии в онтогенезе образной сферы и помогает точнее определять не только сам факт, но и время появления данных образов.

В экспериментальной группе испытуемые стали более позитивно относиться к христианским заповедям, что может быть объяснено с позиций принципа этнофункциональной системности и развития. Вследствие этнофункциональной коррекции в центре внимания испытуемых оказываются этноинтегрирующие образы природы, системно связанные с остальными признаками русской этносреды (в идеале). Это, в свою очередь, обуславливает системные изменения во всей образной сфере личности, в том числе в ее отношении к христианским заповедям.

Данные результаты соотносятся с результатами эмпирических исследований о роли этноинтегрирующих образов природы в формировании положительного отношения к христианским заповедям, а также связи этнодифференцирующих образов с нарушением христианских заповедей (Чулисова, 2010).

Полученные результаты подтверждают результаты эмпирических исследований отношения к природе, свидетельствующие о том, что формирование позитивного, «самоценного» отношения к родной природе (на контингенте подростков) выступает условием развития личности и формирования у нее таких нравственных качеств, как справедливость, честность, склонность к сопер-

живанию и др. (В.Е. Орел, В.И. Панов, Г.В. Шейнис и др.).

В соответствии с принципами этнофункциональной системности и развития восстановление этноинтегрирующих образов природы в образной сфере личности оказывает влияние на различные индивидуально-психологические характеристики, повышающие степень психологической адаптированности и уменьшающие риск возникновения делинквентного поведения (табл. 1), а именно: на снижение уровня тревоги, повышение качества взаимодействия аффекта и интеллекта (табл. 2), а также способствует более позитивному отношению к христианским заповедям.

Результаты экспериментально-психологического этнофункционального исследования подтвердили положение о системности взаимосвязей человека и природы (Ананьев, 1980). По замечанию М.И. Воловиковой (1995), нарушение «экологии природы» приводит к нарушению «экологии души». Центрирование человека на природе помогает ему психологически изменить себя (Панов, 2006). Результаты нашего исследования подтверждают имеющиеся теоретические и эмпирические результаты, свидетельствующие о существенной роли отношения человека к природе для его психической адаптированности, здоровья и др. (Авцын, 1972; Бабикиер и др., 1980; Юнг, 1993).

Исследование выявило в целом позитивное влияние этноинтегрирующих образов природы на динамику эмоциональных и когнитивных характеристик личности и имеющее всеобщее значение для ее поведения отношение к морали.

В заключение следует отметить, что в результате теоретического и экспери-

ментального исследования подтверждена возможность применения этнофункционального подхода к психопрофилактике делинквентного поведения у подростков. Подтверждено также, что нарушения этнофункционального развития личности — это одно из условий возникновения склонности к делинквентному поведению. В свою очередь, восстановление в процессе психолого-педагогических воздействий у подростков системы отношений личности к родной природе и сказочно-мифологической стороне русской этносреды обуславливает снижение у них склонности к делинквентному поведению.

Результаты настоящего исследования могут быть полезны для практического использования в целях психопрофилактики склонности к делинквентному поведению в системе образования и практике психологического консультирования, а также для составления образовательных программ. Полученные результаты, на наш взгляд, являются перспективными для дальнейших исследований в области психопрофилактики и коррекции делинквентного поведения в подростковой среде.

Выводы

1. Наличие этноинтегрирующих образов природы в онтогенезе образной сферы личности до 5 лет связано со снижением у подростков склонности к делинквентному поведению.

2. Наличие этнодифференцирующих образов природы в онтогенезе образной сферы личности в возрасте с 5 до 8 лет связано с формированием у подростков склонности к делинквентному поведению.

3. Восстановление в образной сфере личности у подростков этноинтегрирующих образов природы обуславливает снижение склонности к делинквентному поведению.

Литература

1. Авцын А.П. Введение в географическую патологию. М.: Медицина, 1972.
2. Адлер А. Индивидуально-психологическое лечение невротиков // Психотерапия. 1913. № 1.
3. Ананьев Б.Г. Избранные психологические труды. Т. 1. М.: Педагогика, 1980.
4. Антонян Ю.М., Еникеев М.И., Эминов В.Е. Психология преступника и расследования преступлений. М.: Юрист, 1996.
5. Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса. М.: Наука, 1983.
6. Воловикова М.И., Трофимов А. Возвращение к себе (психология, символ, культура). М.: Т-во рос. книгоиздателей, 1995.
7. Гостев А.А. Психология вторичного образа. М.: Ин-т психологии РАН, 2007.
8. Дюркгейм Э. Самоубийство: социальный этюд. М.: Мысль, 1994.
9. Змановская Е.В. Девиантология: психология отклоняющегося поведения. 2-е изд., испр. М.: Академия, 2004.
10. Клейберг Ю.А. Девиантное поведение в вопросах и ответах. М.: Изд-во МПСИ, 2007. С. 17, 26, 27.
11. Короленко Ц.П., Донских Т.А. Семь путей к катастрофе (деструктивное поведение в современном мире). Новосибирск: Наука, 1990.
12. Лоренц К. Агрессия. М.: Прогресс, 1994.
13. Лосев А.Ф. Античная философия истории. М.: Наука, 1997.
14. Мертон Р.К. Социальная структура и anomia // Социология преступности (Современные буржуазные теории). М.: Прогресс, 1966.

Роль психологической службы уголовно исполнительной системы в реализации целей наказания

М.Г. Дебольский

Аннотация: в статье отражены материалы выступления автора на научно-практическом семинаре «Прикладная юридическая психология», показана роль психологической службы в исправлении осужденных, а также в оказании психологической помощи сотрудникам уголовно-исполнительной системы (УИС) в современных условиях исполнения наказаний.

Ключевые слова: психологическая служба уголовно-исполнительной системы, уголовное законодательство, психокоррекционное воздействие, проблемная ситуация, эксперт-психолог.

Summary: this article reflects the author's speech at the scientific workshop «Applied legal psychology», the role of psychological services in the reformation of convicts, as well as to provide psychological support to staff members of criminal isponitelnoy system in contemporary conditions of corrections.

Keywords: psychiatric services of the correctional system, criminal law, psycho-correctional impact problem situation, the expert psychologist.

В соответствии с уголовным законодательством «наказание применяется в целях восстановления социальной справедливости, а также в целях исправления осужденного и предупреждения новых преступлений» (УК РФ, ст. 43). Реализации данных целей подчинена де-

ятельность всех структурных подразделений уголовно-исполнительной (пенитенциарной) системы. Но если большинство служб в пенитенциарной системе функционируют с момента ее создания (например, подразделения охраны, надзора), или не менее 50 лет (начальники отрядов), то психологическая служба—это относительно новое структурное подразделение в органах и учреждениях УИС. Поэтому до настоящего времени среди опытных сотрудников пенитенциарной системы встречаются лица, которые выражают сомнения в необходимости создания и развитии психологической службы. В связи с этим требуется теоретическое обоснование и научно-практическая аргументация важности данной инновации.

Наш соотечественник, известный юрист С.В. Познышев еще в 20-е годы прошлого века писал: «Для достижения несложных целей особых пенитенциарных знаний не требуется. Строгий и распорядительный начальник, крепкие замки и решетки, наружная дисциплина и отсутствие побегов—вот все, что, казалось бы, нужно у нас для хорошей постановки пенитенциарного дела»¹. Но по мере изменения целей наказания, отмечает автор, переориентации на профилактику и исправление личности возникает потребность в специальных знаниях и в новых специалистах. В качестве таковых выступают педагоги, психологи

Познышев С.В. Основы пенитенциарной науки. М., 1924. С. 13.

и другие специалисты по «человеческим отношениям». Необходимость введения должностей психолога и социального педагога в штаты исправительных учреждений отмечал в 60-е годы XX столетия авторитетный пенитенциарист Б.С. Утевский: «Для повседневного научно обоснованного управления исправительно-трудовой колонией и тюрьмой, безусловно, необходима в каждой из них штатная должность специалиста-психолога, а по возможности — специалиста-педагога. Введение в штат этих двух специалистов с лихвой окупится благодаря повышению качества и сокращению сроков исправления, которое, несомненно, последует после усиления аппарата указанными работниками».² Таким образом, необходимость создания психологической службы обусловлена осложнением целей, стоящих перед уголовно-исполнительной системой, и необходимостью повышения эффективности исполнения уголовных наказаний на основе применения современных достижений психологической науки и практики.

Проанализируем возможности и накопленный опыт психологической службы УИС в реализации основных целей уголовных наказаний.

Цель—восстановление социальной справедливости—предусмотрена лишь уголовным законодательством, а в Уголовно-исполнительном кодексе не нашла отражения. По-видимому, законодатель полагает, что восстановление социальной справедливости реализуется на стадии судопроизводства, и прежде всего при назначении меры наказания. Проведенный нами опрос

граждан, также свидетельствует о том, что большинство респондентов восстановление социальной справедливости понимает как кару, принуждение, ограничение виновного в правах и свободах. В основном все солидарны с крылатой фразой киногероя: «Вор должен сидеть в тюрьме...». Вместе с тем восстановление социальной справедливости предполагает также компенсацию материального и морального вреда, причиненного жертве преступления, а в случае гибели последней — и ее родственникам.

Еще в 70-е годы XX века воспитательная работа с осужденными осуществлялась под лозунгом: «На свободу с чистой совестью, без долгов и исполнительных листов». Практиковалось не только возмещение материального ущерба, но и написание осужденными извинительных писем пострадавшим. Эти показатели выступали важными критериями исправления осужденных, а также учитывались при определении лучших начальников отряда.

Если возмещение материального ущерба пострадавшим в определенной степени принимается во внимание при условно-досрочном освобождении осужденных и в настоящее время, то моральная компенсация, как показатель восстановления социальной справедливости и исправления осужденных в УИС России практически не используется.

В то же время в зарубежных пенитенциарных системах имеет место обратная тенденция. В 90-е годы в Австрии, Австралии, Бельгии, Великобритании, Канаде, США и других государствах активно развивается *восстановительное*

² Утевский Б.С. Что надо знать работникам исправительно-трудовых учреждений о кибернетике. М., 1969. С. 25.

*правосудие*³. В соответствии с ним потребности и права пострадавших оказываются в центре внимания. Преступники побуждают осознать причиненный ущерб и свою ответственность за него. Поощряется прямой и опосредованный диалог между преступником и жертвой, в котором нередко принимают участие представители общественности (общины). Восстановительное правосудие осуществляется не только на этапе предварительного расследования преступления, но и в местах лишения свободы.

Проведенное нами исследование (М.Г. Дебольский, А.В. Молоствов) показывает, что большинство осужденных, совершивших насильственные и корыстные преступления, не сопереживают жертве, воспринимают их неперсонифицированно, приписывают виктимные черты характера и манеры поведения, не принимают на себя ответственность за причиненный пострадавшим материальный и моральный вред.

Учитывая международный опыт, а также то обстоятельство, что примирительные технологии и процедуры восстановительного правосудия основаны на закономерностях поведения людей в конфликтных ситуациях, приемах их разрешения, механизмах психологической защиты, психологи УИС стали активно работать с осужденными в плане осознания ими вины и раскаяния в совершенном преступлении.

В психокоррекционном воздействии особо нуждаются осужденные, совершившие преступления на семейной и бытовой почве. Большинство правонарушителей

этой категории после отбытия наказания вновь будут тесно контактировать или эпизодически общаться с пострадавшими (родственниками, соседями, знакомыми), поэтому осознание осужденными вины в совершенном преступлении, компенсация жертве материального и морального урона, проведение примирительных процедур, совместных встреч правонарушителя и пострадавшего—это не только достижение цели по восстановлению социальной справедливости, но и исправление осужденных, а также профилактика новых преступлений.

С целью обеспечения социальной справедливости, учета интересов жертвы представляется актуальным развивать восстановительное правосудие на предварительном этапе судопроизводства, когда обвиняемый находится под подпиской о невыезде или в следственном изоляторе. Однако для реализации восстановительных процедур требуется изменение уголовно-процессуального законодательства (упрощенный допуск специалистов к работе с обвиняемым); введение в штаты судов социальных работников (психологов), которые обеспечили бы углубленное изучение личности обвиняемого, а также восстановление социальной справедливости в плане компенсации жертве причиненного вреда.

Последнее предложение принадлежит известному отечественному юристу Л.Е. Владимирову, который еще в 1901 г. писал, что «...в уголовном судопроизводстве должны участвовать двое судей: традиционный судья в «черном» и судья в «белом» — психолог»⁴. Судья

³ См.: Брейтуэйт Д. Преступление, стыд и воссоединение. М., 2002; Жертва встречается с преступником: Проведение программ восстановительного правосудия в тюрьмах. М., 2002 и др.

⁴ Владимиров Л.Е. Психологическое исследование в уголовном суде. М., 1901.

в «черной мантии» должен выносить приговор преступнику на основе заключения психолога о степени криминальной зараженности обвиняемого и его раскаяния в совершенном преступлении.

Восстановление социальной справедливости посредством компенсации причиненного вреда жертве преступления и проведение примирительных процедур между осужденным и пострадавшим важно организовать в уголовно-исполнительных инспекциях, так как данные лица могут быть соседями, непосредственно общаться друг с другом и от характера их общения зависит уровень рецидива.

В соответствии с уголовно-исполнительным законодательством основная цель наказания—исправление осужденных.

Участие психолога в ее достижении реализуется посредством решения следующих задач: изучение личности осужденных в карантине и разработка рекомендаций по индивидуализации и дифференциации процесса исполнения наказания; подготовка психологической характеристики на осужденных в связи с решением вопроса об условно-досрочном освобождении или изменении условий содержания; психологическая коррекция личностных свойств и поведения осужденных; оказание им психологической помощи.

В 2009 г. в карантине исправительных учреждений, СИЗО и тюрем обследовано более 387 тыс. осужденных. При их изучении психолог прежде всего обращает внимание на те свойства личности, которые способствовали совершению преступления и позволяют *прогнозировать ее поведение* в местах лишения свободы, а также после освобождения.

К этим свойствам относятся: ценностные ориентации (жизненные ценности и интересы); мотивы и обстоятельства совершенного преступления; отношение к совершенному преступлению и жертве; отношение к наказанию; социальный статус и социальное окружение; личностные качества, определяющие отношение к другим людям (жестокость, агрессивность, степень чувствительности к межличностным отношениям, отчужденность и приспособляемость к новой обстановке); эмоциональные и волевые качества; общий уровень психического развития и интеллекта (нет ли признаков психических отклонений и акцентуаций характера); психическое состояние осужденного в момент обследования, его реакции на проводимую работу; планы и намерения осужденного.

Однако разработка индивидуализированных программ исполнения наказания осложняется отсутствием научно обоснованной типологии личности осужденных с учетом их криминальной зараженности и основных психологических детерминант совершенного преступления.

В исправительных учреждениях, где в штате психологической лаборатории несколько психологов, они осуществляют *диагностику осужденных в связи с решением вопроса об условно-досрочном освобождении, изменении условий содержания* (переводе в колонию-поселение или предоставлении права передвижения без конвоя). При этом востребованность такой работы ежегодно возрастает. Так, в 2004 г. с этой целью было обследовано около 120 тыс. осужденных, а в 2009г.—около 200 тыс. Участие психологов в решении судьбоносных для осужденных проблем—это показатель

возросшего авторитета и доверия к ним как к профессионалам.

Делая вывод о целесообразности (нецелесообразности) условно-досрочного освобождения осужденного, психолог должен обращать внимание в первую очередь на то, какие изменения произошли в его ценностных ориентациях, уровне агрессивности и других криминально значимых свойствах, способствовавших совершению преступления, а также прогнозировать его поведение после освобождения.

Однако важно помнить, что прогноз поведения человека—это сложная проблема. Между индивидуально-психологическими свойствами, которые изучает психолог, и поведением осужденного после освобождения нет жесткой зависимости. Поведение человека детерминировано также социальными условиями и ситуативными факторами. Поэтому, осуществляя прогноз поведения осужденного после освобождения, важно учитывать его психологическую готовность к преодолению типичных трудностей, с которыми он может столкнуться в процессе жизнедеятельности.

Заключение психолога, прогноз поведения осужденного - это специфические инновации в уголовно-исполнительной системе, и они внедряются небезболезненно. Отдел психологической службы ФСИН России располагает информацией о ряде *проблемных ситуаций*:

- характеристика, подготовленная психологом, вступает в противоречие с характеристикой начальника отряда;
- осужденный, которому отказано в условно-досрочном освобождении на основании характеристики психолога, угрожает последнему или обращается с жалобой в суд более высокой инстанции;

- независимые эксперты-психологи, кандидаты наук, оценивают вместе с адвокатом осужденного по кассационной жалобе последнего, достоверность выводов пенитенциарного психолога и уровень его профессиональной компетентности.

С учетом изложенного мы стремимся, во-первых, создать необходимые условия для повышения профессионального мастерства психологов; во-вторых, подготовить надежный регламент их деятельности и обеспечить правовую защищенность. Отделом психологической службы ФСИН России разработаны Методические рекомендации по проведению психодиагностического обследования осужденных (2008), к разработке которых были привлечены представители территориальных органов, где наиболее профессионально поставлена эта работа. Психологи межрегиональной психологической лаборатории (МПЛ) УФСИН России по Ярославской области совместно с НИИ ФСИН России осуществляют научно-методическое обеспечение психодиагностической работы в УИС. Автоматизированное рабочее место пенитенциарного психолога, разработанное на основе психодиагностической программы Psychometric Expert внедрено во всех территориальных органах. МПЛ ГУФСИН России по Самарской области в 2009 г. провела исследование по теме «Разработка и апробация системы оценки осужденных при направлении материалов в суд для решения вопроса об условно-досрочном освобождении». Результаты исследования позволят повысить качество данной работы.

По мере развития психологической службы все больше внимания уделяется психокоррекционной работе с осужден-

ными. *Психологическая коррекция*—это процесс исправительного воздействия на осужденных посредством использования специализированных психокоррекционных программ и психотехнологий, направленный на изменение их ценностных ориентаций, правосознания, социальных установок, криминально значимых качеств, психического состояния и поведения.

В настоящее время используются различные концептуальные подходы при осуществлении психокоррекционной работы: когнитивный, поведенческий, экзистенциальный, психоанализ с элементами арттерапии, сказкотерапии и др. По форме проведения различают индивидуальное психокоррекционное воздействие (индивидуальное консультирование) и групповые формы работы (чаще различные виды социально-психологических тренингов).

По продолжительности проведения психокоррекционных программ выделяют длительные (не менее 9-10 месяцев регулярных занятий с группой в объеме 900-1000 часов) и краткосрочные (18-40 часов на протяжении 1-2 месяцев).

Среди длительных программ наиболее эффективными являются когнитивно-поведенческие тренинги для осужденных за сексуальные и насильственные преступления, а также различные программы реабилитации осужденных с зависимостями (алкогольной, наркотической). Однако при небольшой штатной численности психологической службы (2-3 человека) их проведение нерационально, так как другие виды деятельности остаются без внимания.

Краткосрочные психокоррекционные программы направлены на изменение и развитие отдельных свойств личности.

К ним относятся: управление гневом, развитие толерантности, социальных умений, навыков разрешения конфликтных ситуаций, повышение эмоциональной устойчивости (аутотренинг) и др.

Однако эффект данных программ не всегда продолжителен. Для его закрепления требуется периодическое (раз в год) проведение близких по содержанию тренингов, а также высокая мотивация к личностному росту осужденных. В настоящее время психокоррекционной работой охвачено до 30 % осужденных.

Оказание психологической помощи осужденным — это относительно самостоятельная задача. Ее суть — содействие человеку в решении широкого круга проблем, связанных с его эмоциональной поддержкой, разрешением конфликтных ситуаций, развитием жизненно важных личностных качеств, повышением уверенности в себе.

Важность данной задачи обусловлена тем, что осужденные—это не только правонарушители, которые нуждаются в исправлении, покаянии, а живые люди, и большинство их потребностей, индивидуально-психологических свойств не отличаются от аналогичных показателей законопослушных граждан. Попадая в места лишения свободы, многие осужденные с трудом адаптируются к новым условиям обитания. Принудительный характер нахождения в местах лишения свободы, оторванность от семьи и близких, строгий распорядок дня, непривычная пища, скученность обитателей жилой секции, невозможность выбрать себе соседей, конфликты, необходимость отстаивать свой статус, опасения за личную безопасность — все это нередко приводит к глубоким эмоциональным переживаниям и так назы-

ваемому тюремному стрессу. В связи с этим они нуждаются в квалифицированной психологической помощи. Учитывая важность данного направления деятельности и ориентируясь на международные стандарты обращения с заключенными, по нашей инициативе в Федеральном законе от 8 декабря 2003 г. № 161 -ФЗ впервые законодательно закреплено право осужденных на психологическую помощь, «оказываемую сотрудниками психологической службы и иными лицами, имеющими право на оказание такой помощи» (УИК РФ, ст. 12, ч. 6¹).

Только за 2009 год по инициативе самих осужденных, подозреваемых, обвиняемых за консультацией к психологам обратилось 5439 человек. Ежегодно количество осужденных, которым оказывается психологическая помощь, увеличивается. Это свидетельствует о повышении профессионального мастерства психологов, а также росте доверия к ним со стороны осужденных. Вместе с тем для совершенствования данной работы необходимо нормативно закрепить, кто же относится к «иным лицам», имеющим право оказывать психологическую помощь, кроме сотрудников психологической службы. На наш взгляд, это представители общественных организаций, учреждений, имеющие базовое психологическое образование, соответствующие сертификаты, подтверждающие специализацию в той или иной сфере психологической практики. Посещение ими исправительных учреждений и сотрудничество с УИС должно осуществляться в соответствии

с установленным регламентом применительно к представителям общественных организаций.

В уголовно-исполнительном законодательстве закреплён один из главных принципов оказания психологической помощи осужденным — *принцип добровольности* (УИК РФ, ст. 12, ч. 6¹). Однако многие сотрудники УИС истолковывают данный принцип расширительно, перенося его и на психодиагностику осужденных в карантине. Такая позиция, на наш взгляд, неправомерна. В соответствии с Минимальными стандартными правилами обращения с заключенными и уголовно-исполнительным законодательством России изучение личности осужденного является непосредственной обязанностью администрации исправительных учреждений. Так, в пр. 66 Минимальных стандартных правил обращения с заключенными отмечается: «В отношении каждого заключенного, приговоренного на достаточно продолжительный срок, директор (*тюрьмы*. — *М. Д.*) должен получать как можно скорее по его принятии исчерпывающие сведения.»⁵. Эти сведения должны освещать «индивидуальные потребности заключенного, его социальное прошлое, историю его преступления, его физические и умственные способности и возможности, его темперамент, продолжительность срока его заключения и его возможности после освобождения»⁶. В Уголовно-исполнительном кодексе отмечается: «Воспитательная работа с осужденными организуется дифференцированно с учетом вида исправительного учреждения, срока наказания,

Документы ООН, касающиеся заключенных. М., 2000.
Там же.

условий содержания в индивидуальных, групповых и массовых формах на основе психолого-педагогических методов» (ст. 110).

Таким образом, есть все основания рассматривать психологическую работу с осужденными, не только основываясь на принципе добровольности (это относится к психологической помощи), но и как *одно из основных средств их исправления*. Психологи должны разъяснять осужденным, что их обследование помогает повысить объективность выводов о личностных качествах, а участие в психокоррекционных мероприятиях будет учитываться при решении вопроса об их условно-досрочном освобождении.

Проанализируем участие сотрудников психологической службы в реализации такой цели наказания, как предупреждение преступлений. Речь идет о психологической профилактике пенитенциарной преступности.

Общее количество зарегистрированных преступлений в местах лишения свободы в 2009 г. по сравнению с предыдущим сократилось на 6 % (с 1044 до 982), а уровень преступности — на 4 %, однако криминологическая ситуация продолжает оставаться сложной: совершено 46 тяжких и особо тяжких преступлений против личности. Вызывают особое беспокойство преступления, квалифицируемые как дезорганизация нормальной деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества (ст. 321 УК РФ).

С целью повышения эффективности профилактики преступлений отделом психологической службы УСПВРО ФСИН России совместно с межрегиональными психологическими лабора-

ториями проводятся исследования, направленные на изучение личности осужденных, совершивших правонарушения в местах лишения свободы, а также социально-психологических условий, способствовавших противоправным действиям. В ходе исследования выявлены следующие причины противоправной активности осужденных:

- целенаправленное влияние идеологов преступной среды, находящихся на свободе, на отрицательно характеризующихся осужденных;
- увеличение в местах лишения свободы удельного веса осужденных за тяжкие преступления и криминальных «авторитетов» («смотрящих»);
- усиление влияния на поведение осужденных криминальной субкультуры;
- усиление напряженности, недоверия во взаимоотношениях между персоналом и осужденными;
- наличие большого количества осужденных, имеющих психологические anomalies и неадекватно воспринимающих требования администрации;
- элементы грубости, нарушения прав и законных интересов осужденных со стороны сотрудников УИС;
- конфликтный характер отношений между активом и другими осужденными;
- стремление отрицательно характеризующихся осужденных иметь определенные льготы и игнорировать требования администрации.

С целью профилактики преступлений сотрудники психологической службы УИС осуществляют следующие мероприятия:

- выявляют среди вновь прибывших осужденных лиц, склонных к деструктивному поведению и нуждающихся в постановке на профилактический учет;

- регулярно контролируют психическое состояние осужденных, поставленных на профилактический учет, при необходимости оказывают им психологическую помощь;

- проводят мониторинг социально-психологической обстановки в среде осужденных, изучают степень доверия к администрации, прогнозируют развитие оперативной обстановки и предлагают руководству исправительных учреждений меры по ее стабилизации;

- изучают психологическую структуру малых групп и группировок отрицательной направленности, предлагают меры психологического и воспитательного воздействия на участников;

- анализируют и обобщают причины конфликтов в среде осужденных, принимают меры по их устранению и профилактике, участвуют в разрешении конфликтных ситуаций;

- проводят тренинговые и иные занятия с персоналом УИС с целью повы-

шения их социально-психологической компетентности и профилактики профессиональной деформации;

- обучают актив осужденных методам делового общения и разрешения конфликтных ситуаций;

- вносят предложения по повышению эффективности исправительного и профилактического воздействия средств массовой информации на осужденных;

- взаимодействуют со всеми заинтересованными службами в вопросах изучения личности осужденных и оптимизации социально-психологической обстановки в исправительном учреждении.

Рассмотренный выше материал позволяет сделать вывод о том, что психологическая служба УИС, несмотря на непродолжительный период своего существования, вносит весомый вклад в реализацию уголовно-исполнительной политики и целей наказания.

Нравственно психологический подход - новая тенденция в развитии юридической психологии

Е.Ю. Стрижов

Аннотация: в статье изложены содержание этапов психологического исследования нравственно-правовой надежности персонала предприятий и их склонности к мошенничеству, проводимого под руководством автора студентами, обучающимися социально-психологической специальности. Дана характеристика пригодности психодиагностических методик для исследования нравственной сферы

и выборки обследуемых лиц. Показаны типичные трудности в научной работе студентов и ее результаты.

Ключевые слова: нравственно-правовая надежность персонала, склонность к мошенничеству, нравственно-психологический подход, валидность личностного опросника нравственно-правовой надежности, психологическое моделирование.

- регулярно контролируют психическое состояние осужденных, поставленных на профилактический учет, при необходимости оказывают им психологическую помощь;

- проводят мониторинг социально-психологической обстановки в среде осужденных, изучают степень доверия к администрации, прогнозируют развитие оперативной обстановки и предлагают руководству исправительных учреждений меры по ее стабилизации;

- изучают психологическую структуру малых групп и группировок отрицательной направленности, предлагают меры психологического и воспитательного воздействия на участников;

- анализируют и обобщают причины конфликтов в среде осужденных, принимают меры по их устранению и профилактике, участвуют в разрешении конфликтных ситуаций;

- проводят тренинговые и иные занятия с персоналом УИС с целью повы-

шения их социально-психологической компетентности и профилактики профессиональной деформации;

- обучают актив осужденных методам делового общения и разрешения конфликтных ситуаций;

- вносят предложения по повышению эффективности исправительного и профилактического воздействия средств массовой информации на осужденных;

- взаимодействуют со всеми заинтересованными службами в вопросах изучения личности осужденных и оптимизации социально-психологической обстановки в исправительном учреждении.

Рассмотренный выше материал позволяет сделать вывод о том, что психологическая служба УИС, несмотря на непродолжительный период своего существования, вносит весомый вклад в реализацию уголовно-исполнительной политики и целей наказания.

Нравственно психологический подход - новая тенденция в развитии юридической психологии

Е.Ю. Стрижов

Аннотация: в статье изложены содержание этапов психологического исследования нравственно-правовой надежности персонала предприятий и их склонности к мошенничеству, проводимого под руководством автора студентами, обучающимися социально-психологической специальности. Дана характеристика пригодности психодиагностических методик для исследования нравственной сферы

и выборки обследуемых лиц. Показаны типичные трудности в научной работе студентов и ее результаты.

Ключевые слова: нравственно-правовая надежность персонала, склонность к мошенничеству, нравственно-психологический подход, валидность личностного опросника нравственно-правовой надежности, психологическое моделирование.

Summary: *the article describes the contents of the stages of psychological studies of moral and legal security of personnel of enterprises and their susceptibility to fraud, led by the author of students socio-psychological specialty. Characteristics of the suitability of diagnostics instruments to study the moral sphere and the sample of surveyed persons. Showing the typical difficulties in the scientific work of students and their results.*

Keywords: *moral-legal responsibility of the staff, tendency to swindle, moral-psychological approach, validity of a personality questionnaire of moral-legal reliability, psychological modelling.*

20 мая 2010 г. в Институте психологии РАН прошел научно-практический семинар, который можно оценить как важный этап в развитии отечественной юридической психологии. Уже сам факт его проведения, приуроченного к выходу в свет 10-го, юбилейного номера журнала «Прикладная юридическая психология», в стенах академического института свидетельствует как о важности обсуждаемых на его страницах проблем, так и об успешной научной деятельности редакции журнала.

В приветственном слове директор Института психологии РАН член-корреспондент РАН, член-корреспондент РАО профессор А.Л. Журавлев подчеркнул актуальность психологических исследований личности и социальных групп в системе правовых отношений, сложившихся в новых политико-экономических условиях современного российского общества. Он отметил, что расширение предметного поля научной психологии является ее важной отличительной особенностью, что приво-

дит к необходимости проведения комплексных исследований в юридической психологии, а также высоко оценил научную квалификацию и теоретическую деятельность главного редактора доктор психологических наук Д.В. Сочивко, указал на практическую востребованность публикуемых в журнале статей и важное значение журнала в развитии юридической психологии. А.Л. Журавлев нацелил юридических психологов на решение важной государственной и научной задачи—разработку методологических, теоретических и методических основ борьбы с коррупцией.

С основным докладом, в котором были детально и глубоко проанализированы теоретико-методологические проблемы становления юридической психологии в России, выступил доктор психологических наук, профессор В.М. Поздняков. Он убедительно показал неразрывную связь решаемых юридической психологией проблем с запросами практики, междисциплинарный подход правоведов, криминологов и юридических психологов в исследовании личности преступника и преступных групп, социально-психологических проблем судопроизводства, деятельности уголовно-исполнительной системы, следственных органов и профилактики правонарушений. В.М. Поздняков, ссылаясь на работы отечественных юристов и психологов Л.Е. Владимирова, Д.А. Дриля, Н.М. Ядринцева, Л.И. Петражицкого и других, отметил своеобразие решения психологических проблем права в России на всех этапах развития юридической психологии. Это приоритетное отношение к личности как объекту и субъекту правоприменительной деятельности, привлечение судебно-психиатрической

и психологической экспертизы для выявления степени вины и ответственности подсудимого, учет социально-психологических особенностей и условий его жизнедеятельности, выявление уровня интеллектуального, эмоционального и нравственного развития. В результате отечественная юридическая психология не имела таких вульгарно-физиологических тенденций, которые проявлялись на Западе под влиянием теории Ч. Ломброзо. Признавая социальные факторы ведущими в развитии личности, отечественные юридические психологи и правоведа сходились во мнении о том, что нарушения закона и их правовая оценка определяются не только юридическими, но и политическими, экономическими, социально-психологическими и нравственными детерминантами.

В выступлениях А.Л. Журавлева, Л.Б. Юшковой, Д.В. Сочивко, В.М. Позднякова, С.Н. Ениколопова, В.А. Соснина, А.В. Сухарева и других участников семинара отмечалась важность научного исследования новых тенденций преступности, сосредоточения усилий на междисциплинарном изучении экономической преступности, коррупции и мошенничества, что является психологическим обеспечением выполнения Федерального закона от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции».

Особую трудность в борьбе с коррупцией и мошенничеством представляет высокий уровень личностного развития организаторов этих преступлений. Из 1300 осужденных в 2008 г., по данным Верховного Суда РФ, подавляющее большинство имеют высшее образование. Только в 2009 г., по данным Департамента экономической

безопасности МВД России, пресечена деятельность 39 финансовых пирамид, которые нанесли ущерб на сумму свыше 4 млрд руб. 40 тысячам граждан. По данным Комитета по безопасности Государственной Думы РФ, около 50 % стоимости инвестиционного контракта уходит на подкуп чиновников, а на взятки чиновникам ежегодно тратится 40 млрд долл. ВНИИ МВД установил, что в структуре преступности мошенничество и кражи составили 44,3 %. Ежегодный рост числа этих преступлений достигает 8,5 %. За 2009 г. совершено 238 тыс. преступлений экономической направленности, из которых 141 тыс. относятся к категории тяжких и особо тяжких, а 57 тыс. совершены в крупном и особо крупном размерах. Из обследованных нами 2467 сотрудников торговых, строительных, риэлторских и финансовых организаций 1344 человека (54,48 %) имеют выраженную склонность к обману и мошенничеству.

Трудности в исследовании личности мошенника как западными, так и некоторыми отечественными психологами объясняются, на наш взгляд, методологическими просчетами в понимании природы, содержания и структуры психики субъекта. Этот подход реализуется в понимании личности как полностью биологического существа, живущего в контексте конкретной биологической или социокультурной общности и имеющего в качестве главного смысла жизни обеспечение биологического или социокультурного выживания. Индивидуальное в такой личности помещается в общий ряд прочих уровней психической регуляции и лишается самостоятельного смысла и значения. Индивидуальная свобода в концепциях естествен-

нонаучного подхода понимается как свобода в выборе средств, но не жизненных целей (А.И. Мироненко, 2005). Общим для представителей этого направления является то, что «объективный критерий», позволяющий описывать личность, всегда обнаруживается за пределами психологической науки. Дело доходит до того, что «в психологии термин «объективное описание» употребляется в качестве синонима «физиологическое описание», а «психологическое» — в качестве синонима «субъективное» (В.П. Зинченко, М.К. Мамардашвили, 1977).

Для изучения личности мошенника до середины 70-х годов XX века в зарубежной юридической психологии традиционно использовались теории диспозиционального направления (структурная теория Г.Ю. Айзенка и факторная теория Р.Б. Кеттелла). Для определения склонности к мошенничеству в мировой практике, по данным Л.Ф. Бурлачука и С.М. Морозова, имеется всего 10 методик, которые еще в 80-е годы XX века 5000 американских фирм использовали при приеме на работу и изучении персонала. Однако существующие методики обладают недостатками: они построены на методологии психоанализа, теории черт и бихевиоризма; методики не адаптированы; в них не учитываются ментальность и экономическое самосознание нашего народа; ориентированы на существование внешнего критерия (экспертных оценок, обследования на полиграфе, фактов биографии); не стандартизированы, имеют недостаточную валидность и надежность.

Ни один из факторов (по Р. Кеттеллу) в отдельности не проявил устойчивой связи со склонностью к мошенничеству. Объяснение мошенничества особенно-

стями конституциональных основ психики и применение соответствующих методик для определения значимых различий между надежными сотрудниками и мошенниками не позволяет получить убедительных результатов. Многоуровневость, соподчиненность, системная детерминированность психических явлений приводят к тому, что эти конституциональные основы (по Г.Ю. Айзенку или Р.Б. Кеттеллу), входя в систему личности мошенника, претерпевают серьезные изменения, утрачивают часть своей свободы, подчиняясь выходящим психологическим структурам — ценностно-смысловым образованиям, личностной и социальной идентичности, Я-концепции. Такой результат был получен не только нами, но и другими психологами (Ю.М. Антонян, В.П. Голубев, Ю.Н. Кудряков, 1989). Мы тоже потерпели неудачу на первом этапе своей работы, когда пытались применить аналогичные методы (16 ФЛО Р. Кеттелла, EPQ Г. Айзенка, SSS М. Цукермана и др.). Никаких значимых отличий мошенников от нравственно надежных людей нами обнаружено не было. Только введение в научный анализ нравственно-психологических переменных, последующая группировка общей выборки и поиск различий между группами (кластерами) позволили определить особенности нравственно-смысловой, когнитивной, регуляторной сфер психики у мошенников. Следовательно, для выявления склонности к мошенничеству необходимо учитывать нравственно-смысловые, мотивационно-ценностные, когнитивные, эмоционально-волевые особенности мошенников, их нравственную и экономическую идентичность, отношение к труду, к себе, деньгам и другим людям.

В 80-х годах появились исследования, построенные на когнитивных теориях Ж. Пиаже, Л. Колберга, Дж. Тапп, в которых морально-правовое развитие считается результатом достижения личностью уровня формальных мыслительных операций. Положения генетической теории Ж. Пиаже, стадийной теории Л. Колберга и теории морально-правового развития Дж. Тапп, полученные в результате анализа этических принципов, осознания личной моральной ответственности, нравственных ценностей, социальных представлений о справедливости у законопослушных граждан и деликвентов, позволили экспериментально доказать наличие сложной, нелинейной связи морально-правового развития личности и ее социального поведения (Льюис, 1976; Emmer, Heather & Winton, 1978; Arbutnot, Gordon & Jurkovic, 1987; Thornton, 1987; Jaffee, Hyde, 2001).

Вместе с тем не подтвердилась связь морального и когнитивного развития у мошенников и других ненасильственных экономических преступников (Thornton, Reid, 1982). Не получили своего подтверждения выводы Л. Колберга о неизменности стадий морально-правового развития (J.L. Tapp, 1987). Подвергаются сомнению утверждения о половой, возрастной и этнокультурной универсальности связи нравственного сознания и поведения (Gilligan, 1982; Ford, Lowery, 1986; Wark, Krebs, 1996; White, Manolis, 1997; Barnett, Quackenbush, Sinisi, 1995; Jaffee, Hyde, 2000; Magsud, 1977). При этом получены убедительные данные о влиянии социальной среды (J.L. Tapp, F.J. Levine, 1977), гибкости ценностных ориентаций (Lickona, 1976; Вилсон, 1980; Kurtines, 1984), эгоизма

(Jaffee, Hyde, 2000), макиавеллизма (Christie R, Geis F.L., 1970, 1978), эмпатии, эмоциональных переживаний вины и стыда (Magsud, 1977; Skoe, Eisenberg, Cumberland, 2002) на взаимосвязь содержания нравственного сознания и поведения личности. Исходя из этого, многие зарубежные психологи (Burton, 1984; Gibbs, Schnell, 1985) считают, что индивидуалистический и рациональный подход Л. Колберга должен применяться в совокупности с другими теориями.

Отечественные психологи задолго до выступлений высших политических деятелей нашего государства отмечали актуальность и важность решения нравственно-психологических проблем личности, социальной группы и общества. Одной из главных задач психологии является интенсификация фундаментальных исследований отношения человека к себе и другим людям (Д.И. Фельдштейн, 2006). Духовно-нравственная, или этическая, психология становится одной из приоритетных отраслей психологии (А.Л. Журавлев, 2007; Б.С. Братусь, 1999, 2006; Л.М. Попов, 2008; В.Д. Шадриков, 2004, 2007).

Решить поставленные проблемы можно на основе нравственно-психологического подхода в изучении и оценке личности мошенника, поскольку нравственные факторы опосредуют и изменяют действие экономических условий (А.Л. Журавлев, 2007). Нравственно-психологический подход отражает современные тенденции развития психологической науки к расширению своего предметного поля и проведению исследований на стыке юридической, социальной, нравственной и экономической психологии, поэтому в отечественной психологии разрабатываются собствен-

ные теоретические модели нравственности личности — уровневые (К.К. Платонов, С.К. Бондырева и Д.В. Колесов, Б.С. Братусь, В.Т. Чепиков), многофакторные (Л.М. Попов, Ю.В. Синягин, А.А. Хвостов) и компонентные (Л.Н. Антимова). Эти взгляды имеют тесную преемственность с работами юристов середины XIX-начала XX веков Д.Д. Безсонова, Л.М. Бобрищева-Пушкина, А.П. Болтунова, Л.Е. Владимирова, Д.А. Дриля, А.Ф. Кони, Л.И. Петражицкого, А.У. Фрезе, Н.М. Ядринцева. В науку ими введены положения и понятия, объясняющие нравственные детерминанты просоциального и криминального поведения: «состояние психической недостаточности», «промежуточные степени между вменяемостью и невменяемостью», нравов и обычаев «кружка», нравственных убеждений и совести как нравственных детерминант поведения (Л.Е. Владимиров, 1877). Факторами криминального поведения признаются, кроме биологических, социальные, бытовые и нравственные обычаи жизни различных слоев общества (Д.А. Дриль, 1895). Рассматривается взаимосвязь теорий права и нравственности, выделяются в отдельный класс явлений этически-моральные эмоции и императивные (нравственные) нормы (Л.И. Петражицкий, 1907). Доказывается необходимость проведения судебно-психологической экспертизы (А.Ф. Кони, 1909) и о психологическом исследовании в уголовном суде нравственного типа подсудимого, отношения человека к другим людям и к самому себе, о наличии у него симпатий и жалости к окружающим (Л.Е. Владимиров, 1901). Выявляются противоречия между уголовным законом и жизненными воззрениями членов обще-

ства, основанными на их представлениях о добре и зле. Анализируются нравственно-психологические факторы принятия вердикта присяжными (А.М. Бобрищев-Пушкин, 1896).

В качестве личностной детерминанты асоциального поведения рассматривается эгоизм личности (А.Ф. Лазурский). «Моральное чувство» и «нравственный характер» трактуются как психологические структуры личности (Г.И. Челпанов, 1912). Насущные социально-психологические проблемы общественной жизни и юридической практики заставили ученых по-новому подойти к их пониманию и решению, выделив в качестве объекта анализа нравственную сферу личности и социальной группы. Таким образом, еще до выделения психологии в самостоятельную область научного знания ими были определены многие нравственные детерминанты криминального поведения человека. Они выявили противоречивость индивидуального и группового сознания, что впоследствии позволило нашим социальным психологам К.А. Абульхановой (1997), М.И. Воловиковой (1995), О.П. Николаевой (1992) сделать вывод о преобладании в структуре менталитета наших современников нравственных и эмоциональных представлений над правовыми.

В современной психологии, в том числе в ее юридической отрасли, сохраняются традиции изучения нравственно-смысловой сферы личности как субъекта и объекта правовых отношений. Теоретически и экспериментально доказана роль нравственной сферы как высшего регулятора и центральной инстанции поведения человека (А.Л. Журавлев, А.Б. Купрейченко, 2003, 2007; А.П. Кудрявцев, 2007 и др.)

Положения нравственно-психологического подхода все чаще используются для объяснения поведения человека. Уточняются критерии его соответствия требованиям деятельности и организации—зрелости, исполнительности (А.Л. Журавлев, 2007), порядочности, честности, добросовестности, дисциплинированности, устойчивости к нормам группо- и эгоцентрической морали, основанной на внутреннем чувстве границ допустимого в нравственной сфере, способности оправдать доверие и готовности прийти на помощь: М.И. Воловикова (2000, 2003, 2004), М.И. Воловикова, Л.Л. Гренкова (1997), А.Е. Воробьева (2010), О.П. Николаева (1992), О.А. Гулевич (2007), А.Б. Купрейченко (2003, 2004, 2007, 2008, 2010), В.Э. Чудновский (1981, 2004); отношения к правде, обману и манипуляции другими людьми: В.В. Знаков (1993, 1994, 2000). Теоретические и методологические подходы исследования нравственных основ личности содержатся в работах Б.С. Братуся (1995), Л.М. Попова, О.Ю. Голубевой, П.Н. Устина (2008), В.А. Пономаренко (1997), В.Д. Шадрикова (1997), В.Э. Чудновского (1981) и других авторов.

Отдельные положения и выводы о взаимосвязи содержания нравственного сознания, личностных особенностей мошенника и преступным поведением накоплены в работах Ю.М. Антоняна (1975, 1982, 1991, 2000, 2004, 2006); Ю.М. Антоняна, В.П. Голубева, Ю.Н. Кудрякова (1989); М.И. Еникеева (2000, 1997, 2002); В.Е. Эминова (2000); В.Н. Кудряцева (1981, 1986, 2002); Р.А. Базарова (2002); В.Н. Иванченко, А.Г. Асмолова и С.Н. Ениколопова (1991); А.П. Кузнецова и И.Н. Боковой (2001); И.А. Кудряцева (2007); Н.Ф. Кузнецовой (1984);

М.Г. и Д.М. Миненков (2001); А.Р. Рапинова (1988); С.А. Романова (1996); А.Л. Ситковского (1998); В.Н. Чулахова (2003); Л.Ф. Шестопаловой и Т.А. Первозной (2003) и других. Из 34 диссертаций по мошенничеству, изученных нами, 26 опубликованы после 1991 г., из них 20—позже 2000 г. Это свидетельствует о росте научного интереса юридических психологов к проблеме личности мошенника в новых социально-экономических условиях.

В поле нравственно-психологического подхода формулируются предмет, задачи нравственной психологии, разрабатываются ее методы (М.И. Воловикова, 2007). Узловыми проблемами становятся соотношение нравственного и правового сознания, исследования социальных представлений о правде, правде и справедливости. Разрабатываются методологические и теоретические основы этической психологии личности (Л.М. Попов, 2008). Л.М. Попов вводит категорию «человечность», при обосновании которой опирается на положения работ В.Д. Шадрикова (1997, 2004). Для диагностики уровня человечности разработана методика «Добро-Зло». Л.М. Попов включает в круг задач этической психологии личности исследование девиантного, делинквентного и аддиктивного поведения личности. Формируется новая область социально-психологического знания—макропсихология (А.В. Юревич, 2007, 2009), исследующая в числе других своих задач нравственное состояние общества (НСО). Разработаны критерии и признаки НСО, а также метод определения индекса НСО.

В психодинамической концепции Д.В. Сочивко (2002, 2007) с точки зрения нравственно-психологического под-

хода разрабатываются теоретические и прикладные проблемы нравственного содержания психической деятельности, которое он определяет как «душевное тепло», являющееся, по мнению автора, психической субстанцией душевной энергии человека. Им исследованы волевые, когнитивные и эмоциональные механизмы динамики душевного тепла, предложены методы психодиагностики процессов его передачи между внешним и внутренним планами деятельности.

Объектом изучения при нравственно-психологическом подходе служат психологические детерминанты нравственности человека и социальной группы, а также психологические методы диагностики этих детерминант. Исследуется этическое содержание личностных ценностей, идеалов и установок, их соответствие социально одобряемым моральным и правовым нормам, влияние нравственного содержания индивидуального и группового сознания на функционирование когнитивных и эмоциональных процессов, механизмы саморегуляции, самоконтроля, самоотношения и идентификации личности. Оценка личности по критериям нравственности предполагает измерение таких качеств личности, которые относятся к предмету как психологии, так и этики: честность, справедливость, доброта, трудолюбие, верность своему слову, преданность и др. В этике нравственные качества рассматриваются в парадигмах аратологии, фелицитологии, деонтологии. Юридическая психология изучает, какие моральные нормы и ценности (социально одобряемые, узкогрупповые, эгоцентрические, криминальные) доминируют в сознании мошенника, детерминируя его реальное поведение.

С.Л. Рубинштейн считал основной психологической проблемой этики ее связь с проблемой человека как субъекта сознания и действия, вопрос о детерминации поведения личностными ценностями. Собственно психологическое решение этических проблем личности он видел в трех аспектах:

- в установлении места другого человека в деятельности субъекта (как орудия или как цели деятельности);
- в определении того, насколько субъект осознает непосредственные результаты последствия своих действий, поступков;
- в выявлении того, понимает ли субъект существование другого человека как условия существования самого субъекта (2003).

С.Л. Рубинштейн определил направление научного поиска решения нравственных проблем: изучение мотивации, детерминации человеческого поведения, системы ценностей. Развивая эти положения, А.Л. Журавлев и А.Б. Купрейченко ориентируют исследователей на субъектный подход к изучению личности и социальной группы в динамике их развития, учитывая ценностно-смысловые составляющие их активности (2007).

На основании выводов М.И. Володиной (2003) о принципах нравственной психологии можно сформулировать постулаты нравственно-психологического подхода. Основным социально-психологическим процессом усвоения нравственных норм является подражание образцам поведения из ближайшего окружения личности. Он носит естественный и слабо осознаваемый характер и при коренных социально-экономических изменениях нарушается. Психологический механизм усвоения нравственных

норм — выход сознания за пределы личной ситуации и восстановление единства личности с другими людьми. Результат морального развития личности — становление субъектности и обретение личностью моральной ответственности. Основным этическим законом является утверждение бытия другого человека, отношение к нему как ценности.

Опираясь на эти постулаты, можно сформулировать основные принципы нравственно-психологического подхода к исследованию личности и социальной группы.

Этический детерминизм. Этическое содержание когнитивных, эмоциональных, регуляторных, идентификационных процессов оказывает существенное влияние на форму их протекания. На высоком уровне морального развития личности специалиста содержание этических категорий обретает смысл особых детерминант.

Субъектность. Выступающий объектом анализа специалист обладает всеми необходимыми признаками субъектности: преобразовательной активностью, целостностью, автономностью, свободой, гармоничностью, своеобразием целенаправленности и осознанностью. Он способен осознавать совершаемые им поступки, за которые несет ответственность перед собой и обществом, обладает ответственностью и силой для решения собственных этических и материальных проблем.

Системный анализ нравственно-психологических проблем личности.

Развитие и динамизм. Усвоенные этические и правовые нормы, ценности и идеалы приводят к коренной перестройке личностных детерминант экономической деятельности субъекта.

Реализация принципов нравственно-психологического подхода возможна при соблюдении следующих условий.

При исследовании и объяснении личности мошенника необходимо ориентироваться на изучение процесса выбора им способа своего бытия. В основе человеческого бытия лежит моральное долженствование, которое регулирует поступки субъекта, его представления о подлинно человеческом отношении к себе и другим.

Применение этических категорий для анализа поведения. Нравственно-психологический подход предполагает измерение таких качеств личности, которые относятся к предмету психологии и этики: отношение субъекта к честности, справедливости, добру и злу, к труду, социально одобряемым и аморально-криминальным способам получения материальных благ. Единицей психологического анализа при таком подходе служат нравственно-правовые основы действия или поступка.

Метод, предназначенный для измерения нравственно-правовых основ действий и поступков, кроме общепринятых требований валидности, надежности и репрезентативности, должен обладать высокой психодиагностической ценностью, чувствительностью и прогностичностью, давать наглядные и однозначные результаты.

Психодиагностическими признаками для оценки психологических основ этико-правовых отношений мошенника при нравственно-психологическом подходе являются уровень морального развития, локус морально-правовой ответственности, личностные нравственные ценности, стили моральной саморегуляции и решения экономических, нрав-

ственных и правовых проблем, стиль межличностного взаимодействия мошенника с другими людьми, особенно — сти его самоотношения и самоконтроля.

Использование сравнений при проведении обследований личности и социальных групп, поиск тенденций их морального и правового развития, учет нравственно-правовых ценностей, господствующих в данной социальной группе.

Качественно-количественная оценка надежности возможна методом установления различий контрастирующих групп по показателям уровня морального развития, зрелости нравственных ценностей и идеалов, саморегуляции, самоконтроля, самоотношения и личностным факторам принятия моральных решений.

Таким образом, при нравственно-психологическом подходе изучаются все сферы личности, обеспечивающие как социально одобряемое, так и аморально-криминальное поведение субъекта. Моделируется нравственно-смысловая сфера личности, исследуются взаимосвязи психологических структур с уголовно наказуемым деянием, прогнозируется вероятность совершения преступления.

При разработке личностного опросника ЛО НПН применен факторно-аналитический принцип конструирования тестов: факторная структура личностного опросника НПН соответствует факторной структуре исследуемого социально-психологического свойства личности. Для формулирования заданий по шкалам отношения к деньгам, мошенничеству и труду применялись положения критериально-ключевого принципа конструирования. Реализованы пра-

вила обеспечения валидности (Л.Ф. Бурлачук, 2000, 2993; К.М. Гуревич, 2006; П. Клайн, 1994; А.Г. Шмелев, 1983, 1987, 1988; Ю.Л. Ханин, 1987). Одной из целей проектирования личностного опросника НПН было выявление скрываемых и невербализованных нравственных и правовых смыслов экономического поведения у мошенников. Для этого применялись проверенные на конструктивную и критериальную валидность пословицы и поговорки, отражающие отношение личности к нравственным ценностям, труду, деньгам и мошенничеству. Психосемантический анализ этих тестовых заданий проходил на репрезентативной выборке, состоявшей из 168 педагогов, экономистов, работников торговли и медицинских учреждений, имеющих высшее образование. В итоге были выбраны 43 пословицы и поговорки, наиболее часто употребляемые в контрастных группах. Установлен системообразующий смысловой конструкт нравственно-правового сознания у склонных к обману и мошенничеству сотрудников: «корысть и отрицание нравственных норм», который выражается пословицами «Были бы деньги, а честь найдем» и «Праведным быть — скудно жить». Смысловые ассоциации системы понятий, выражающих негативное отношение к нравственным ценностям, нормам права, труду и другим людям, имеют высокие значения (более 0,7 величины стандартного отклонения).

При конструировании ЛО НПН были изучены теоретические и методические подходы к исследованию личности, валидность и надежность пяти групп отечественных и зарубежных методик, применяемых для получения данных

о честности, надежности, лояльности персонала: 1) полиграфические методы (СПФИ); 2) компьютерные программы психосемантического анализа: КПСА и аппаратно-программный комплекс Mind Reader 2.0; 3) авторские личностные опросники: комплексная компьютерная диагностическая система оценки благонадежности персонала В.Л. Малыгина и программа «Psychological lie detector» А.А. Гребенюка; 4) методики латентного выявления склонности к мошенничеству: «Подпись — Почерк—Личность (ППЛ)», БАБК, «Резонанс»; 5) зарубежные личностные опросники честности: Keeler Pre-employment Opinion Survey, London House Personnel

Selection Inventory, Milby Profile, Phase II Profile, Pre-employment Analysis Questionnaire, Stantion Survey, Trustworthiness Attitude Survey, Wilkerson Pre-employment Audit. Анализ теоретических основ, организационных, экономических и юридических условий их применения показал ограниченные возможности или невозможность использования этих методов для изучения склонности к мошенничеству.

В ЛО НПН содержится 120 вопросов, разбитых на 10 сбалансированных интервальных шкал, каждая из которых включает 6-10 пар вопросов. Факторная структура опросника образована тремя группами переменных, имеющи-

Таблица 1

Факторная структура личностного опросника НПН (N = 2467 чел.) Суммарная дисперсия факторов - 77,14 %			
Шкалы ЛО НПН	Компонента		
	1 Нравствен- ность	2 Альтруизм	3 Рассуди- тельность
Критерий 3. Учет моральных и правовых норм в своем поведении	,785		
Критерий 2. Понимание необходимости соблюдения моральных и правовых норм	,764		
Отношение к честности-обману и мошенничеству	,763		
Критерий 1. Признание своей ответственности перед нравственными и правовыми нормами	,711		
Критерий 4. Устойчивость к негативным нормам поведения		,914	
Отношение к деньгам и богатству		,384	
Альтруизм-эгоизм		,354	
Рассудительность-авантюризм			,908
Нравственные основы отношения к труду			,410

ми суммарную дисперсию 77 %. Полученные факторы интерпретированы

нами следующим образом: 1-й фактор — «Нравственность-Аморальность

при определении способа получения материальных благ»; 2-й фактор — «альтруизм-эгоизм», 3-й фактор — «рассудительность-авантюризм» (табл. 1). Полученные факторы включают в себя необходимые и достаточные показатели морального развития, мотивационно-ценностной и когнитивной сфер, самоконтроля и саморегуляции, то есть обеспечивают разностороннее объяснение поведения личности.

Ретестовая надежность теста, проведенная методом повторного тестирования 80 сотрудников с интервалом в полгода (в июне 2008 г. и в январе 2009 г.), составила 0,762 при $p < 0,0001$. Внутренняя согласованность (надежность) опросника нравственной надежности по коэффициенту α Кронбаха составила 0,882. Надежность по методу половинного расщепления шкалы (коэффициент Спирмена-Брауна)—0,977. Коэффициент Гуттмана по методу половинного расщепления теста составил 0,897. Прогнозы поведения сотрудников подтвердились в 76 % случаев.

Тест дифференцирует испытуемых по критериям нравственной надежности, то есть имеет хорошую критериальную валидность. Показатели теста в основном соответствуют реальному уровню морального развития сотрудников в момент обследования (диагностическая, или текущая, валидность). Независимый внешний критерий—экспертная оценка надежности сотрудников—высоко коррелирует с фактором нравственности (0,823 при $p < 0,001$). Опросник позволяет получить сведения об обоснованности и статистической достоверности тенденций развития нравственной надежности в будущем, имеет прогностическую валидность, обнаруживает устой-

чивую статистически значимую связь с поступком.

Опросник позволяет объяснить связи ценностно-смысловых, когнитивных, регуляторных и идентификационных структур личности, то есть обеспечивает многофакторное объяснение нравственной надежности личности и имеет конструктивную валидность. ЛО НПН сопоставим с родственными методиками: шкалой альтруизма-эгоизма личности К. Муздыбаева, шкалой Мак-IV В.В. Знакова, с методикой «Нравственное самоопределение» А.Е. Воробьевой и А.Б. Купрейченко, с проективной методикой Ю.В. Александровой «Отношение к Другому». Опросник показал похожие результаты на 4 независимых выборках (профессиональной, возрастной, образовательной, женской и мужской). Общее количество испытуемых, проверенных по нашей методике,—2467 чел. Тест включен в компьютерную психодиагностическую программу ФСИН России «Psychometric Expert» (А.А. Васищев, 2010).

Сравнение результатов тестирования контрастных групп показало, что поведение мошенников определяется принципиально факторами, различными по своему нравственно-правовому содержанию. Они приведены в таблице 2.

Нравственно-психологический анализ личности мошенника позволяет сделать следующие выводы. Во-первых, в сознании мошенников представлены моральные нормы, отличные и даже противоположные общепринятым этическим понятиям. Во-вторых, эти моральные нормы существуют на уровне невербализованных смыслов, псевдопонятий и представлений, поэтому из искаженных и неверных исходных посылок мошенники делают вполне обоснованный

Таблица 2

Ведущие факторы поведения надежных сотрудников и осужденных мошенников		
Факторы поведения	Содержание факторов поведения и весовые нагрузки	
	Надежные сотрудники 5 и 6 стадии НПП (347 чел.)	Мошенники 1-3 стадии НПП (257 чел.)
1 фактор	«Ориентация на честность и справедливость, неприятие обмана и мошенничества»: отрицание мошенничества; критическое отношение к богатству; учет моральных норм в своем поведении; понимание необходимости соблюдения моральных норм в повседневной жизни; альтруизм (по Муздыбаеву) — в пределах -0,859-0,796	«Склонность к манипуляции другими людьми для получения личной выгоды»: эгоистическая, манипулятивная, асоциальная стратегия поведения (по Хобфоллу), ориентация на деньги (по Потемкиной), готовность к риску (по Корниловой), макиавеллизм (по Знакову)—в пределах 0,626 - 0,900
2 фактор	«Стремление к моральному одобрению своего поведения»: признание своей ответственности перед нравственными нормами; нравственные ценности (по ЛО НН); ожидание положительного отношения других (по Столину); ценности достижения успеха (по Шварцу)—в пределах 0,700–0,787	«Ценности самовозвышения над людьми»: ценности власти, гедонизма, достижения и саморегуляции (по Шварцу)—в пределах 0,671-0,855
3 фактор	«Независимость от негативных моральных норм»: устойчивость к негативным правилам поведения (по ЛО НН), самостоятельность саморегуляции (по Моросановой), ценности саморегуляции (по Шварцу) - в пределах 0,622 - 0,694	«Эгоистическая отчужденность от других людей и моральных норм»: эгоизм (по Муздыбаеву), самоактуализация (по Крендаллу), самоинтерес (по Столину), самостоятельность (по Ксенофоновой)—в пределах 0,639-0,895

законами формальной логики вывод о допустимости, правильности и справедливости мошенничества. В-третьих, в смысловой сфере мошенников происходит своеобразная переработка и трансформация нравственных понятий. Процесс смыслообразования детерминирован выраженными эгоистическими тенденциями мошенников, их ориентацией на получение выгоды в

ущерб другим людям методами мошенничества и служит моральному обеспечению планируемой кражи. Полученные в результате размышлений смыслы обмана и мошенничества удовлетворяют мошенников и оправдывают их с точки зрения собственной морали. При решении экономических проблем сознание мошенников не выходит за пределы личной ситуации, не оперирует этичес-

кими и юридическими понятиями, используя для рассуждения законы здравого смысла и формальной логики.

Нравственно-смысловые особенности образуют своеобразный комплекс, который ориентирует поведение мошенников на получение материальной выгоды только для себя; использование обмана и манипуляций для получения этой выгоды: недооценку или сознательное принижение достоинств других людей и поддержку представлений о собственной исключительности; пренебрежение к моральным нормам и требованиям законов; отрицание ответственности перед другими людьми; на подавление и дискредитацию нравственных смыслов, переживания стыда в своем сознании, игнорирование моральных альтернатив при принятии решения о краже.

Главный фактор поведения мошенников — склонность к манипуляциям другими людьми для получения личной выгоды. Он образован доминирующими ориентациями на преодоление материальных трудностей асоциальными, непрямыми и манипулятивными действиями, основанными на эгоизме, риске и любви к деньгам. В структуре главного фактора существенна роль макиавелизма.

Второй фактор активности мошенников — ценности самовозвышения над людьми. Эти универсальные ценности понимаются мошенниками как вседозволенность, возможность добиться личной выгоды аморальными и преступными способами, путем лести, обмана, подкупа или запугивания, подлога и хищения. Упорство в достижении собственных целей, страсть к чувственным наслаждениям, ориентация только на собственные интересы, поддержа-

ние активности на основе только своих смыслов и игнорирование мнения окружающих, стремление к получению власти над другими людьми — эти ценности мошенников оказывают влияние на ход и результаты когнитивных процессов, механизмов саморегуляции и самоидентификации. Ценности альтруизма у мошенников (0,687 балла) в 10 раз ниже, чем средние значения этого показателя по выборке 2467 человек (7,270 балла), ценности труда — почти в 5 раз (2,031 балла против 9,583).

Третий фактор детерминации поведения мошенников — эгоистическая отчужденность от других людей и моральных норм. Здесь выражена интернальность самоконтроля в сфере индивидуальной деятельности, ориентация на себя и собственные интересы, стремление к саморазвитию в ущерб интересам других людей.

Тенденции к развитию криминальной установки на мошенничество задают эгоизм как чрезмерно позитивное самоотношение личности; стремление к самоутверждению аморальными средствами, ожидание положительного отношения со стороны других (тщеславие). Ожидание восхищения других людей у мошенников превосходит аналогичные показатели надежных сотрудников в 4 раза.

В структуре *моральной саморегуляции мошенников* эгоизм тесно связан с гибкостью саморегуляции, макиавелизмом, готовностью к риску, самостоятельностью регуляторных процессов. Гибкость саморегуляции и личностных ценностей под влиянием эгоизма проявляется как беспринципность, цинизм, изворотливость, способность толковать нравственные нормы в свою пользу. Са-

мостоятельность саморегуляции и самоконтроля у мошенников приводит к игнорированию моральных норм и мнений других людей. Готовность к риску, связанная с эгоизмом, проявляется в авантюризме.

Стилевые особенности межличностного взаимодействия мошенников характеризуют этих испытуемых как уверенных в себе людей, контролирующих свое поведение, активных и инициативных в социальных контактах, стремящихся к лидерству среди других людей. У мошенников также выражены стратегии «осторожные действия», «непрямые действия», «манипулятивные действия и маскировка».

Обман как способ получения благ у мошенников детерминирован их эгоизмом (0,672 при $p < 0,01$), чрезмерно позитивным отношением к деньгам и богатству (0,618 при $p < 0,01$), стратегией манипуляции в межличностном взаимодействии (0,567 при $p < 0,01$), ценностями достижения (0,522 при $p < 0,05$), одобрением обмана и мошенничества (0,521 при $p < 0,01$), импульсивностью (0,521 при $p < 0,01$) и готовностью к риску при принятии решений (0,364 при $p < 0,01$). Глубокие противоречия с социально одобряемыми нравственными и правовыми нормами у мошенников показала сильная отрицательная связь их одобрительного отношения к обману и мошенничеству (-0,784 при $p < 0,01$).

Центральной особенностью *когнитивной сферы мошенников* является социальный характер мышления, нацеленность на аморальные и преступные способы получения материальных благ, устойчивое понимание других людей как источников и средств этих благ. Вторая принципиальная особенность социаль-

ного мышления мошенников — неразвитая форма репрезентации в их сознании социальных норм поведения. Третьей особенностью когнитивной сферы мошенников можно считать своеобразие сочетания процессов креативности, общего и социального интеллекта. Обобщение мошенником своего преступного, аморального и выгодного способа жизни, постоянное «нагружение» своих мыслительных процессов задачами обмана и манипуляций другими людьми привели к преобладанию в его когнитивной сфере таких функций, которые обеспечивают быстрое и эффективное познание людей, социальных ситуаций, определение выгодных стратегий поведения, прогнозирование материальной выгоды.

Мошенники превосходят сотрудников предприятий и корыстно-насильственных преступников по всем показателям (шкалам) социального интеллекта. Доминирование мошенников по подавляющему большинству показателей первой части теста и трем субтестам второй части теста структуры интеллекта Амтхауэра (АИСТ) говорит в пользу их образного мышления и приверженности к решению практических задач. Нравственные основы личности мошенников не допускают их сопереживания и соучастия другим людям, возможности поставить себя на место своей жертвы (отсутствие эмоционального канала эмпатии и идентификации в эмпатии).

Для построения математической модели личности мошенника применялся метод множественного регрессионного анализа. Математическая модель личности мошенника имеет следующий вид:

$$Y = 4,675X_1 - 3,702X_2 + 0,188X_3 - 0,154X_4 + 0,004X_5,$$

где Y—внешние критерии мошенничества по результатам экспертной оценки; X1 — эгоизм; X2 — интегральное самоотношение; X3 — макиавеллизм; X4 — манипулятивная стратегия преодоления жизненных трудностей; X5 — стилевые особенности моделирования ситуации кражи.

Коэффициент детерминации, показывающий влияние отличительных личностных признаков мошенника на совершение этого преступления (R²), достигает высокого значения (0,519 при $p < 0,001$).

Поступок «Мошенничество» определяется положительным отношением осужденных к нему на 44,4 %, ценностями чувственного удовольствия (гедонизма)—на 54,6 %, и затрудняется самостоятельностью саморегуляции—на 37,9 %.

Совершенное преступление сопряжено с дефектами нравственного сознания мошенника и его личностными особенностями. Контингенция (Q) составила: с макиавеллизмом (0,689 при $p < 0,0001$), с самоактуализацией (0,592 при $p < 0,0001$), с локусом моральной ответственности «Я» и «Самые близкие люди» (0,649 при $p < 0,002$), с переживанием чувства превосходства над другими людьми (0,675 при $p < 0,037$), с невербализованными смыслами мошенничества (0,462 при $p < 0,001$), с одобрением мошенничества (0,519 при $p < 0,0001$). Чувство стыда при этом не оказывало влияния на совершение преступления. Собственно нравственно-психологические детерминанты имеют высокую обратную контингенцию с преступлением. Индекс нравственно-правовой надежности: -0,707, моральные затруднения при принятии преступ-

ного намерения; -0,622, моральные альтернативы преступного намерения; -0,360, переживание вины перед другими людьми; -0,455, и имеющиеся личностные нравственные ценности — -0,351 (при $p < 0,001$).

Таким образом, нравственно-психологический подход позволяет получить новые данные, недоступные при использовании других способов познания личности мошенника. Он является закономерным результатом развития научного познания, продолжением субъектно-деятельностного и системного подходов применительно к исследованию нравственно-правовой сферы личности. Методологические постулаты, принципы и условия этого подхода способствуют организации научных исследований надежности специалиста, ориентируют на определение границ допустимого поведения в нравственной и правовой сферах личности, устойчивости личности к аморальным и криминальным нормам поведения, психологических основ моральной и правовой ответственности, на использование субъектом этических и правовых понятий при определении им способа бытия и получения материальных благ. Целями нравственно-психологического подхода являются исследование собственно психологических основ нравственности и разработка валидных методов их психодиагностики.

Коррупция глазами российской молодежи

Е.Е. Гаврина

Исследования проведены при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ), проект № 10-06-54902а/Ц.

Аннотация: в статье представлен эмпирический материал исследований представлений молодежи о коррупционных явлениях, происходящих в российском обществе в целом и в правоохранительных органах в частности. Выявлено, что представители молодежного возраста слабо ориентируются в вопросах коррупции.

Ключевые слова: коррупция, коррупционные явления, взятка, превышение должностных полномочий, причины коррупции и коррупционные явления в среде сотрудников правоохранительных органов, борьба с коррупцией.

Summary: the article presents an empirical research material representations of young people on corruption phenomena occurring in Russian society in general and law enforcement agencies in particular. Revealed that the representatives of the youth aged poorly guided in matters of corruption.

Keywords: corruption, corruption phenomena, bribe, excess of official powers, reasons of corruption and corruption phenomena in environment of employees of law-enforcement bodies, struggle with corruption.

В настоящее время, когда на государственном уровне разработан Национальный план противодействия коррупции, утвержденный Указом Президента РФ от 31 июля 2008 г. № ПР-1568, и издан Указ Президента РФ от 19 мая 2008 г.

№ 815 о мерах по противодействию коррупции, возникает необходимость всестороннего анализа коррупции, а следовательно, проведения научных исследований по данной проблематике. Неоднократно руководители государства и представители власти указывали на необходимость изменить психологию людей, относящихся к явлениям коррупции как к чему-то должному, а также соглашающихся с принятием «навязываемых невостребованных им услуг за незаконную плату» (Д.А. Медведев).

В качестве основных причин высокого уровня коррупции в России называют следующие: несовершенство политических институтов, которые обеспечивают внутренние и внешние механизмы сдерживания; двусмысленные законы; незнание или непонимание законов населением, что позволяет должностным лицам произвольно препятствовать осуществлению бюрократических процедур или завышать надлежащие выплаты; зависимость стандартов и принципов, лежащих в основе работы бюрократического аппарата, от политики правящей элиты; профессиональная некомпетентность бюрократии; кумовство и политическое покровительство, которые приводят к формированию тайных соглашений, ослабляющих механизмы контроля над коррупцией; отсутствие единства в системе исполнительной власти, то есть регулирование одной и той же деятельности различными инстанциями; низкий

уровень участия граждан в контроле над государством.

В рамках данной статьи мы предлагаем для обозрения эмпирический материал по итогам социологического опроса представителей молодежного возраста (от 16 до 19 лет) относительно их ориентированности по проблеме коррупции. Полученный материал можно использовать в целях просвещения молодежи в области коррупционных явлений, происходящих в российском обществе, а также при разработке профилактических мероприятий, направленных на предупреждение участия (как пассивного, так и активного, вследствие незнания или непонимания законов) в коррупционных махинациях представителей различных сфер жизнедеятельности человека.

Прежде чем раскрыть особенности понимания и восприятия коррупции представителями молодежного возраста, считаем целесообразным остановиться на рассмотрении с научной точки зрения понятия «коррупция».

Одним из самых распространенных определений коррупции является следующее: коррупция (*corruption*) — использование служебного положения в личных целях.

По нашему мнению, данное определение слишком сужает понятие коррупции, и поэтому предлагаем придерживаться другого, более развернутого определения.

Коррупция — это использование должностным лицом своих *властных* полномочий и доверенных ему *прав* в целях личной выгоды, противоречащее установленным *правилам*.

В криминологическом значении «коррупция — это антисоциальное, об-

щественно опасное, угрожающее экономической и политической безопасности Российской Федерации явление, пронизавшее ветви власти, составляющее совокупность преступлений, совершаемых должностными лицами в целях личного обогащения за счет государства, коммерческих и иных организаций и граждан. Достигается это путем получения с использованием должностных полномочий материальных и иных благ в ущерб интересам государства» (Л.Д. Гаухман).

Представители молодежного возраста при трактовке термина «коррупция» ограничиваются в основном такими понятиями, как «взяточничество» (58 % опрошенных), «превышение должностных обязанностей с целью получения личных благ» (17 %), «подкуп должностных лиц» (7 %), «нарушение закона» (6 %), «отмывание денег» (2 %), «обман» (3 %), «воровство» (3 %), «мошенничество» (4 %).

Данный факт показывает нам, насколько слабо ориентированы в вопросах коррупции лица молодежного возраста, а ведь именно они могут в ближайшем будущем стать участниками коррупционных махинаций по причине безграмотности в данной области и тем самым поддержать явления коррупции на плаву.

Наиболее коррумпированными сферами деятельности в российском обществе, согласно их мнению, являются: образование, политика и шоу-бизнес, а менее коррумпированными — сфера услуг и телекоммуникаций. Показательно продемонстрировать итоги социологического исследования мнения представителей зрелого возраста по указанному вопросу, проведенного в Центре Ю. Левады, в результате которого было установлено,

что наиболее коррумпированные сферы в российском обществе—медицина, образование и силовые структуры.

Сравнительный анализ оценок коррумпированности сфер деятельности представителей молодежного и зрелого возраста показывает, что они сходятся во мнении лишь относительно коррумпированности образования, хотя позиции по здравоохранению почти схожи. Разброс в остальных оценках коррумпированности сфер деятельности, скорее всего, связан с жизненным опытом опрашиваемых. Вряд ли у лиц 16-19

лет при решении своих вопросов часто возникают ситуации коррупционного характера. А то, что они указали точную позицию по коррумпированности сферы образования, может быть связано с участвовавшими случаями демонстрации средствами массовой информации ситуаций задержания представителей вузов в момент получения взяток и с нахождением в образовательных учреждениях в силу их возраста.

Основными факторами, согласно представлениям лиц молодежного возраста, влияющими на личностную пред-

Таблица 1

Оценка представителями молодежного возраста коррумпированности сфер деятельности			
Сферы деятельности	Ранг	Сферы деятельности	Ранг
Образование	2	Услуги	19
Торговля	8	Природоохранная деятельность	12
Здравоохранение	5	Военная служба	7
Политика	1	Правоохранительная деятельность	6
Соцзащита населения	11	Средства массовой информации	16
Страхование	13	Телекоммуникации	20
Строительство	14	Шоу-бизнес	3
Транспорт	17	Госслужба	4
Производство	18	Муниципальная служба	15
Налоговые органы	9	Таможенная служба	10

расположенность к участию в коррупционной деятельности, выступают: материальное обеспечение, должностное положение и уровень образования, а менее — пол и возраст. Необходимо отметить, что в принципе ответы на данный вопрос совпали с общепризнанным мнением. Кроме того, проведенные нами социально-психологические исследования осужденных, отбывающих наказание за преступления коррупционного

характера, показывают, что большинство из них имеют высшее образование и до осуждения занимали достаточно высокое должностное положение.

Исследуя вопрос участия опрашиваемых в различных видах коррумпированной деятельности, мы установили, что чуть больше половины (56 %) уже были задействованы в ней в той или иной форме. Напомним, что опросу подлежали лица в возрасте от 16 до 19 лет,

то есть, несмотря на свой возраст, они успели принять участие в распространении коррупции в российском обществе. А что же будет к 25-30 годам и позже? Не сформируется ли у них навык все свои вопросы решать с помощью коррумпированных чиновников и не выступят ли, в конце концов, они сами в роли коррупционеров. Именно это обстоятельство демонстрирует нам необходимость разработки на государственном уровне профилактических мер по пресечению случаев втягивания представителей молодежного возраста в коррупционную деятельность. Со многими ли сферами общества они сталкиваются

в своем возрасте? Нет, их буквально можно пересчитать по пальцам: образование, здравоохранение, военные ведомства, может быть, правоохранительные органы— вот и все. Значит, именно эти сферы нужно усиленно контролировать с целью пресечения вовлечения молодежи в коррупционную деятельность.

Средства массовой информации в последнее время уделяют много внимания коррупционным явлениям в силовых структурах. С целью всестороннего изучения отношения молодежи к данной проблеме нами был проведен опрос по этой тематике.

Таблица 2

Мнение лиц молодежного возраста относительно коррумпированности силовых структур, %			
Сильно коррумпированы	Незначительно коррумпированы	Встречаются отдельные явления коррупции	Коррупционные явления отсутствуют
32,8	30	37,8	0

Результаты опроса ошеломляющи. Все опрошенные заявили о наличии (в той или иной степени) коррупционных явлений в силовых структурах. Несмотря на свой, скажем так, небогатый жизненный опыт, они все убеждены, что и в правоохранительных органах, и в военных ведомствах, и в таможенных органах, и в других подразделениях силовых структур есть явления коррупции, которые отличаются только ведомственной направленностью. Значит, эти молодые люди осознают, что могут при помощи финансовой поддержки преодолеть все возможные жизненные трудности— все зависит только от размера кошелька. С одной стороны, этот факт является для них позитивным (можно решить

свои проблемы), с другой — негативным (в случае если они сами окажутся в беде, какие-нибудь мошенники могут подкупить сотрудников правоохранительных органов, и они лишатся защиты). В результате у лиц молодежного возраста формируется мнение, что только деньги правят миром, а люди со скромными доходами чаще всего остаются бесправными.

Этот факт еще раз доказывает, как важно решить проблему распространения коррупции и насколько негативное влияние она оказывает на молодежь.

В качестве основных коррупционных явлений в правоохранительных органах молодые люди выделяют:

- взяточничество (20 %);

- продвижение по службе (8 %);
- необоснованное прекращение уголовного дела, следствия или дознания (34 %);
- беспричинный отказ в возбуждении уголовного дела (6 %);
- вымогательство (7 %);
- другие противоправные деяния.

То, что опрошенные выделили такие моменты коррумпированности правоохранительной системы, как необоснованное прекращение уголовного дела, следствия или дознания, беспричинный отказ в возбуждении уголовного дела, не вызывает какого-либо удивления. Телевидение регулярно транслирует телесериалы, где следователи и оперативники за некоторую (далеко немалую) сумму осуществляют все эти действия. Но вот откуда они могут знать, что продвижение по службе в правоохранительных органах во многих случаях тоже может быть связано с коррупцией, остается загадкой. Наличие этих ложных представлений может выстроить в их планах на будущее и такой способ продвижения по карьерной лестнице, как дача кому-то взятки, оказание неких не совсем благовидных услуг и так далее. Следовательно, это есть не что иное, как подготовка будущего коррупционера.

Основными причинами совершения коррупционных деяний в правоохранительных органах, по мнению представителей молодежного возраста, являются:

- малая заработная плата (35,7 %);
- низкий контроль за сотрудниками правоохранительных органов как со стороны руководства, так и государственных структур (10 %);
- плохие условия работы (9 %);
- жажда наживы (8 %);

- отсутствие боязни наказания за деяния коррупционного характера (5,7 %);
- прочие, к которым можно отнести и такие причины, как собственный менталитет, личные интересы начальства, чувство вседозволенности.

Скорее всего, просмотренные молодыми людьми видеосюжеты из сериалов о жизни и работе сотрудников милиции способствовали созданию у них впечатления об их особом положении по сравнению со всеми остальными гражданами, не имеющими «красной корочки». Такие представления могут способствовать в будущем выбору ими службы в правоохранительных органах не из желания помогать гражданам и защищать их, а решать свои проблемы, пользуясь должностным положением. В связи с этим необходимо усилить цензуру в кинопромышленности, чтобы предупредить формирование коррумпированного поведения у молодежи. Кроме того, случаи использования сотрудниками правоохранительных органов своих должностных полномочий должны осуждаться обществом. Примером положительного коррупционера в правоохранительных органах на данный момент может выступать киногерой Сергей Глухарев из сериала «Глухарь». Замечательный следователь, порядочный человек, всем помогает, всех защищает, но и себя не забывает, прикрываясь своим должностным положением и используя его для решения собственных проблем. Облик именно этого «положительного со всех сторон героя» может оказать негативное влияние на понимание молодежью истинной роли сотрудника следственных органов. Безусловно, сюжеты фильма взяты из жизни сотрудников правоохранительных органов и по

своей сути правдивы. Верно показано, что кинегерои берутся за «левую» работу из-за мизерной заработной платы, но все же не нужно популяризировать, тем более в таких масштабах, коррупционную деятельность сотрудников правоохранительных органов.

Чаще всего к сотрудникам правоохранительных органов граждане обращаются с просьбой оказать какую-либо услугу, связанную с их должностным положением, а в последующем оплачивают ее. Нам было интересно узнать мнение представителей молодежного возраста о вариантах обращения и организации процесса оказания этих услуг сотрудниками правоохранительных органов.

Анализ результатов данного опроса показывает, что почти все представители молодежного возраста уверены в коррумпированности таких услуг: 54,2 % опрошенных считают, что в основе таких просьб лежит взятка, 24,4—заявили, что руководители различных подразделений правоохранительных органов, пользуясь своим должностным положением, приказывают своим подчиненным выполнять просьбы подобного рода. Показатель 7,5 % вызывает много вопросов. Казалось бы, вроде просто уговорили оказать помощь, но уговоры чаще всего чем-то подкрепляются, значит, и их можно отнести к разряду коррупционных деяний. Следовательно, у молодежи сформировалось четкое представле-

Таблица 3

Способы получения услуг коррупционного содержания от сотрудников правоохранительных органов, %			
За вознаграждение	С помощью угроз	С помощью уговоров	По устному распоряжению руководства
54,2	13,8	7,5	24,4

ние о том, что если сотрудник правоохранительных органов и согласился принять участие в коррупционных деяниях, то чаще всего главной целью при этом будет нажива и приобретение личных выгод, а второстепенной — распоряжения руководства, угрозы и т. д.

Тем не менее большинство опрошенных лиц молодежного возраста (63,3%) высказываются позитивно относительно возможности искоренения коррупции в правоохранительных органах. Можно предположить, что у молодежи есть идеи о возможных мерах и способах предупреждения распространения коррупции в правоохранительной системе, а значит,

еще не все потеряно, и молодые люди, которые придут работать в милицию, будут делать все возможное, чтобы не принимать участия в коррупционных явлениях. И именно поэтому государство должно поддержать эту категорию лиц молодежного возраста и создать предпосылки для закрепления у них этих представлений. Более того, именно эти молодые люди в будущем могут выступить в роли резерва граждан, желающих принять участие в антикоррупционных мероприятиях, проводимых в рамках деятельности государственных программ.

Однако нельзя не обратить внимания и на показатель 36,7 % опрошенных лиц

молодежного возраста, имеющих отрицательное мнение относительно возможности преодоления коррупции в правоохранительных органах. Они не просто не доверяют исполнительной власти государства, но твердо убеждены в неистребимости коррупции в правоохранительных органах. Если вовремя не принять мер по формированию адекватного восприятия уровня распространения коррупции в правоохранительных органах, можно потерять большой пласт молодежи, доверяющих государству. Для развенчания мифа о коррупции в правоохранительных органах приведем данные материалов ГИАЦ МВД России. Так, на тысячу сотрудников милиции приходится только один преступник, причем статистических данных о виде совершенного им деяния нет, то есть этот один сотрудник-преступник может быть осужденным как за коррупционные деяния, так и за общеуголовные преступления (убийства, превышение служебных полномочий, например избивание подсудимых). Следовательно, говорить о массовой коррумпированности правоохранительных органов нельзя, а убеждение представителей молодежного возраста о наличии в той или иной форме коррупционных явлений в правоохранительных органах (табл. 2) необоснованное и неадекватное.

В качестве наиболее действенных способов устранения коррупции в правоохранительной системе представители молодежного возраста выделяют следующие:

- повышение заработной платы;
- разработка мер по поощрению сотрудников за сообщение о попытке дать взятку;
- совершенствование воспитательной работы.

Менее действенными мерами в процессе предупреждения распространения коррупции в правоохранительных органах, по их мнению, являются:

- усиление контроля за соблюдением выполнения сотрудниками должностных обязанностей;
- усиление карательных мер по отношению к сотрудникам за любые дисциплинарные проступки.

У 55,7 % лиц молодежного возраста вызвал затруднение ответ на вопрос: «Можно ли уменьшить число коррупционных явлений в правоохранительных органах с помощью повышения прозрачности их работы?». Позитивно на этот вопрос отреагировало только 20 %; 24,7—заявили о неэффективности такой меры в решении вопроса распространения коррупции. Данный результат, скорее, указывает не на эффективность этой меры в отношении коррупции, а на непонимание специфики работы правоохранительных органов молодыми людьми и, как следствие, на их незнание или ограниченное знание способов и механизмов работы сотрудников правоохранительных органов.

Слабую информированность в вопросах специфики работы правоохранительных органов подтверждает показатель 20,2 %—именно столько опрошенных затруднились ответить на вопрос относительно влияния повышения престижа правоохранительных органов на снижение уровня коррупции. 47,8 % — высказались о том, что повышение престижа службы в правоохранительных органах окажет существенную помощь в предупреждении и снижении уровня коррупции среди сотрудников. Однако достаточно большой процент лиц молодежного возраста (32 %) заявили, что

этот метод не окажет никакого влияния на процесс искоренения коррупции. По их мнению, для коррупционера важно не столько уважительное отношение соседа, друзей, граждан России к их месту службы, сколько решение вопросов материальной выгоды.

В данной статье мы постарались только на примере изучения мнения лиц молодежного возраста о коррумпируемости правоохранительных органов

показать, какое влияние может оказать их безграмотность или ложное восприятие ими коррупционных явлений как должного на вовлечение их в будущем в коррупционную деятельность. Проблемы, выявленные в области просвещения молодежи по коррупционной тематике, обозначили основные направления работы с этой категорией граждан с целью предупреждения их вовлечения в коррупционную деятельность.

Психолого педагогические проблемы построения новой школы в условиях значимых изменений ребенка и ситуации его развития

Д.И. Фельдштейн

Аннотация: в статье рассматриваются фундаментальные психолого-педагогические проблемы построения новой школы в современной России, анализируются условия значимых изменений ребенка, ситуации его развития.

Ключевые слова: проблема детства, цивилизационный слом, личность ученика, динамика культурных ценностей, психическое развитие, межвозрастной переход, сферы психики, новообразования, резервы психического развития.

Summary: this article discusses the fundamental psychological and pedagogical problems of building a new school in contemporary Russia, analyzes the conditions significant changes in the child, the situation of its development

Keywords: childhood, civilizational scrapping student identity, the dynamics of cultural values, mental development, mezhvoznrastnoy transition, the scope of the

psyche, neoplasms, reserves of mental development.

В своем ноябрьском (2009 г.) послании Федеральному Собранию РФ Дмитрий Анатольевич Медведев, говоря об инициативе «Наша новая школа», в качестве важнейшей выдвинул задачу раскрытия способностей каждого ученика, воспитания его как личности, готовой к жизни в современном мире.

К сожалению, смысл современного нам мира, несмотря на огромное количество работ экономистов, философов, социологов, историков, обозначающих его как глобальное сообщество, ведущих речь о переходе к постцивилизации, неосферной, антропогенной цивилизации, отмечающих наличие цивилизационного слома, до сих пор в полной мере не раскрыт в своей содержательной характеристике.

этот метод не окажет никакого влияния на процесс искоренения коррупции. По их мнению, для коррупционера важно не столько уважительное отношение соседа, друзей, граждан России к их месту службы, сколько решение вопросов материальной выгоды.

В данной статье мы постарались только на примере изучения мнения лиц молодежного возраста о коррумпируванности правоохранительных органов

показать, какое влияние может оказать их безграмотность или ложное восприятие ими коррупционных явлений как должного на вовлечение их в будущем в коррупционную деятельность. Проблемы, выявленные в области просвещения молодежи по коррупционной тематике, обозначили основные направления работы с этой категорией граждан с целью предупреждения их вовлечения в коррупционную деятельность.

Психолого педагогические проблемы построения новой школы в условиях значимых изменений ребенка и ситуации его развития

Д.И. Фельдштейн

Аннотация: в статье рассматриваются фундаментальные психолого-педагогические проблемы построения новой школы в современной России, анализируются условия значимых изменений ребенка, ситуации его развития.

Ключевые слова: проблема детства, цивилизационный слом, личность ученика, динамика культурных ценностей, психическое развитие, межвозрастной переход, сферы психики, новообразования, резервы психического развития.

Summary: this article discusses the fundamental psychological and pedagogical problems of building a new school in contemporary Russia, analyzes the conditions significant changes in the child, the situation of its development

Keywords: childhood, civilizational scrapping student identity, the dynamics of cultural values, mental development, mezhvoznostnoy transition, the scope of the

psyche, neoplasms, reserves of mental development.

В своем ноябрьском (2009 г.) послании Федеральному Собранию РФ Дмитрий Анатольевич Медведев, говоря об инициативе «Наша новая школа», в качестве важнейшей выдвинул задачу раскрытия способностей каждого ученика, воспитания его как личности, готовой к жизни в современном мире.

К сожалению, смысл современного нам мира, несмотря на огромное количество работ экономистов, философов, социологов, историков, обозначающих его как глобальное сообщество, ведущих речь о переходе к постцивилизации, неосферной, антропогенной цивилизации, отмечающих наличие цивилизационного слома, до сих пор в полной мере не раскрыт в своей содержательной характеристике.

Но, что чрезвычайно важно, в принципиально изменившемся мире, безусловно, изменилась и ситуация развития и функционирования *самого человека, а об этих изменениях мы знаем еще меньше.*

При всем многообразии и широте проводимых исследований мы имеем практически только совокупность хотя и значимых, но часто противоречивых данных, наблюдений, представлений, фиксирующих реальные изменения и одновременно сложную ситуацию развития современного человека. Например, с одной стороны, отмечается рост его самосознания, самоопределения, критического мышления, а с другой — прослеживается его неуверенность, напряженность, тревожность.

Возникшая неустойчивость социальной, экономической, идеологической обстановки, дискредитация многих нравственных ориентиров вызывают массовый психологический стресс, который сказывается на общем духовном и физическом здоровье, обуславливая, в частности, пассивность, безразличие людей. Совершенно очевидно, что сегодня стала другой социально-психологическая сфера человека, и это объективно связано с происходящими изменениями культурно-исторической среды, которая, как подчеркивал гений отечественной психологии Л.С. Выготский, выступает, «в смысле развития личности и ее специфических человеческих свойств, не как обстановка, а играет роль *источника* развития».

Следовательно, остро встает проблема осмысления именно современной среды, в которой находится человек, понимания того, в каком мире, каком пространстве и в каком обществе он

живет и какие требования объективно предъявляет к нему новая ситуация его развития, формулирует и предъявляет общество.

В этом контексте вспоминается высказывание американского психолога Абрахама Маслоу: «Каждый век, кроме нашего, имел свой идеал... святой, герой, джентльмен, рыцарь, мистик. А то, что предложили мы, — хорошо приспособленный человек без проблем — это очень бледная и сомнительная замена».

Тем более сомнительна она в ситуации развития современного общества, существенных сдвигов в межличностных, межгрупповых отношениях людей — в семье, на работе, к работе. Нам важно раскрыть характер изменений ментальности, ценностных ориентаций, знаковых изменений в когнитивной и эмоционально-личностной сферах людей, сопровождающихся, в частности, присвоением чуждых нашей культуре образцов поведения, актуализацией потребительства, ростом равнодушия в отношениях и, что очень тревожно, объективно и субъективно нарастающей психологической отчужденности взрослых от мира детства, порождающей опасность деструктивования всей системы культурно-исторического наследования.

Если еще два-три десятилетия назад ребенок развивался в основном в условиях малого или определенного конкретного социума — семьи, класса, ближайшего окружения, дворовых компаний, пионерской, комсомольской организаций, но всегда с четкой привязанностью к конкретному взрослому, то сегодня он поставлен в принципиально новую ситуацию — разорванных связей, когда уже с дошкольного, младшего школьного возраста находится в огромном развер-

нотом социальном пространстве, где на его сознание буквально давит хаотичный поток информации, идущей из телевизора, Интернета, перекрывая знания, получаемые от родителей, воспитателей, учителей, и открывая бесконечное поле для разного рода форм отношений, связей, действий. Эта информация, не имеющая структурно-содержательной логической связи, подаваемая не системно, а бисерно, ломано вписывается в жизнь ребенка, процесс его развития.

Конкретные данные, полученные учеными (я опираюсь на материалы исследований, проведенных в Психологическом институте РАО, Московском психолого-педагогическом университете, на факультете психологии МГУ имени Ломоносова, Институте психологии РАН, Гуманитарно-художественном институте Нижегородского архитектурно-строительного университета), показывают, что степень реальных изменений исторической ситуации объективно обусловила качественные психические, психофизиологические, личностные изменения современного ребенка.

В числе многих факторов, определяющих эти изменения, можно назвать, во-первых, *маркетингизацию*, *этику рынка*, усиливающую ориентацию детей на потребление, а также *адопцию*, отрывающую ребенка от культурных традиций общества и его истории; во-вторых, *маргинализацию*, то есть неравный доступ к образовательным ресурсам в мегаполисе и провинции, рост девиаций, стремление родителей ограничивать активность и самостоятельность ребенка. Под действием этих и других факторов мы получаем такие феномены, как *медиализация*, выражающаяся в том, что детям ставят диагнозы, которые рань-

ше ставили взрослым, при использовании антидепрессантов для агрессивных детей; повышенный уровень тревожности и страхов ребят, а в ряде случаев — повышенная агрессивность под действием фактора милитаризации и развития компьютерных игр, снижающих контроль детей за собственным поведением и формирующих зависимость. В сфере развития отношений детей отмечается и такой феномен, как *мобилизация*, заключающаяся в том, что подростки, предъявляющие свой взгляд на мир, свой голос, позиционируют себя по отношению к миру детей и миру взрослых, создавая разнообразные неформальные объединения, удовлетворяющие их потребность в самовыражении, эпатаже, вызове и демонстрации своего отношения к миру. К сожалению, многие из этих детских сообществ принимают контркультурную, асоциальную и антисоциальную направленность. Я говорю не только о сатанистах, панках, металлистах, основные ценности которых сводятся к хаосу, анархии, вандализму, допингу, что чаще всего и приводит их в преступную среду, но и о наиболее актуальном сегодня в России движении «ЭМО» («эмо-киды»), охватывающем детей с 15-летнего и более раннего возраста. Им свойственны капризность, «выученная» беспомощность, кардинальная смена настроений, рафинированный инфантилизм.

Следует признать, что в целом мы все еще плохо знаем социальную ситуацию функционирования и новые характеристики процесса развития современного ребенка. Необходимость глубокого изучения данной проблемы диктуется и тем, что существует неблагоприятный прогноз дальнейших изменений в

сфере общего психического развития и формирования личности ребенка, который подкрепляется ослаблением многих факторов, обладающих потенциалом противодействия нарастающим негативным влияниям. В их числе низкий уровень развития родительской мотивации, слабое владение навыками общения с детьми, плохая организация бытовой стороны жизни ребенка, его режима. При этом значительное число родителей множественные неудачи в семейной, профессиональной и иной сферах, серьезные профессиональные и личностные проблемы переносят на ребенка, который находится в атмосфере переживания трудностей, несостоятельности, неуспеха, беспомощности и безнадежности. Возникает своего рода *наследование опыта семейных неудач и родительской неэффективности*.

Когда малыш с детства лишен ощущения успеха, это резко подрывает его уверенность в себе. В итоге сегодня дети, в том числе и подросткового возраста, которым свойственна ориентация на взрослость, *не хотят взрослеть*, так как у них формируется подспудное недоверие к окружающему миру, особенно ко взрослым.

Перед нами ребенок 2010 года — младенец, дошкольник, младший школьник, подросток, старшеклассник, который при сохранении сущностных оснований и действенных механизмов сознания, мышления, разительно отличается не только от того «Дитя», которого описывали Коменский и Песталоцци, Ушинский и Пирогов, Заззо и Пиаже, Корчак и другие великие «детоводители» прошлого, но и от ребенка 90-х годов двадцатого века. При этом он стал не хуже или лучше своего сверстника

двадцатилетней давности, он просто стал другим!

Налицо закономерный процесс, на характер которого указывал еще Даниил Борисович Эльконин. Детство, писал он, «не только удлиняется, но и качественно изменяет как структуру, так и особенность всех своих стадий... стадии, находящиеся «внизу», в каждую новую историческую эпоху существенно преобразуют свои психологические черты, роль в процессе целостного... развития детей... Дело не в том, — замечал этот мудрец, — что в процессе исторического развития детства к нему прибавляется еще один временной отрезок, а в том, что и бывшие ранее отрезки качественно изменяются».

В современной ситуации исторически значимых изменений общества четко проявляются реальные изменения современного ребенка.

Во-первых, в минимально короткий пятилетний период (с 2005 по 2009 год) резко снизилось *когнитивное развитие* детей дошкольного возраста. Например, если в 2006-2007 гг. линейное визуальное мышление у дошкольников было развито как «среднее», то в 2009—уже как «крайне слабое»; структурное визуальное мышление в 2006-2007 гг. было развито как «хорошее», а в 2009—уже как «среднее». Остальные компоненты когнитивного развития проявляют такую же тенденцию: так, развитие дивергентного мышления (креативности) снизилось с «хорошего» до «слабого».

Во-вторых, уменьшилась энергичность детей, их желание активно действовать. При этом возрос эмоциональный дискомфорт.

В-третьих, отмечается сужение уровня развития сюжетно-ролевой игры до-

школьников, что приводит к недоразвитию мотивационно-потребностной сферы ребенка, а также его воли и произвольности.

В-четвертых, обследование познавательной сферы старших дошкольников выявило крайне низкие показатели в тех действиях детей, которые требуют внутреннего удержания правила и оперирования в плане образов. Если в 70-х годах XX в. такие действия признавали возрастной нормой, то сегодня с ними справляется не более 10 % детей. Четко фиксируется неразвитость внутреннего плана действия и сниженный уровень детской *любопытности* и *воображения*. Детям оказывается недоступным то, с чем легко справлялись их ровесники три десятилетия назад.

В-пятых, обращает на себя внимание неразвитость тонкой моторики руки старших дошкольников, отсутствие графических навыков, что свидетельствует не только об отсутствии графических двигательных умений, но и о несформированности определенных мозговых структур ребенка, ответственных за формирование общей произвольности. *Дефицит произвольности* — как в умственной, так и в двигательной сфере дошкольника является одним из наиболее тревожных факторов, достоверно установленных учеными нашей академии.

В-шестых, отмечается недостаточная социальная компетентность 25 % детей младшего школьного возраста, их беспомощность в отношениях со сверстниками, неспособность разрешать простейшие конфликты. При этом прослеживается опасная тенденция, — более 30 % самостоятельных решений, предложенных детьми, имеют явно агрессивный характер.

В-седьмых, тревогу вызывают факты и факторы, связанные с приобщением детей к телеэкрану, начиная с младенческого возраста. Так, по данным американских ученых, к началу школьного возраста время просмотра достигает 10-12 тыс. часов, а по данным Института социологии РАН, более 60 % родителей проводят досуг с ребенком перед телевизором, каждый десятый ребенок-дошкольник ВСЕ свободное время отдает просмотру телепередач. В результате возникает особая потребность в экранной стимуляции, которая блокирует собственную деятельность ребенка.

Экранная зависимость приводит ребенка к неспособности концентрироваться на каком-либо занятии, отсутствию интересов, гиперактивности, повышенной рассеянности. Таким детям необходима постоянная внешняя стимуляция, которую они привыкли получать с экрана, им трудно воспринимать слышимую речь и читать: понимая отдельные слова и короткие предложения, они не могут связывать их, в результате не понимают текста в целом. Дети теряют способность и желание чем-то занять себя, им неинтересно общаться друг с другом. Они предпочитают нажать кнопку и ждать новых готовых развлечений.

В-восьмых, неблагоприятной тенденцией выступает обеднение и ограничение общения детей, в том числе подросткового возраста, со сверстниками, рост явлений одиночества, отвержения, низкий уровень коммуникативной компетентности. Материалы наших исследований показывают, что если в начале 90-х годов многие подростки отличались чувством одиночества, но при этом их тревожность стояла на 4-5-м месте

по силе проявления, то в 2009 г. вероятность у 12-15-летних детей вышла на 2-е место, усугубляясь чувством брошенности, ненужности взрослому миру, опустошенности, растерянности, неприятия в себя.

В-девятых, все больше становится детей с эмоциональными проблемами, находящихся в состоянии аффективной напряженности из-за постоянного чувства незащищенности, отсутствия опоры в близком окружении и потому беспомощности. Такие дети ранимы, повышено сензитивны к предполагаемой обиде, обостренно реагируют на отношение к ним окружающих. Все это, а также то, что они запоминают преимущественно негативные события, ведет к накоплению отрицательного эмоционального опыта, объем которого постоянно растет по закону «замкнутого психологического круга» и находит свое выражение в относительно устойчивом переживании тревожности. Причем на всех этапах онтогенеза возникновение и закрепление тревожности как устойчивого образования связано с неудовлетворением ведущих потребностей возраста.

В-десятых, несмотря на продолжающееся морфофункциональное созревание нейронного аппарата коры головного мозга в связи с нейроэндокринными сдвигами полового созревания, у детей подросткового возраста происходят регрессивные изменения в мозговом обеспечении познавательной деятельности, а обусловленная гормональным процессом повышенная активность подкорковых структур приводит к ухудшению механизмов произвольного регулирования. Ухудшаются возможности избирательного внимания, снижается возможность избирательной

оценки значимости информации, уменьшается объем рабочей памяти. Образуется несоответствие механизмов мозгового обеспечения когнитивных процессов и самосознания подростком своей взрослости и независимости.

В-одиннадцатых, наблюдения в динамике за физическим развитием детей выявили тенденцию к прогрессивному снижению темпов их продольного роста, нарастанию астенизации телосложения, отставанию в приросте мышечной силы.

В-двенадцатых, в популяции современных растущих людей большую группу составляют дети, для которых характерно неблагоприятное, проблемное течение психического развития в онтогенезе. При этом наблюдается распространность основных форм психических заболеваний детей, которая каждые десять лет возрастает на 10-15 %. Именно нервно-психические заболевания являются причиной 70 % инвалидности с детства, а приблизительно у 20 % детей наблюдаются минимальные мозговые дисфункции.

Резко возрастает, а в некоторых регионах даже начинает количественно преобладать такая категория детей, которую по нейропсихологическим показателям следует считать пограничной между нормой и патологией. Психологические проблемы наблюдаются здесь на уровне собственно клинических форм нарушений, пограничных состояний, субнормативных вариантов развития.

В-тринадцатых, имеется значительное число детей с ограниченными возможностями здоровья, у 22,5 % которых отмечается общее психическое недоразвитие (олигофрения); а у 26,5 % — дисгармоническое развитие (психопатии).

В-четырнадцатых, в то же время все увеличивающуюся категорию (слава Всевышнему) составляют одаренные дети, среди них и дети с особо развитым мышлением, и дети, способные влиять на других людей,—лидеры, и дети—«золотые руки», и дети, представляющие мир в образах,—художественно одаренные, и дети, обладающие двигательным талантом.

В-пятнадцатых, знаменательно, что на первый план у современных детей подросткового возраста выходят не развлечения, а особый поиск смысла жизни, возрастает их критичность по отношению ко взрослым, то есть в их социальном развитии фиксируются новые характеристики. При этом наблюдаемый сейчас всплеск индивидуализма подростков, вернее, их ярко выраженное стремление к индивидуализации, созданию и утверждению своего уникального «Я», сам по себе совершенно не входит в противоречие с их развитием как социально ориентированных субъектов.

В-шестнадцатых, отмечаются серьезные изменения ценностных ориентаций детей, подростков, юношества не только по сравнению с серединой 90-х годов, но и началом нового столетия. Так, начиная с 2007 г. на первый план выдвигаются *интеллектуальные* (1-е место), *волевые* (2-е место) и *соматические* (3-е место) ценностные ориентации. Образованность в их понимании, настойчивость, решительность, ориентация на высокий уровень достижения, а также хорошее здоровье, презентабельная внешность становятся особенно значимыми качествами для детей. Но при этом весьма тревожит то, что эмоциональные и нравственные ценности — чуткость, терпимость, умение сопереживать за-

нимают последние места в этой иерархии. Наблюдается негативная динамика культурных и общественных ценностных ориентаций школьников.

Вместе с тем изменения современного ребенка связаны не только с социокультурными процессами, преобразовавшими общество, но и с интенсивным эволюционным саморазвитием современного человека, проявляющемся в морфологических изменениях, так называемых «секулярных трендах» — астенизации, деселерации, тенденции к леворукости, ювенилизации, грацилизации, андрогонии, которые сопровождаются целым комплексом психологических признаков, (большими креативными способностями детей, меньшей степенью экстравертированности, большей самодостаточностью, независимостью мышления). Дело не только в том, что нынешнее поколение растущих людей значительно опережает в своем развитии все предшествующие, обладая многими новыми возможностями. Причем речь идет не о необычной когорте детей-мессий или так называемых детях-индиго, у которых наблюдаются уникальные феномены и таланты, а о всей популяции современных детей, глубинных изменениях их восприятия, внимания, памяти, сознания, мышления, характера их ориентации и прочих характеристик.

Буквально на наших глазах произошел сдвиг возрастных границ детства, связанный с процессом ретардации.

Педагоги не могут игнорировать тот факт, что нынешние дети позднее проходят через два ростовых скачка или два кризисных периода развития. Так, первый скачок, называемый *предростковым спуртом*, в наши дни, судя по имею-

щимся сейчас данным, приходится не на старший дошкольный возраст (шесть — шесть с половиной лет), как тридцать лет назад, а на семь-восемь лет, то есть на младший школьный возраст. Отсюда следует, что в первом и, возможно даже, во втором классах школы учебный материал необходимо подавать ученикам в игровой форме. В то же самое время у ретардированных детей существенно выше интеллект, а его не востребованность приводит не только к задержке общего интеллектуального развития, но и к *интеллектуальной депривации*, или умственному голоду—состоянию, которое, в свою очередь, ведет к склонности к делинквентному поведению, наркомании, увлечению компьютерными играми и другим патологическим зависимостям.

Второй скачок, называемый *пубертатным спуртом*, связанный с процессом полового созревания, также отодвинулся с пятого-шестого на восьмой-девятый класс для девочек и девятый-десятый для мальчиков.

В числе многих, разных по характеру, степени действия и воздействия причин, которые требуют от нас не просто понимания, но и объяснения, — повышение интеллекта у всей популяции современных детей. Сравнительные исследования убеждают в том, что каждые пять лет «IQ» ребенка увеличивается примерно на один балл, свидетельствуя о необычайно быстрых темпах психологической эволюции. Это не значит, конечно, что при наличии эволюции интеллекта, а также морфологических и психологических признаков человека не имеется наряду с продвинутыми филогенетически индивидами эволюционно менее продвинутых или отстающих в темпах эволюции растущих людей.

И все же, по имеющимся данным, от 50 до 55 % детей старшего дошкольного и младшего школьного возраста в больших городах России имеют сегодня IQ 115 баллов и выше, что, кстати, вызывает опасность переноса акцента на интеллектуальное развитие ребенка в ущерб социальному, в том числе личностному, развитию.

В числе важнейших причинных факторов, оказывающих огромное воздействие на физическое, психическое, в том числе интеллектуальное и эмоциональное, развитие растущего человека, выступает интенсивный натиск информационных потоков, прежде всего телевидения и Интернета. Современный человек сотворил этот инструмент, открывший границы нового социокультурного пространства, но он должен научиться пользоваться им во благо, разумеется, при активном участии психолого-педагогической науки, ибо отрицательное действие массмедиа мы уже ощущаем. Оно выражается в *социальной аномии*, то есть разрушении одной ценностно-нормативной системы при несформированности другой, а также культурной депривации, то есть ограничении, лишении доступа к духовным ресурсам и возможностям, необходимым для удовлетворения основных жизненных потребностей детей, полноценного формирования личности, источники развития которой находятся в области культурного опыта человечества. При этом на первый план перед педагогами и психологами выходит проблема поиска путей, возможностей использования Интернета и телевидения, формирования культуры отношения к ним, ибо они представляют собой новое культурное пространство со своим особым языком, особым содержа-

нием, которое невозможно проконтролировать, со своими способами научения, внушения, предпочтения.

Не менее важным представляется изучение и телевизионного пространства детей, а главное — психолого-педагогических способов, форм его использования в процессе образования.

Наша с вами задача не в том, чтобы клеймить шоуменов, продюсеров, телевидение в целом, а в том, чтобы выявить пути, возможности построения системы взаимодействия с этим мощным средством. Понятно, что современный ребенок немислим без виртуальной плоскости экрана — телевизионного, видео, компьютерного, сотового телефона и Интернета. Экран, внедряясь в детское сознание посредством оптических эффектов и образов, не просто конструирует новые ценности и потребности, но и трансформирует их.

В мире актуальной, быстро меняющейся, общедоступной информации взрослые перестали быть авторитетными проводниками детей по лабиринту знаний. По мере того как электронные медиа размывают границу между ними, любопытство сменяется цинизмом или самонадеянной заносчивостью. Дети начинают ориентироваться не на авторитет взрослых, а на информацию, поступающую вроде бы «ниоткуда».

Возникает проблема изучения не только содержания программ, особенностей их усвоения детьми, но и воздействия скоростей, ритмов телевидения на психическое и психофизиологическое развитие ребенка.

Одним словом, мы имеем реальные изменения Детства. Однако нам, педагогам и психологам-исследователям, важно не только констатировать, фиксиро-

вать эти изменения, но и выявлять их причины, объем, характер, имеющиеся противоречия, ведя поиск корней не просто в объективной обусловленности, но и в саморазвитии детей в процессе онтогенеза, раскрывая сущностные особенности онтогенеза в современном мире.

Перед учеными нашей академии, перед всем педагогическим научным сообществом остро встает вопрос о состоянии современного детства и перспективах его развития. Важно понять, как оно изменилось в своих системных характеристиках, установив особенности его возрастных этапов и межвозрастных переходов.

Мы, именно мы обязаны выявить, что меняется в ребенке под действием социокультурных изменений, а что остается инвариантным в норме его развития. Уже имеющиеся данные фиксируют неравномерность изученности, противоречия в полученных характеристиках. Это требует углубления методологических подходов, расширения и углубления психолого-педагогических, психофизиологических, нейропсихологических, в том числе сравнительных, исследований, уточняющих, в частности, *новообразования* в различных сферах психики (когнитивных, мотивационных, эмоциональных).

Чрезвычайно важно тщательно проанализировать изменения в развитии сознания, самосознания детей, раскрыв особенности восприятия, памяти, мышления современного ребенка, выявив характер и последствия изменяющейся работы мозга. Необходимо проследить, уловить тенденции, направленность происходящих изменений в развитии ребенка. В этом плане первоочередной выступает задача разработки и апробации методов диагностики — психоло-

гических, педагогических. Нельзя далее пользоваться методами, созданными 50-80 лет назад, тем более в другой социокультурной ситуации. Исследования, направленные на построение новых инструментов диагностики, должны стать приоритетными.

От нас ждут определения перспектив развития ребенка в современном обществе; установления приоритетов в его развитии на разных этапах онтогенеза, что напрямую связано с выявлением психологических и педагогических оснований организации современной школы.

Известно, что роль школы в создавшихся условиях, как никогда ранее, не просто возрастает, но и меняется, должна измениться, определяя в том числе ответственность нашей науки, которая обязана вести поиск во всех системно образующих ее компонентах, при определении целей, задач, принципов организации, типов подачи знаний, ориентируясь не только на объем, но и на раскрытие умения, способов приобретения знаний, развития способности детей мыслить. Еще Фридрих Ницше замечал, что «школа не имеет более важной задачи, как обучить строгому мышлению, осторожности в суждениях и последовательности в умозаключениях».

И сегодня, когда не просто расширилось, а качественно изменилось знаниевое пространство, по-прежнему непреложной остается та истина, что только целостная, стоящая на фундаменте культуры и науки *система знаний*, дает личности свободу мысли, превращает «человека толпы» в личность.

Научные работники институтов академии, преподаватели вузов, соискате-

ли ученых психолого-педагогических степеней должны сейчас четко ориентировать свои исследования на выявление путей реализации новых возможностей детей, определение особенностей овладения ими мыслительными операциями, действиями, раскрытие резервов и возможностей перестройки учебного процесса, моделирования в нем творческих ситуаций, не заклинаясь только на классно-уровневой системе, ведя поиск новых индивидуальных и коллективных форм обучения, мобилизующих возможности, ставящих ребенка в ответственную позицию, определяя пути развития в *каждом* растущем человеке и логического, и понятийного мышления, способности воспринимать мир во всех его проявлениях, стимулируя сотворчество педагогов и учащихся.

Особого внимания требует сегодня разработка научных—психологических, психофизиологических, психолого-дидактических основ построения учебников и учебных книг качественно нового поколения, установления их взаимосвязи с новейшими информационными технологиями, включая Интернет.

Важно определить возможности сочетания существующего информационного прессинга и организованной системы образования детей, ведя поиск психологических, методических оснований организации процесса обучения в современных условиях, требующих раскрытия путей, механизмов выработки у детей, подростков, юношества избирательного отношения к информации, умения ее ранжировать в процессе самостоятельного усвоения знаний.

На первый план сейчас выходит необходимость проведения фундамен-

тальных исследований не только когнитивного, социального, но и духовного развития детей, имеющих целью раскрытие внутреннего мира растущего человека, его переживаний, стремлений, сомнений, общих и специальных, в том числе творческих способностей, специфики заданного формирования системы духовных потребностей, нравственных установок. При этом нам важно самим четко определиться — к чему мы стремимся готовить ребенка — к конкуренции, власти, деньгам? Или к осознанию ответственности за себя и других людей, за безопасность жизни на Земле, стимулируя совершение поступков, достойных человека? Ученым советам вузов и НИИ необходимо определить приоритетные направления междисциплинарных исследований, включив в совместную работу педагогов и психологов, возрастных физиологов и социологов, психогенетиков и антропологов, этнографов и экологов, демографов и экономистов.

Преподаватели и аспиранты, докторанты, соискатели кафедр и сотрудники лабораторий должны быть ориентированы на изучение:

- во-первых, общих закономерностей познавательных процессов растущего человека на всех этапах детства;
- во-вторых, на выявление сензитивных возможностей психического развития в каждом возрастном периоде;
- в-третьих, на установление предельных возрастных возможностей в усвоении знаний, формировании навыков, умений; в-четвертых, на выявление педагогических, методических принципов подачи знаний, выработке у детей личного отношения к ним; в-пятых, на определение условий развития творческих способностей, то есть потенциаль-

ных возможностей растущего человека, что позволит обоснованно решить проблемы инновационного образования, нацеленного на повышение, углубление культуры каждого ребенка; в-шестых, на выявление резервов психического развития современных детей, путей их накопления, в том числе возможностей ускорения психического развития путем введения изучения компьютерной техники и информатики в учебно-воспитательный процесс школы; в-седьмых, на выяснение условий, способствующих формированию социальной зрелости и ответственности; в-восьмых, на определение психологических факторов, влияющих на формирование убеждений и социальных ценностей у подростков и юношей; в-девятых, на установление психологических условий их социализации и самоидентификации в целях преодоления негативных явлений, наблюдающихся у части молодежи.

В коротком материале я смог коснуться лишь небольшого числа актуальных проблем, решение которых невозможно без активизации наших общих усилий.

К сожалению, многие современные педагогические и психологические исследования, в том числе диссертационные, выполняются не на основе глубокого проникновения в сущность явления, не путем тонких и длительных экспериментов, кропотливой пролонгированной работы. Простите за высокий «штиль», но если не мы, то кто выправит создавшееся положение? Это не просто наша с вами задача—это наша ответственность.

Формирование правовых ценностей курсантов как педагогическая проблема образовательных учреждений ФСИН России

А.М. Киселев

Аннотация: статья раскрывает необходимость решения проблемы формирования правовых ценностей у курсантов образовательных учреждений ФСИН России. Автор описывает расхождения в системе ценностей молодежи советского времени и современных молодых людей, рассматривает правовое воспитание как многогранный и сложный процесс, включающий в себя систему общих и специальных мероприятий.

Ключевые слова: ценностная ориентация личности, ценностное самоопределение, формирование правовых ценностей, правовое воспитание.

Summary: this article reveals the need to solve the problem of formation of legal values among students of educational institutions FSIN of Russia. The author describes differences in the value system of youth Soviet times and today's young people, examines legal education as a multifaceted and complex process, comprising a system of general and special events.

Keywords: value orientation of personality, values self-determination, the formation of legal values, legal education.

Под функционированием ценностей понимается их воздействие на человеческую деятельность, человеческое поведение, общественную жизнь, развитие культуры. Это воздействие осуществляется и проявляется по-разному, в зависимости, с одной стороны, от характера того или иного вида ценности —

религиозной или эстетической, политической или нравственной, с другой — от особенностей аксиологического субъекта — индивидуального или совокупного, той или иной социальной группы или человечества в целом, наконец, от того, функционирует ли ценность внутри духовного мира субъекта, влияя на его целостное сознание, деятельность и поведение, или же, будучи воплощенной тем или иным образом, она сталкивается с ценностями других субъектов и получает возможность оказывать влияние на их сознание, поведение, изменение ценностных ориентаций.

Поскольку ценностное отношение является одним из видов духовной деятельности, взаимосвязанным со всеми другими, и выполняет определенные функции в культуре и общественной жизни, постольку целостное его понимание предполагает соотнесение двух аспектов его изучения — внутреннего и внешнего.

Рассматривая внутреннюю составляющую как некую системную целостность, имеет смысл говорить о содержании и форме ценностного отношения: его содержание — мировоззренчески-смысловое, детерминированное общим социокультурным контекстом, в котором рождается и «работает» конкретное ценностное значение, а его форма — психологический процесс, в котором ценность охватывается сознанием.

В основе ценностных ориентаций личности лежит определенная система

ценностей, сформировавшаяся в ходе знакомства человека с окружающей его действительностью. С этой точки зрения воспитание и формирование у курсантов вузов ФСИН России личностных качеств означает, что усвоение необходимого социального опыта есть осознание и принятие курсантом системы существующих как в обществе в целом, так и в пенитенциарной системе в частности ценностей.

Трудно определить меру сложности той ситуации, с которой на рубеже тысячелетий столкнулось наше российское общество: оно достигло неизвестной собственному прошлому степени личностного разнообразия и одновременно сознания необходимости объединения, материального и духовного, на исторической почве, то есть на патриотическом отношении к прошлому и одновременно на критическом отношении к нему, на социальном чувстве. Отказ от Комплекса строителя коммунизма и социалистических ценностей привел к тому, что стремления к богатству, успешности, социальному престижу оказались вне ценностной ориентации молодежи, поэтому приобрели нередко уродливую, асоциальную форму выражения.

К сожалению, органы власти, образующие некое подобие системы организации молодежной политики, работают далеко не всегда эффективно. Можно выделить следующие причины деградации ценностного самоопределения постсоветской молодежи и падения уровня гражданско-патриотических настроений в молодежной среде: отсутствие проведения последовательной государственной политики в области социального, культурного, духовного и физического развития молодежи; от-

сутствие межведомственной программы военно-патриотического воспитания молодежи, скоординированной с учебными планами вузов и колледжей и с мероприятиями местных властей; отсутствие научно обоснованных целей и содержания воспитательной деятельности в молодежной среде; слабая поддержка со стороны структур местного и федерального уровня проводимой в учебных заведениях воспитательной гражданско-патриотической работы.

Молодежь принимает хаос, образовавшийся в духовной сфере, как свободу, как противовес советскому идеологическому давлению, когда были сформированы особый стиль жизни—советский, особый тип культуры—советский, особое, подвижническое отношение к тяготам и лишениям жизни, особый, героический тип поведения, особый образ мышления и особая мораль. Советское общество было особым, замкнутым миром жизни. И вдруг этот мир разомкнулся, разрушив одну систему ценностей и хаотично образовав другую.

Из таблицы 1 видно,каковы расхождения в системе ценностей молодежи советского времени и современных молодых людей.

Положительные качества молодого человека тоже переосмыслились (табл. 2).

Исходя из диаметрально противоположных значений, представленных в таблицах, следует, на наш взгляд, отметить необходимость научного подхода к организации педагогической работы в образовательных учреждениях ФСИН России по формированию правовых ценностей, учитывая при этом рекомендации ведущих педагогов и психологов. Именно от уровня формирующихся в молодеж-

Таблица 1

Соотношение советских и постсоветских ценностей	
Советские ценности	Постсоветские ценности
Коллективность выше индивидуальности	Индивидуальность выше коллективности
Общественное выше личного	Личное выше общественного
Классовое выше общечеловеческого	Общечеловеческое выше классового
Богатый человек—это человек, заведомо достойный подозрения и презрения	Богатый человек—это человек, достойный уважения, человек престижный
Много зарабатывать—предосудительно	Много зарабатывать—достойно уважения
Предприимчивость—это порок	Предприимчивость — это положительное качество
Торговать—значит спекулировать, торговать—это позорно	Торговать—значит делать бизнес, торговать—это престижно

Таблица 2

Соотношение положительных качеств человека советской и постсоветской эпох	
Положительные качества советского молодого человека	Положительные качества постсоветского молодого человека
Беззаветная вера в идеалы коммунизма	Полное и абсолютное отрицание идеалов коммунизма
Беззаветная преданность делу КПСС	Аполитичность вообще и неприятие коммунистов в частности
Безусловная готовность подчинить личные интересы общественным, коллективным. Уверенность в том, что меньшинство должно подчиниться большинству	Стремление отстаивать личные интересы перед коллективными, утверждать ценность личной, частной жизни. Уверенность в том, что большинство должно подчиниться меньшинству

ной среде ценностей зависит будущее общества.

Применительно к персоналу пенитенциарной системы полагаем, что основным объектом педагогического воздействия в данном направлении должна стать курсантская среда высших учебных заведений ФСИН России, так как от сформированности правовых ценностей у будущих специалистов уголовно-исполнительной системы будет зависеть и успех начавшегося реформирования самой системы.

В правовом воспитании курсантов должна существовать определенная последовательность целей. Их четкое определение имеет важное значение для выявления критериев эффективности такого воспитания и восприятия его как целенаправленного процесса. Правовое воспитание—многогранный и сложный процесс, включающий в себя целую систему общих и специальных мероприятий.

Наиболее общая цель правового воспитания как составной части учебно-воспитательного процесса в вузах

ФСИН России — способствовать общественно-политическому и культурному росту будущих специалистов УИС, утверждению в их сознании высокоуманных нравственных принципов, воплощенных в праве.

Кроме того, правовое воспитание имеет специфические цели, одна из них — повышение уровня юридической осведомленности курсантов.

Однако правовая осведомленность сама по себе не решает проблемы правового воспитания. Приобретаемые правовые знания иногда рассматриваются лишь как полезные сведения о тех или иных фактах и не оказывают влияния на поведение. Таким образом, наличие в цепи, заключающей в себе основные структурные элементы правового воспитания (знание права — формирование убежденного отношения к праву, выработка готовности действовать в соответствии с правовыми требованиями — правомерное и социально активное поведение личности), первого звена еще не обеспечивает общего успеха правовоспитательных мероприятий.

Тем не менее передача правовой информации и усвоение курсантами определенного количества правовых знаний дают возможность подойти к решению более сложной задачи — к организации направленного усвоения обучаемыми полученных знаний, правильного оценочного отношения к правовым явлениям, с тем чтобы правовая осведомленность перерастала в убеждения человека, ставившая ориентиром его поведения, вела к правомерным действиям в будущей деятельности в практических органах и подразделениях УИС.

Формирование адекватного оценочного отношения к праву и правовым яв-

лениям, то есть достижение следующей, промежуточной цели правового воспитания, возможно лишь при условии не только познавательного, но и эмоционального восприятия правовых знаний, понятий и целей, что находит отражение в выработке курсантом собственной оценки правовых требований. Таким способом складывается правовая готовность личности к их выполнению.

Однако усвоение правовых норм и даже формирование убежденности в том, что эти нормы нельзя нарушать, не всегда означают глубокую осознанную убежденность в их истинности и справедливости. Внешне одинаковое поведение может быть следствием различных психологических мотивов. Человек может соблюдать правовые нормы прежде всего благодаря глубокой убежденности в их правильности. Но иногда внешне вполне правомерное поведение обуславливается, например, страхом личности перед наказанием или внутренними корыстными интересами, противоречащими действительным целям права. Такой человек совершит неправомерный поступок, как только будет уверен в недоказуемости своей вины или в безнаказанности, даваемой, скажем, служебным положением или должностью.

В целях правового воспитания для правового государства наиболее приемлемым результатом педагогического воздействия на личность будет формирование такого поведения, в котором интересы личности находятся в единстве с интересами общественными, а достижение внутренней согласованности с велением закона сочетается с социальной активностью, что, в свою очередь, приводит не только к эффективному соблюдению установленных правом обязан-

ностей, но и к полному осуществлению личностью своих юридических прав.

Формирование у курсантов высоко-развитого чувства социальной справедливости, основанного на сформировавшемся развитом правосознании, — это цель, к которой должен стремиться педагог образовательного учреждения ФСИН России, тем более что правовое воспитание с наибольшим коэффициентом полезного действия может осуществляться именно в среде учебного заведения юридического профиля, так как здесь дается максимальное количество правовых знаний. В связи с этим логично ставить вопрос не просто о правовых ценностных ориентациях, но о формировании системы правовых ценностей в курсантской среде вуза.

Действенность правового воспитания во многом опирается на тесную взаимосвязь педагогов-практиков и ученых-юристов. Такая взаимосвязь характерна для вузов ФСИН России, и это обстоятельство дает право надеяться на положительные итоги в работе по становлению правомерного поведения обучаемых, выработке у них социально-правовой активности и, в целом, по достижению целей формирования правовых ценностей у будущих специалистов пенитенциарной системы.

Учитывая все изложенное, необходимо остановиться и на некоторых педагогических аспектах личностного самоопределения курсантов вузов ФСИН России в современных условиях обучения.

Суть процесса личностного самоопределения курсантов вузов ФСИН России основывается на нескольких компонентах, в том числе на выявлении и утверждении индивидуальной позиции в проблемных ситуациях, требующих от сотрудника пенитенциарной системы

совершить выбор, соответственно принять экзистенциальное или прагматическое решение. Одним из основных условий самоопределения, готовности к жизненному выбору выступает, по мнению выпускников, способность самостоятельно вырабатывать моральные принципы и руководствоваться ими как в практической деятельности, так и повседневном поведении.

Любая профессиональная деятельность предъявляет к человеку определенные требования и накладывает своеобразный отпечаток на его личность и весь образ жизни. Для того чтобы определить, какими личностными качествами, обуславливающими эффективность будущей профессиональной деятельности, должен обладать курсант вуза ФСИН России, выпускники психологического факультета Академии права и управления ФСИН России особое внимание обращают на следующие личностные особенности деятельности сотрудника УИС.

1. Правовая регламентация деятельности — одна из наиболее специфических особенностей профессиональной деятельности личного состава правоохранительных органов, которая строго регламентирована правовыми нормами (законодательными актами, нормативными документами и т. п.). Эта особенность отличает работу сотрудника УИС от других многочисленных отраслей человеческой деятельности. Правовая регламентация подчиняет ее порядку, строго установленному нормами закона. Неисполнение или ненадлежащее исполнение сотрудником уголовно-исполнительной системы своих служебных обязанностей всегда является нарушением того или иного закона (нор-

мативного акта). Все это в конечном итоге порождает повышенную ответственность человека за свои решения и действия.

Эта повышенная ответственность личности будет иметь прочный психологический фундамент, если в числе индивидуально-психологических особенностей личности курсанта образовательного учреждения ФСИН России будет присутствовать, по мнению выпускников, эмпатийность (способность к сопереживанию), имеющая корреляционные связи с мотивом интереса к профессии, мотивом гуманистического содержания профессии, мотивом оказания помощи нуждающимся в ней людям.

2. *Эмпатийность* как профессионально значимое качество личности курсанта вуза ФСИН России было включено в проведенный на выпускном курсе психологического факультета корреляционный анализ, на основании которого было установлено, что оно имеет положительную корреляцию с мотивом, нуждающимся в оказании помощи людям (0,75), интересом к профессии (0,50) и гуманистическим содержанием профессии (0,35).

Таким образом, мы можем говорить об эмпатийности как о свойстве, имеющим обоюдостороннюю связь с мотивами выбора обучения (в нашем случае—на психологическом факультете вуза). Причем наиболее тесная связь у эмпатийности, как показал анализ, наблюдается с мотивом оказания помощи людям, который, в свою очередь, является немаловажным фактором выбора обучения именно на психологическом факультете.

Другими словами, люди, которые поступают на психологический факультет

вуза ФСИН России, руководствуясь желанием и стремлением помогать людям, направлены на общение и имеют высокую склонность к проявлению эмпатии, которая, в свою очередь, должна стать психологической основой для выработки такого личностного качества, как ответственность перед обществом в целом и каждым человеком в отдельности. Для формирования такого свойства личности необходимо строить учебно-воспитательный процесс в рамках гуманитарной парадигмы. Главной ценностью в данной парадигме становится конкретный человек, его внутреннее пространство, специфика индивидуального процесса познания. В этой плоскости приоритетное значение приобретает персонифицированное, субъективированное знание, у которого всегда есть автор со своим внутренним миром, неповторимым индивидуальным опытом.

3. К наиболее важным ценностным основаниям выпускники психологического факультета академии отнесли и такое личностное свойство, как *социальную компетентность*, которая предполагает наличие у учащихся не только знаний и умений в той или иной области, но и целостного социокультурного опыта.

Термин «компетентность» включает в себя три аспекта:

- проблемно-практический, заключающийся в умении распознавания и понимания ситуации, в постановке и эффективном достижении целей, выполнении задач и норм в данной ситуации;
- смысловой, предполагающий рациональное осмысление ситуации в более общем культурном контексте;
- ценностный, реализуемый в способности к адекватной оценке ситуации,

ее смысла, целей, задач и норм с точки зрения собственных и общезначимых ценностей.

Конкретное наполнение, то есть знания, умения или познавательно-практические качества, зависит от определенных сфер деятельности и областей знания. Понятие компетентности, с одной стороны, является устойчивым, ассимилирующим наличные и потенциальные познавательно-практические возможности; с другой стороны, понятие компетентности в своей сущности подвижно, исторически изменчиво: знания и умения, определенные творческие способности со временем устаревают, становятся неадекватными новой исторической ситуации, компетентность же не привязана жестко к определенным образовательным содержаниям, знаниям и умениям.

На основании изложенного представляется целесообразным при организации учебно-воспитательного про-

цесса в вузах ФСИН России учитывать необходимость достижения обучаемыми следующих целей самоопределе-

- укрепления эмпатийности как индивидуально-психологической основы ответственности курсанта;
- развития социальной компетентности курсантов;
- создания в мировоззрении выпускника определенной базы ценностных позиций, которые препятствовали бы психологической профессиональной деформации личности сотрудника уголовно-исполнительной системы.

В качестве общего вывода хотелось бы подчеркнуть необходимость совместного, системного рассмотрения формирования правовых ценностей и личностного самоопределения курсантов в современных условиях обучения. Эта взаимосвязь играет важную роль в современной педагогической практике в силовых вузах.

Педагогика политико воспитательной и культурно массовой работы с заключенными в 20 е годы прошлого века

Ю.А. Реент, А.В. Жигалев

Аннотация: в статье представлены материалы историко-педагогического исследования политико-воспитательной и культурно-массовой работы с заключенными в России в 20-е годы прошлого века.

Ключевые слова: педагогика политико-воспитательной работы, педагогика культурно-массовой работы, осужденные, заключенные, воспитательное воздействие.

Summary: the article presents the materials of historical and pedagogical study of political education or the cultural-mass work with prisoners in the 20-ies of the last century in Russia.

Keywords: pedagogy of political education work, education and cultural mass work, prisoners, prisoners, nurturing.

Идеологические установки первых лет существования Советского государ-

ее смысла, целей, задач и норм с точки зрения собственных и общезначимых ценностей.

Конкретное наполнение, то есть знания, умения или познавательно-практические качества, зависит от определенных сфер деятельности и областей знания. Понятие компетентности, с одной стороны, является устойчивым, ассимилирующим наличные и потенциальные познавательно-практические возможности; с другой стороны, понятие компетентности в своей сущности подвижно, исторически изменчиво: знания и умения, определенные творческие способности со временем устаревают, становятся неадекватными новой исторической ситуации, компетентность же не привязана жестко к определенным образовательным содержаниям, знаниям и умениям.

На основании изложенного представляется целесообразным при организации учебно-воспитательного про-

цесса в вузах ФСИН России учитывать необходимость достижения обучающимися следующих целей самоопределе-

- укрепления эмпатийности как индивидуально-психологической основы ответственности курсанта;
- развития социальной компетентности курсантов;
- создания в мировоззрении выпускника определенной базы ценностных позиций, которые препятствовали бы психологической профессиональной деформации личности сотрудника уголовно-исполнительной системы.

В качестве общего вывода хотелось бы подчеркнуть необходимость совместного, системного рассмотрения формирования правовых ценностей и личностного самоопределения курсантов в современных условиях обучения. Эта взаимосвязь играет важную роль в современной педагогической практике в силовых вузах.

Педагогика политико воспитательной и культурно массовой работы с заключенными в 20 е годы прошлого века

Ю.А. Реент, А.В. Жигалев

Аннотация: в статье представлены материалы историко-педагогического исследования политико-воспитательной и культурно-массовой работы с заключенными в России в 20-е годы прошлого века.

Ключевые слова: педагогика политико-воспитательной работы, педагогика культурно-массовой работы, осужденные, заключенные, воспитательное воздействие.

Summary: the article presents the materials of historical and pedagogical study of political education or the cultural-mass work with prisoners in the 20-ies of the last century in Russia.

Keywords: pedagogy of political education work, education and cultural mass work, prisoners, prisoners, nurturing.

Идеологические установки первых лет существования Советского государ-

ства предусматривали решение задачи по превращению тюрем в своеобразные воспитательные учреждения. Поскольку это требовало профессионального подхода, Декретом СНК РСФСР от 30 июня 1920 г. вся культурно-просветительная работа в тюремных учреждениях возлагалась на Народный комиссариат просвещения (Наркомпрос)¹. Детализация этой работы содержалась также в Положении об общих местах заключения РСФСР, утвержденном Постановлением Народного комиссариата юстиции (НКЮ) от 15 ноября того же года. Правда, последний документ регламентировал условия содержания лишь тех лиц, которые состояли под следствием или судом. Важно, что в перечень персонала пенитенциарных учреждений была введена должность заведующего учебно-воспитательной частью.

Как основной элемент воспитательного воздействия расценивалось привлечение к труду, освоение какой-либо востребованной профессии из числа тех, которые были предусмотрены для мест заключения. Использование преступников в качестве домашней прислуги или для личных целей сотрудников категорически запрещалось. Другим элементом воспитательного воздействия была образовательная программа. Поскольку основную массу заключенных составляли малограмотные граждане, для них четыре раза в неделю проводили занятия в школе. Для неграмотных устанавливались ежедневные двухчасовые занятия. Кроме того, организовывались

специальные занятия, лекции и беседы как по учебным темам, так и по общеполитическим вопросам, которые проводились не только в школах, но и на рабочих участках и даже в камерах. В обязательном порядке каждое пенитенциарное учреждение комплектовалось библиотекой.

Развитию просветительной деятельности в местах лишения свободы в значительной мере способствовала реализация общегосударственного курса на борьбу с неграмотностью, провозглашенного В.И. Лениным. В результате этого появились и рекомендации для тюремных ведомств, требующие не только создавать библиотеки в местах заключения, но и вести учет, контроль и анализ того, «что читал тот или иной заключенный, и что его особенно интересует»².

На первый взгляд, может показаться странным, что наиболее впечатляющие успехи в данном направлении пенитенциарной деятельности были достигнуты в исправительно-трудовых лагерях, где содержались идеологические враги и политические преступники. С одной стороны, их просвещать, в широком понимании этого слова, фактически и не требовалось, поскольку образовательный уровень данной категории заключенных был заметно выше, чем у сотрудников мест лишения свободы. С другой стороны, ставилась задача по их идеологической «перековке», а это подразумевало тщательное «промывание мозгов» политическими установками марксизма-

¹ Постановлением СНК РСФСР от 3 апреля 1922 г. организация культурно-просветительной деятельности в местах лишения свободы была возвращена в НКЮ, но согласование отдельных вопросов с Наркомпросом осталось обязательным.

² Положение об общих местах заключения РСФСР: Постановление НКЮ от 15 ноября 1920 г.// СУ РСФСР. 1921. № 23-24. Ст. 141. П. 154.

ленинизма. Такая деятельность требовала выработки совершенно новых концептуальных пропагандистских решений.

Все это во многом объясняет причины, почему именно в Положении о Соловецких лагерях особого назначения ОГПУ, утвержденном Коллегией ОГПУ СССР 3 марта 1924 г., впервые появился отдельный большой раздел—«Организация учетно-воспитательного дела в лагерях» (§ 134). Во главе этого направления деятельности был поставлен заведующий воспитательно-трудовой частью, призванный руководить всем педагогическим персоналом, состоявшим из преподавателей и воспитателей, объединенных в педагогическое совещание. Кроме того, на должность заведующего учебным делом назначали лиц, имевших педагогический стаж не менее трех лет и, по возможности, специальную пенитенциарную подготовку. Поскольку для заключенных лагерей организовывались школьные занятия, в обязанности указанного совещания была включена «выработка учебных программ, как общих, так и по специальным предметам»³. Помимо обучения основным предметам, на педагогический персонал возлагались занятия по отдельным важным вопросам, в зависимости от наличия заключенных, достаточно для этого подготовленных.

Кадровый вопрос, безусловно, стоял очень остро. Хотя бы для частичного его разрешения 27 февраля 1926 г. приступили к работе Московские пенитенциарно-педагогические курсы. Фактически они стали первым учебным заведением, предназначенным для подготовки специалистов для мест лишения

свободы. Занятия проходили два раза в неделю в течение трех месяцев. Первый выпуск составил 80 человек. Перед курсами были поставлены задачи:

- сообщить необходимый запас пенитенциарно-педагогических знаний и профессиональных навыков всем работающим в местах заключения культурно-просветительным работникам;
- углубить и расширить общие и общественно-политические знания работников, ознакомить их с новейшими методологическими достижениями пенитенциарной системы.

Осенью 1929 г. в Москве открылись Высшие курсы старшего начальствующего состава работников милиции и исправительно-трудовых учреждений. Слушатели курсов по исправительно-трудовым учреждениям делились на два отделения: административное и педагогическое. На педагогическом отделении готовили заведующих учебно-воспитательными частями, их заместителей, библиотекарей и заведующих клубами мест заключения. Значительно позже, с учетом организационно-штатных преобразований, изменился и состав задействованных в этой области сотрудников. Согласно приказу по ГУЛАГу от 17 февраля 1933 г. № 39 «О мероприятиях по реорганизации низового лагерного звена» для ведения культурно-воспитательной работы было решено в каждой трудовой колонне иметь воспитателя, а при ее численности свыше 400 человек—еще одного воспитателя и старшего воспитателя.

16 октября 1924 г. 2-я сессия ВЦИК 11-го созыва утвердила Исправительно-трудовой кодекс РСФСР. Важным элементом работы с осужденными опреде-

Действующие распоряжения по местам заключения: систематич. сб. с пояснениями. М., 1929. С. 17.

лялось исправительно-воспитательное воздействие. Нельзя сказать, что на это не обращалось внимания ранее, но в общих местах лишения свободы это чаще всего была инициатива с мест. К примеру, 1 сентября 1923 г. Симбирским губернским совещанием были определены меры по борьбе с безграмотностью в местах заключения. Вследствие этого только с апреля по ноябрь 1924 г. в пределах губернии были открыты 3-месячные курсы по обучению грамоте арестованных, 12 кружков, библиотека и читальня. В целом же по стране воспитательная работа велась в четырех основных направлениях:

- ликвидация безграмотности;
- лекционная пропаганда;
- кружковая работа;
- библиотечная деятельность.

Начиная с 1925 г. к ним добавили юридическое просвещение и помощь заключенным. Подчеркнем особо, что расходы на все это оплачивались из местных бюджетов⁴, но и центральные власти не устранились от работы по совершенствованию пенитенциарной системы. 5 января 1925 г. НКВД РСФСР утвердил Положение о Всероссийском и губернских (областных и краевых) комитетах помощи содержащимся в местах заключения и освобождаемым из них. Названные структуры формировались из представителей общественных организаций, государственных органов и отдельных граждан. Председателем Всероссийского комитета был избран нарком юстиции Д.И. Курский, заместителем — начальник ГУМЗ РСФСР Е.Г. Ширвиндт, в качестве обязательных членов правления были представи-

тели НКВД, Наркомздрава, суда, прокуратуры, Московского Совета и ВЦСПС. Им были поставлены задачи: оказывать содержащимся в местах заключения и освобождаемым содействие для объединения в артели, кооперативы, в обзаведении рабочим инструментом, а также юридическую и медицинскую помощь, организовывать культурно-воспитательную работу и т. д. Материальную базу комитетов составляли отчисление 15% от прибыли предприятий в местах заключения, взносы организаций и отдельных лиц⁵.

Кроме того, 1 июля 1925 г. приказом по НКВД РСФСР было объявлено *Положение о Государственном институте по изучению преступности и преступника*. Первыми итогами работы ученых стал выход из печати в 1927 г. монографии М.М. Исаева «Основы исправительно-трудовой науки» и брошюры Ю.Ю. Бехтерева «Изучение личности заключенного», что помогло Главному управлению местами заключения подготовить Инструкцию по методике и технике изучения личности заключенных. Основными направлениями деятельности института являлись:

- установление причин и условий, вызывающих или благоприятствующих развитию преступности в целом и совершению отдельных преступлений в частности;
- изучение успешности применяемых методов борьбы с преступностью и отдельных мер социальной защиты;
- разработка системы и методов изучения заключенных и пенитенциарного воздействия на них;

См.: УИС Ульяновской области: История и современность. Ульяновск, 2004. С. 19.
В 1926 г. размеры таких отчислений были повышены до 18 %.

- изучение отдельных лиц, представляющих интерес с точки зрения преступности как явления;

- изучение влияния мер исправительно-трудового воздействия на заключенных.

Циркуляром НКВД РСФСР от 18 июня 1928 г. на места была направлена Инструкция по методике и технике изучения личности заключенного. Однако, как правило, эта работа проводилась с осужденными, хотя и среди подсудимых уровень правонарушений оставался по-прежнему высоким⁶. В целом же, как нам представляется, все формы политико-воспитательной работы, проводимой с лицами, содержащимися в местах лишения свободы, можно разделить на две большие группы: подразумевающие *пассивное* и *активное* участие в ней осужденных.

К первой группе следовало бы отнести: все разнообразие библиотечной деятельности; использование пропагандистских и воспитательных возможностей радио и кинематографа; в известной мере функционирование юридических бюро при лагерях и общих местах заключения. Во вторую группу форм политико-воспитательной работы можно включить непосредственное участие заключенных в общественной жизни учреждений; самодеятельном художественном и литературном творчестве; формирование института коридорных и камерных культурников и др. Попытаемся проанализировать правовую природу и характер реализации каждого из этих видов деятельности.

Ликвидация безграмотности и профессиональная ориентация. После утверждения Исправительно-трудового кодекса РСФСР (1924) была принята Инструкция по учебно-воспитательной части в местах заключения РСФСР. Подследственных могли отстранить от учебы лишь в том случае, если суд или следствие запрещало этим лицам общение с другими заключенными⁷. Все неграмотные заключенные в возрасте до 50 лет обязывались посещать школу. Занятия с ними проводились два раза в неделю, а с малограмотными и грамотными—один раз⁸. Вне зависимости от этого в праздничные дни в школе организовывали чтения популярных изданий научно-политического или беллетристического характера. 6 января 1926 г. ГУМЗ РСФСР разослал на места циркуляры «О профобразовании заключенных» и «Общие положения по проведению профобучения в местах заключения», которые уточняли особенности организации общего и профессионального просвещения осужденных. 28 декабря 1927 г. был издан циркуляр «О введении в действие Инструкции ГУМЗ РСФСР по организации самообразования и заочного обучения в местах заключения».

Сотрудники, входившие в состав педагогического совещания, обязывались проводить лекции, беседы и занятия по отдельным предметам. В целях интеллектуального и нравственного развития заключенных им давали темы для сочинений и докладов по научным и практическим вопросам. Руководители вне-

⁶ См.: Маланкин А.Н. Курс на укрепление порядка через классовый подход (институт содержания под стражей в России в 1924-1933 годы)//Ведомости УИС. 2008. № 6. С. 21.

⁷ См.: Там же.

⁸ Заметим, это в 2 раза реже, чем по нормативам 1920 г. См.: Положение об общих местах заключения РСФСР от 15 ноября 1920 г.

школьных занятий наблюдали за чтением заключенных, давая советы относительно выбора книг, следили за усвоением прочитанного путем бесед, для чего посещали заключенных в их камерах. Правда, учителя в местах заключения были осведомлены о том, что, несмотря на все старания, за свою внештатную работу «не только не получают... никакого содержания, но еще рискуют остаться вовсе без службы» в случае ее низкой эффективности⁹.

При посещении строительства Беломорско-Балтийского водного пути 36 видными советскими писателями также велась активная агитационно-пропагандистская работа, и не только среди «каналоармейцев». Так, глава делегации Максим Горький, небезуспешно навязывая свое мнение рядовым обывателям, писал о заключенных: «В огромном большинстве они явились на работу безграмотными и малограмотными. Они увидели, что от них никто не скрывает тех богатейших возможностей, которые дает человеку образование. Хочешь учиться? Учись. Мало того: ты должен учиться. Они родились и жили в обществе, где распределение разума находилось в руках и воле хозяев, которые обладали правом определять границы умственного роста детей рабочих и крестьян»¹⁰. То есть получалось, что только советская власть в лице лагерного руководства дала им возможность воспользоваться плодами просвещения. Нелепая пропагандистская казуистика стала характерным признаком того времени.

Юридические консультативные бюро.

Не секрет, что определенная часть преступлений совершается вследствие элементарного незнания требований права. И дело не только в том, что незнание закона не освобождает от наказания. Как в прошлом, так и сегодня нередки ситуации, когда человек мог бы отказаться от преступных намерений, если бы был лучше осведомлен о степени предусмотренного законом воздаяния. Эти соображения естественным образом наталкивают на мысль, что в условиях пенитенциарных заведений борьба с правовой безграмотностью должна иметь не меньшее значение, чем борьба с неграмотностью общей. Удачной формой разрешения данного вопроса представляется практика создания в местах лишения свободы юридических консультаций.

Как это ни странно, но первые шаги в данном направлении были сделаны практически сразу после передачи ГУМЗ из подчинения Наркомюста в НКВД РСФСР. Казалось бы, первому ведомству эта работа ближе, но фактически только с 1923 г. была поставлена задача по развертыванию сети бесплатных консультационных пунктов для юридической помощи осужденным. Как правило, в качестве консультантов выступали наиболее подготовленные сотрудники учреждений, впрочем, достаточно часто к этой работе привлекались и заключенные, имевшие до осуждения юридическую практику. Например, во Владимирском губернском исправдоме за 1924 г. членами юридического бюро было под-

⁹ История сталинского ГУЛАГа. Конец 1920-х-первая пол. 1950-х гг.: собр. док.: в 7 т. М., 2004. Т. 2. Док. № 37. С. 598-599.

¹⁰ Беломорско-Балтийский канал имени Сталина. История строительства/под ред. М. Горького, Л.Л. Авербаха, С.Г. Фирина. М., 1934. Электронный ресурс: <http://lib.ru/DIALEKTIKA/belomorkanal.txt>.

готовлено 779 претензий, жалоб и ходатайств¹¹. Не менее распространенной разновидностью работы стали кружки по изучению основ советского права и революционной законности. Только за вторую половину 1925 г. было создано 93 таких кружка, а всего к середине 1926 г. их насчитывалось 129.

Правовое закрепление деятельности юридических бюро в местах заключения произошло не сразу, поскольку требовалось изучение и осмысление в целом то еще небогатого опыта. Тем не менее 21 июля 1929 г. вышла Инструкция ГУМЗ НКВД РСФСР об организации правовой помощи заключенным. И хотя официальной задачей юридических бюро там ставилась пропаганда правовых знаний среди осужденных, но, как нам кажется, в качестве сверхзадачи подразумевался и подъем профессионального уровня самих сотрудников пенитенциарных учреждений, ибо он даже для того времени был недопустимо низок. Да что уж говорить о «тюремщиках», если представители судебного корпуса в плане правового образования являли собой неприглядную картину.

VI Съезд прокурорских, судебных и следственных работников РСФСР (1929) утвердил пятилетний план подготовки и переподготовки кадров для сферы юстиции. В июне 1931 г. принимается постановление НКЮ РСФСР о реорганизации юридических вузов. По требованию Наркомата рабочекрестьянской инспекции до 15% аппарата НКЮ должны были составлять «выдвиженцы от станка», не менее 10 членов Верховного Суда—из числа рабочих

с производства¹². Пусть даже это были люди с богатым жизненным опытом, но как правоведаы они никуда не годились, что отражалось и на судебной практике, и на деятельности мест заключения.

Библиотечная работа. Разного рода упоминания о целесообразности создания или наличия библиотечного фонда в пенитенциарных заведениях Советской России встречаются достаточно часто даже в годы Гражданской войны, но материалы эти в основном случайны. Сколько-нибудь системный подход на уровне нормативных документов отмечался в Положении об общих местах заключения РСФСР (1920), где не только указывалось на наличие и характер рекомендуемой литературы, но и устанавливалась штатная должность библиотекаря, его общие обязанности.

В июле 1923 г. под руководством Н.К. Крупской была подготовлена Инструкция о пересмотре книжного состава библиотек и изъятии контрреволюционной и антихудожественной литературы. Под этим предлогом из фондов исчезли не только «классово чуждые» произведения, но и те, что представляли реальную материальную ценность.

И все же данное направление работы получило свое дальнейшее развитие в Исправительно-трудовом кодексе РСФСР (1924), статья 96 которого в качестве внешкольной подготовки предусматривала обязательную организацию громких чтений газет, журналов и специально отобранных книг. Правда, на тот момент это правовое положение в значительной степени оставалось только пу-

¹¹ См.: Руденко Р.Н. Органы НКВД Владимирской губернии в период «военного коммунизма» и нэпа: автореф. дис. ...канд. юрид. наук. Владимир, 2007. С. 20.

¹² См.: Министерство юстиции России за 200 лет (1802-2002). М., 2002. С. 186-187.

стой декларацией. Дело в том, что стационарные библиотеки, например, в 1926 г. имелись только в 57 колониях и лагерях.

Справедливости ради стоит отметить, что Главполитпросвет формировал сеть передвижных библиотечек, но их фонды редко достигали 50-100 книг. К примеру, в 1924 г. во Владимирском губернском исправдоме насчитывалось 1000 журналов и газет, 2848 книг, из них 540 книг политического характера, 52 — художественных произведений, 89 учебников, 59 книг на иностранных языках. Что касается остальных мест лишения свободы губернии, то достоверных сведений о находившемся там библиотечном фонде в тот период не найдено. Очевидно, наиболее доступным «читивом» оставались газеты, но в случае недосмотра они быстро рвались на самокрутки.

В 1927 г. абонентами библиотек являлись 67 % заключенных. Руководителей учреждений обязывали представлять ежегодные отчеты о наличии библиотечных фондов и активности их использования непосредственно в ГУМЗ. В главке обработкой этих данных занималось статистическое бюро.

При поддержке местных органов Главполитпросвета в местах лишения свободы на основании требований Циркуляра НКВД РСФСР «Об участии исправительно-трудовых учреждений РСФСР в библиотечном походе» (1930) активизировалась деятельность первичных ячеек общества «Долой неграмотность», но после ликвидации наркомата внимание к этому направлению воспитательной работы на время ослабело, зато все больший интерес стала вызывать одна из немногих форм творческой самодетельности — стенная печать.

Стенная и многотиражная печать, плакаты. Массовое и повсеместное развитие стенной печати в местах лишения свободы РСФСР в значительной мере связано с развитием социалистического соревнования среди заключенных. Отмечается, что первоначально рекордными считались результаты, составлявшие 110-150 % планового задания, но уже к 1936 г. рекорды поднялись до 600%, а заключенные БАМЛАГа К. Ячков и Н. Басаков якобы добились выполнения 10 норм. «Молнии», «боевые листки» и стенные газеты были призваны активизировать социалистическое соревнование. К числу новых агитационно-пропагандистских форм можно отнести введение особого раздела: «красная доска» содержала информацию о передовиках, а «черная доска» — о тех, кто тянул общие показатели вниз. В тех же целях на видном месте располагались рисованные от руки и типографские плакаты. Их содержание, безусловно, носило не только производственный, но и бытовой характер.

Как справедливо отмечает профессор Л.П. Рассказов, на фоне бытовых и производственных трудностей предпринимавшиеся попытки силами стенных и многотиражных газет стимулировать труд осужденных посредством идеологических лозунгов выглядели лицемерными. В качестве примера приводится статья в газете «Строитель БАМа» (орган культурно-воспитательной части и штаба 5-го отделения БАМЛАГа) № 18 от 19 марта 1934 г. с призывом к заключенным идти «в бой за переходящее Красное знамя», бороться за значок «Лучшему ударнику Байкало-Амурской магистрали». В частности, там утверждалось, что «путь к получению этого

значка — это путь трудового исправления»¹³.

В отличие от стенных и многотиражных газет периодические издания требовали наличия грамотного, профессионально подготовленного персонала. Таких людей в местах заключения было немало, ведь по политическим статьям в основном осуждали представителей интеллигенции. Считалось, будто под присмотром сотрудников НКВД их литературная и научная деятельность будет полезна. Поэтому не столь уж удивительно то, что, например, к концу ноября 1925 г. в местах лишения свободы при непосредственном участии заключенных выпускалось 18 газет и журналов, на которые была организована региональная и всероссийская подписка¹⁴.

В Самарском изоляторе специального назначения силами заключенных в 1925 г. было издано 2 номера журнала «Волжский изолятор», номера которого были восприняты с большим интересом и быстро разошлись между читателями. При этом даже авторы-составители были приятно удивлены, что это им удалось сделать, ибо слишком много трудностей и препятствий стояло на их пути. В частности, отмечалось, что готовили выпуск «без всяких средств, занимая каждый кусочек бумаги и пр., без всякого специального аппарата—исключительно полагаясь на свои собственные силы и напрягаясь до крайних пределов»¹⁵.

С 1 марта 1924 г. начал выходить ежемесячный журнал «СЛОН», переименованный в 1925 г. в «Соловецкие

острова»,—орган УСЛОН ОГПУ. К этому времени относится и появление первых номеров еженедельной газеты «Новые Соловки». В мае 1926 г. бюро печати УСЛОН приступило к выпуску издания «Материалы Соловецкого отделения Архангельского общества краеведения». Основное место на страницах 17 выпусков издания занимали материалы криминологической секции по изучению преступности, созданной по инициативе УСЛОНа Институтом советского права и криминологии Академии наук СССР в конце 1925 г.¹⁶.

Предполагается, что, дав право заключенным на выпуск собственных печатных изданий, ОГПУ решало свои оперативно-пропагандистские задачи, делая попытку одновременно успокоить мнение зарубежной общественности и нейтрализовать внутренние предубеждения в отношении тюремно-лагерных учреждений особого назначения. По большому счету, корреспонденции лагерных авторов даже сегодня представляют несомненный интерес и с политической, и познавательной точки зрения.

К 1925 г. созрело понимание того, что аппаратные работники пенитенциарной системы должны иметь в распоряжении свой пропагандистский и методический печатный рупор. В этих целях было предпринято издание ежемесячного журнала НКВД РСФСР «Административный вестник», где первыми авторами публикаций по исправительно-трудовому праву стали сотрудники ГУМЗ Е.Г. Ширвиндт, Ю.Ю. Бехтерев, В.Р. Якуб-

¹³ Рассказов Л.П. Роль ГУЛАГа в предвоенных пятилетках//Экономическая история: ежегодник. 2002. М., 2003. С. 278-279.

¹⁴ См.: Государственный архив Российской Федерации (далее—ГАРФ). Ф. 4042. Оп. 4. Д. 79. Л. 182.

¹⁵ Волжский изолятор. 1925. № 2.

¹⁶ См.: Ципуренко Н. СЛОН: Исторический очерк//Воспитание и правопорядок. 1991. № 1. С. 45-46.

сон, М.А. Кеслер, А.Ф. Шестакова, Б.С. Утевский, Ф.М. Миллер и другие.

Коридорные и камерные культурники. Первые упоминания о применении этой формы воспитательного воздействия как инициативы сотрудников воспитательно-трудовой части Вятского и Пензенского трудовых домов встречаются в 1925 г. Вскоре, как свидетельствуют источники, она была взята на вооружение в ряде исправительно-трудовых учреждений Воронежа, Москвы, Самары и Саратова¹⁷. Правовые же основы нового движения были закреплены циркуляром НКВД РСФСР от 2 августа 1926 г. № 296, который в целях вовлечения заключенных в повседневную культурно-просветительную работу и усиления на них педагогического воздействия официально ввел институт камерных и коридорных культурников. Согласно разработанной Инструкции их избирали сроком на три месяца из числа лиц, лишенных свободы. Коридорные культурники, как правило, избирались один на этаж, а камерные—один на 15 заключенных. Для стимулирования инициативы «снизу» в декабре 1927 г. ГУМЗ разрешил им, как и членам кружков самообразования, расходовать собственные средства на эти цели сверх установленных сумм.

Как подчеркивает исследователь И.В. Селезнева, в число их обязанностей входило получение и распространение периодической печати, литературы, «побуждение осужденных к работе в мастерских, обучению в школе и на кур-

сах, вовлечение в подготовку спектаклей, концертов и т.п.»¹⁸. Немаловажно то, что им предоставлялось право вещательного голоса на заседаниях культурно-просветительных комиссий учреждений. Тем не менее в большинстве мест заключения работа культурников велась формально и реального влияния на жизнь осужденных не оказывала.

Самодетельное творчество. Театральные постановки. Заключенным и арестованным повсеместно разрешалось устраивать концерты, спектакли, литературные вечера, спортивные игры, литературные суды, «живые» газеты и другие культурные развлечения. Так, спецконтингент Соловецких лагерей охотно посещал собственный театр, открывшийся 23 сентября 1923 г. в Преображенском соборе. Лагерные режиссеры И. Арманов, М. Борин, Л. Рахманова ставили чеховского «Дядю Ваню», пушкинского «Бориса Годунова», гоголевского «Ревизора», революционные пьесы, мелодрамы. Самодетельный лагерный театр называли «лучом света в темном царстве соловецкой замкнутости». «Он спасал нас от «самоедства» и помогал сберегать во льдах горячими наши сердца», — напишет в статье «Зима во льдах» бывший заключенный Николай Литвин¹⁹.

Культурно-воспитательная работа среди заключенных лагерей и крупных колоний иногда отличалась достаточно высокой активностью. Так, за 1924 г. в 5 исправдомах Владимирской губернии силами заключенных было сыгра-

¹⁷ См.: Бехтерев Ю.Ю. Институт камерных и коридорных культурников в местах заключения//Административный вестник. 1926. № 9. С. 20-22.

¹⁸ Селезнева И.В. Формы воспитательной работы с осужденными в 20-е гг. XX в.//Пенитенциарная система России: история и современность. (к 130-летию УИС России). Иваново, 2008. С. 387.

¹⁹ СЛОН. Исторический очерк//Воспитание и правопорядок. 1991. № 1. С. 45.

но 85 спектаклей: Во Владимирском губисправдоме — 63 спектакля, в Александровском — 12, в Муромском — 4, в Юрьевском — 3 и Вязниковском — 3. По сведениям О.П. Еланцевой, только за 1933-1934 гг. театр БАМЛАГа поставил 226 спектаклей, дал 195 концертов и более 60 представлений кукольного театра. Репертуарный план включал комедии В.В. Шкваркина «Чужой ребенок», «Слуга двух господ» К. Гольдони, постановки В.М. Киршона «Чудесный сплав», А.С. Пушкина «Моцарт и Сальери».

Немаловажное значение имела помощь центрального аппарата исправительно-трудовой системы конкретным учреждениям в деле развития самодеятельного творчества на местах. Нередко это была не только методическая, но и конкретная организационная помощь, вплоть до того, что наиболее успешные коллективы «делились талантами» с отстающими, часто даже находящимися в других губерниях. Например, по письменному распоряжению помощника начальника ГУМЗ РСФСР Корнблитта от 20 февраля 1924 г. № 2360/5 требовалось подготовить ряд заключенных, содержащихся в Сокольническом исправдоме (г. Москва) для перевода в Ивановский исправдом «для усиления состава драмкружка».

Театрально-концертная деятельность не ограничивалась участием заключенных, нередко к ней подключались сотрудники пенитенциарных учреждений, члены их семей, жители населенных пунктов. Как отмечает ряд исследователей, «своеобразной формой пополнения

средств Комитета помощи освобожденным заключенным была организация концертов, спектаклей, вечеров и т. п.»²⁰. Например, в нижегородских кинотеатрах «Палас», «Народный дом» и гостинице «Россия» подобные мероприятия, освобожденные от госналога, проводились регулярно. В этот же период появились по сути профессиональные театральные концертные группы из осужденных артистов в Магадане и Норильске, где для них возводили соответствующие здания. В большинстве других мест ограничивались подготовкой концертов самодеятельности в существовавших клубных помещениях.

Музейная работа. Помогали выжить лагерному населению и разнообразные краеведческие занятия. По инициативе энтузиастов-краеведов в Благовещенском соборе бывшего Соловецкого монастыря выставлялись находки, насчитывавшие до тысячи предметов: старинные иконы, предметы церковного культа, вериги, стрелецкие клинки-бердыши, пищали, пушечные ядра, посуда, чучела птиц и зверей. Инициатором создания музея и его хранителем стал заключенный инженер-геолог А.И. Филимонов.

Бывший кадетский лидер — биолог М.И. Некрасов организовал в лагере биологический сад-питомник, в основу которого была положена деятельность кружка любителей природы при Соловецком отделении Архангельского общества краеведения. «В клетках и вольерах питомников содержались утки, гуси, белые куропатки, гагары, белки, зайцы, кролики, лисицы, лапландские олени. С прицелом на промышленное разведе-

²⁰ Демичев А.А., Кострова О.В., Мельникова О.С. Становление советской судебной и пенитенциарной системы в Нижегородской губернии (1917 — первая половина 20-х гг. XX в.). Н. Новгород, 2008. С. 159.

ние отдельных видов птиц и животных приказом по УСЛОНу от 12 мая 1925 г. территория морской Глубокой губы площадью в 60 квадратных верст объявлялась заповедной зоной»²¹.

Художественно-прикладная деятельность. По воспоминаниям современников, некоторые из домов заключения «организовали у себя художественные мастерские, и последние дали весьма хорошие результаты»: после непродолжительной консультационной помощи многие заключенные стали пользоваться кистью и красками, создавая удивительные копии. Над своими трудами «они работают усердно, каждый приносит. уменье, находчивость, остроту, каламбур и т. д., и это коллективное творчество не лишено художественного вкуса»²². Действительно, определенные успехи были достигнуты. Например, Псковский дом заключения учредил художественные мастерские, в которых осужденные могли обучаться творческим ремеслам. Мастерские выполняли заказы, производя копии с известных художественных произведений, открыток и т. п.

Невозможно не согласиться, что подобные формы самодеятельного творчества не только отвлекали заключенных от тягот повседневной жизни, но и прививали неплохие трудовые навыки, предоставляли позитивные поводы для общения и взаимодействия. Однако с утверждением Е. Ширвиндта и Б. Утевского о том, будто «Советское государство отказалось от традиционной точки зрения на труд заключенных как на источник подневольничества, му-

чительства и унизости»²³, не верилось ни в те годы, ни сегодня. Творческая работа осужденных была скорее исключением, чем правилом, да и оценивалась ими часто как своеобразная форма отдыха.

Неформальное творчество и субкультура заключенных. Сколь высокими ни были бы успехи официальной культурно-массовой и политико-воспитательной работы в местах лишения свободы, но игнорировать наличие теневых проявлений неформального творчества заключенных нельзя, и в первую очередь из-за широкого его распространения и большой популярности в обществе.

К наиболее традиционным проявлениям тюремной субкультуры, безусловно, следует отнести нательные татуировки (наколки). Сегодня им посвящены целые исследования, а на рубеже 20–30-х годов прошлого века таких книг и справочников еще не было. Тем не менее не только представители криминального мира, сотрудники ГУЛАГа, но и простые граждане достаточно неплохо ориентировались в этих рисунках. Очевидно, что каждое, казалось бы, отвеченное изображение несло вполне конкретный смысл, указывающий на место его владельца в тюремной иерархии, а также на статьи Уголовного кодекса, по которым он был осужден; места заключения, где он побывал. Наиболее интересны нетрадиционные изображения, связанные с осуждением по 58-й (политической) статье. Уголовники использовали иной изобразительный ряд.

Другим неизменным атрибутом тюремно-лагерной жизни был блатной

Ципуренко Н. СЛОН. Исторический очерк// Воспитание и правопорядок. 1991. № 1. С. 45.
Карпов П.И. Творчество заключенных. М., 1929. С. 65-66.
Там же. С. 68.

песенный фольклор. Легендами того времени стали известные и ныне песни: «Постой, паровоз», «Таганка», «Ваннинский порт», «Мурка». Но в контексте исследуемой темы особое звучание приобретает песня начала 30-х годов «Лодочка блатная», известная и как «Колокольчики-бубенчики». Прочитав, следует вдуматься в смысл некоторых ее строк.

*Воровка никогда не станет прачкой,
А урку не заставишь спину гнуть.
Эй, грязной тачкой рук не пачкай —
Мы это дело перекурим как-нибудь!..*

*А колокольчики-бубенчики ду-ду,
А я сегодня на работу не пойду:
Пусть рвутся шашки, динамит и аммонал —
А на хрен сдался Беломорский нам канал!..*

Несмотря на веселую бравладу текста, по мнению знатоков, «поют воры в песне относительно того, что они не хотят «пачкать! руки тачкой» при строительстве Беломорского канала, это больше бахвальство. Именно это знаменитое строительство «обломало» многих и многих блатарей. Их под угрозой расстрела! заставили взять в руки лопаты и кайло»²⁴. Так что с уверенностью можно заявить: 30-е годы стали черным периодом в истории «воровской черной масти».

Впрочем, профессиональные преступники (блатные), действительно, трудиться не хотели, поскольку это противоречило их «воровской» морали. По словам той же песни, «карты, девки — вот наш почет». Применяемые к ним репрессии ощутимый эффект дава-

ли далеко не всегда. Выход был найден в расширенном использовании труда заключенных из числа относительно законопослушных граждан. Им в лагерях было уже не до песен, хотя мемуары, серьезные художественные произведения позже ярко отразили эту сферу человеческого бытия.

В целом же можно заметить, что с начала 30-х годов даже в области культурно-воспитательного воздействия все больше внимания стало уделяться укреплению дисциплины на фоне вое-низации карательных органов. Их роль в этом процессе получала официальную оценку. Региональное советское и партийно-хозяйственное руководство быстро почувствовало масштабы и значение создаваемой лагерной системы ОГПУ. Этому способствовали и их личные впечатления. Так, еще до создания ГУЛАГа в самом начале 1930 г. группа номенклатурных работников, в числе которых были секретарь Ленинградского обкома ВКП(б) С.М. Киров, председатель Ленинградского совнархоза Кодацкий, председатель треста «Апатит» Кондриков, член правления Мурманской железной дороги Чиркин и другие, посетили Северные лагеря особого назначения ОГПУ. В выписке из книги для записи впечатлений почетных посетителей Управления ими было, в частности, отмечено: «Работники ГПУ на Соловках, в Карелии и на Мурмане—это не только передовой отряд пролетариата, охраняющий революцию от ее врагов, но и создатели хозяйственной и культурной мощи края»²⁵. Не больше и не меньше—прямо-таки мессии от

Зимородок Е. «Плыви ты, наша лодка блатовая»//За решеткой. 2008. № 6. С. 14.

Цит. по: История сталинского ГУЛАГа. Т. 2. Док. № 9. С. 79-80.

культуры! Впрочем, в чем-то они, были, правы. Работники ГПУ, действительно, сумели прекрасно использовать «врагов советской власти» для хозяйственного и культурного развития края и в невероятно трудных условиях.

В местах лишения свободы вводилась практика регулярной аттестации всего начальствующего состава. Каждая такая кампания сопровождалась массовой кадровой «чисткой». Нетрудно понять, что вести целенаправленную агитационно-массовую пропагандистскую и культурно-воспитательную работу должны были люди, показывающие личный пример в труде, поведении в быту. Таких сотрудников в исправительно-трудовой системе работало гораздо меньше, чем хотелось бы их руководителям. В итоге случаи нарушений правил, а иногда и прямых преступлений, во многих учреждениях стали обыденностью.

В целях пресечения бесчисленных фактов служебной халатности, хищений и злоупотреблений были проведены обследования ряда учреждений ГУЛАГа, наиболее злостные нарушители привлечены к уголовной ответственности. Известно, что, например, надзиратели Бутырского изолятора ОГПУ А.Д. Чижиков, Ф.Г. Валов, П.Я. Хмелевский и И.В. Фомкин «вымогали у заключенных деньги и различные вещи, исполняли письменные и устные поручения подследственных по связи с лицами, находящимися на свободе»²⁶. Они же занимались незаконными передачами в изолятор разных вещей для заключенных. Такого рода преступная деятельность, конечно, нака-

зывалась. В частности, приказом ОГПУ от 12 июня 1931 г. № 317 уже названный Чижиков был приговорен к расстрелу, с заменой 10 годами заключения в концлагерь, а Валов, Фомкин и Хмелевский — к заключению в концлагерь сроком на 10 лет. Надзиратель Н.А. Фильков, избивший заключенного, осужден и направлен в концлагерь сроком на 3 года.

Из отчета Прокуратуры СССР за 1931 г. следовало, что в части должностных преступлений сотрудников органов ОГПУ, служивших в лагерной системе, наблюдался очевидный рост. Факты злоупотребления властью пытались объяснить количественным увеличением личного состава периферийных органов за счет молодых сотрудников, «не прошедших соответствующей практической школы и не успевших выработать в себе достаточной этической закалки»²⁷. В течение 1931 г. Коллегия ОГПУ рассмотрела 931 дело о должностных преступлениях сотрудников ОГПУ, по которым осуждено 1285 человек. Еще в отношении 123 — дела прекращены, а в отношении 30 человек — переданы в суд. И это без учета дел, закончившихся дисциплинарным взысканием без увольнения из органов ОГПУ.

По числу учреждений и судебных приговоров наиболее распространенным видом лишения свободы было направление в исправительно-трудовые дома. Особенностью режима в них являлось сочетание обязательного труда заключенных с усиленной культурно-просветительной работой. С этой точки зрения любопытно официальное

История сталинского Гулага. Собр. док. в 7 т. М., 2004. Т. 1. Док. 18. С. 91.
См.: Там же. С. 96.

высказывание одного из высших руководителей государства М.И. Калинина, полагавшего, что сотрудники мест лишения свободы «из административных чиновников, которые наказывают за совершенные преступления, будут делаться педагогами, их роль будет педагогически-воспитательная»²⁸.

Сотрудниками центрального аппарата НКВД РСФСР фактически перед самой ликвидацией ведомства был предоставлен доклад, который лег в основу Постановления ВЦИК и СНК СССР от 20 марта 1930 г. «О состоянии производственной и культурно-воспитательной работы в местах заключения и об организации принудительных работ без содержания под стражей». Принимаемые меры были одобрены, однако проведение коллективизации вновь обострило ситуацию в пенитенциарных учреждениях. Доля «классово чуждых пролетариату элементов» в местах лишения свободы, не превышавшая в 1929 г. 3–4 %, в 1931 г. возросла до 35 %. В связи с этим при организации культурно-просветительной работы особое внимание обращалось на заключенных из числа рабоче-крестьянской молодежи, а за наблюдательными комиссиями сохранялись функции общественного контроля.

Поскольку выделяемые учреждениям бюджетные средства были весьма ограничены, рекомендовалось для развития библиотечного фонда в местах лишения свободы проводить трудовые субботники, заработок от которых направлялся бы на приобретение книг, подписку на газеты и журналы. Инте-

ресна спецификация книг. Так, в 1932 г. на полученные средства были приобретены издания: 26 % — политического характера, 29 — производственно-технического, 13 — научно-популярных и учебных, 31,6 % — беллетристика²⁹. Как видим, художественная литература и периодика были у тюремно-лагерного руководства не в почете.

Нередко просветительная работа носила формальный характер. Современники отмечали: «Бессистемное чтение не может произвести перелома в этической сфере убийцы, налетчика или привычного вора-рецидивиста. Для такого рода положительного психологического перелома нужен индивидуальный осторожный подход»³⁰. Подразумевалось, что такой подход будут осуществлять сотрудники мест лишения свободы. Но следует признать: являясь «плотью от плоти народа», они сами были крайне низко образованы. Так, например, в Рязанской школе усовершенствования начсостава рабоче-крестьянской милиции средний уровень общего образования составлял 4 класса. А ведь здесь речь идет о тех начальниках, которые выдвигались на вышестоящие руководящие должности! Что уж говорить о тех, кто непосредственно контактировал с заключенными.

В целях привития чувства коллективизма политико-воспитательная работа проводилась культсоветом, избираемым из числа лиц, лишенных свободы, под председательством помощника начальника места лишения свободы по политико-воспитательной работе (ПВР).

²⁸ Цит. по Упоров И.В. Наказание в виде лишения свободы в Советском государстве. Краснодар, 2000. С. 11.

²⁹ См.: История уголовно-исполнительной системы России (к 130-летию УИС). М., 2009. С. 81.

³⁰ Гриневский М. Театр, музыка, пение, кино, радио в местах лишения свободы // От тюрем к воспитательным учреждениям. М., 1934. С. 183.

Культсовет избирался на общем собрании. «Классово-враждебные элементы» на руководящую работу в ячейки самоуправления и общественные организации не избирались. В изоляторах организация товарищеских судов не предусматривалась, а формирование команд надзора из числа подследственных допускалось только с разрешения ГУИТУ и УИТУ.

Разраставшаяся система исправительно-трудовых лагерей не только устраивала высшее партийно-политическое руководство СССР, но и негласно рассматривалась как одно из неменных условий поддержания высоких темпов строительства экономической базы социализма. Первоначально любое достижение лагерных трудармейцев поощрялось на самом высоком уровне. Так, окончание строительства Беломорско-Балтийского канала ознаменовали награждением орденами наряду с руководителями объектов и рядовых заключенных. Кроме того, были восстановлены в гражданских правах 500 человек, сокращен срок наказания более 59,5 тыс. осужденных, а около 12,5 тыс. — досрочно освобождены. Однако позже подходы к решению этого вопроса были пересмотрены. В связи с завершением строительства канала Москва—Волга ударники труда из числа заключенных поощрялись лишь денежными премиями, значками, пачкой табака или кульком конфет.

Эти принципы нашли отражение в ИТК РСФСР, утвержденном Постановлением ВЦИК и СНК РСФСР от 1 августа 1933 г. Кодекс требовал заменить культурно-просветительную работу обязательной политико-воспитательной ра-

ботой, которая наряду с физическим трудом становилась важнейшим средством перевоспитания заключенных. Работа и жизнь в условиях трудового коллектива, приобщение к участию в социалистическом строительстве оценивались мощнейшими пенитенциарными средствами воздействия на преступный элемент. Насколько эффективны эти формы воздействия, мнения расходятся. В отличие от официальных лиц, высоко оценивших результаты политико-воспитательной работы, заключенные считали по-другому. Так, известный писатель, много лет проведенный в лагерях, Варлам Шаламов утверждал, что «лагеря — отрицательная школа жизни целиком и полностью... Каждая минута лагерной жизни — отравленная минута. Заключенный приучается там ненавидеть труд — ничему другому и не может он там научиться. Он обучается там лести, лганью, мелким и большим подлостям, становится эгоистом»³¹. Впрочем, любое место лишения свободы можно охарактеризовать не лучше, потому что тюрьма она тюрьма и есть.

Всех заключенных, исходя из их политических взглядов, разделили на три группы. К категории «А» относили «лояльных», то есть тех, которые пересмотрели свои прежние политические воззрения и были готовы искренне и добросовестно служить советской власти. В категорию «Б» определили лиц, озлобленных заключением, оставшихся на враждебных позициях, но внешне этого не проявлявших. В категорию «В» включили наиболее «злостных» заключенных, которые особенно и не старались скрыть свою неприязнь к советской вла-

сти, вели контрреволюционную работу в условиях заключения. Исходя из этой градации под прикрытием политико-воспитательного воздействия пытались наладить углубленное агентурное наблюдение за ними в целях разработки отрицательных и вредных для работы лиц и фактов и их своевременной нейтрализации.

К лицам, находившимся в местах лишения свободы, в качестве общественно-воспитательного воздействия применялись следующие дисциплинарные меры: замечание; замечание с предупреждением; выговор, заносимый в личное дело; возмещение причиненного ущерба; лишение на срок до одного месяца свиданий, права получения передач или распоряжения числящимися на счету деньгами. Такие меры могли налагаться только письменными постановлениями и лишь после проведения соответствующей проверки. Однако есть немало оснований предполагать, что декларируемые правила часто были далеки от реализуемой практики. ГУЛАГ

изображался как место гуманного «исправления преступников». Как отмечалось исследователями, в 30-е годы «хорошее поведение» граждан легко можно было истолковать иначе. Оно не могло никого защитить ни от ГУЛАГа, ни от расстрела. Даже самые честные руководители автоматически превращались в разрушителей закона.

Таким образом, из всех многообразных форм культурно-массовой и политико-воспитательной работы в 20-е — начале 30-х гг. только мероприятия по ликвидации безграмотности дали массовый и повсеместный положительный эффект. Большинство остальных форм просветительного воздействия на заключенных лишь в отдельных учреждениях достигали ожидаемого результата. Чаще всего такого рода деятельность руководства лагерей, изоляторов и колоний имела своей целью поставить в очередном отчете очередную «галочку».

Психологический анализ мотивации преступных действий несовершеннолетних правонарушителей при совершении групповых и индивидуальных деликтов

Ф.С. Сафуанов, Е.В. Васкэ

Аннотация: в статье рассматриваются вопросы, связанные с соотношением понятий «юридический мотив» и «психологическая мотивация» при выявлении детерминант противоправного поведения несовершеннолетних в уголовном процессе. Приводятся результаты

эмпирического исследования; анализируются виды мотивации преступных действий несовершеннолетних при совершении групповых и индивидуальных деликтов корыстного, корыстно-насильственного, насильственного и сексуального типов.

сти, вели контрреволюционную работу в условиях заключения. Исходя из этой градации под прикрытием политико-воспитательного воздействия пытались наладить углубленное агентурное наблюдение за ними в целях разработки отрицательных и вредных для работы лиц и фактов и их своевременной нейтрализации.

К лицам, находившимся в местах лишения свободы, в качестве общественно-воспитательного воздействия применялись следующие дисциплинарные меры: замечание; замечание с предупреждением; выговор, заносимый в личное дело; возмещение причиненного ущерба; лишение на срок до одного месяца свиданий, права получения передач или распоряжения числящимися на счету деньгами. Такие меры могли налагаться только письменными постановлениями и лишь после проведения соответствующей проверки. Однако есть немало оснований предполагать, что декларируемые правила часто были далеки от реализуемой практики. ГУЛАГ

изображался как место гуманного «исправления преступников». Как отмечалось исследователями, в 30-е годы «хорошее поведение» граждан легко можно было истолковать иначе. Оно не могло никого защитить ни от ГУЛАГа, ни от расстрела. Даже самые честные руководители автоматически превращались в разрушителей закона.

Таким образом, из всех многообразных форм культурно-массовой и политико-воспитательной работы в 20-е—начале 30-х гг. только мероприятия по ликвидации безграмотности дали массовый и повсеместный положительный эффект. Большинство остальных форм просветительного воздействия на заключенных лишь в отдельных учреждениях достигали ожидаемого результата. Чаще всего такого рода деятельность руководства лагерей, изоляторов и колоний имела своей целью поставить в очередном отчете очередную «галочку».

Психологический анализ мотивации преступных действий несовершеннолетних правонарушителей при совершении групповых и индивидуальных деликтов

Ф.С. Сафуанов, Е.В. Васкэ

Аннотация: в статье рассматриваются вопросы, связанные с соотношением понятий «юридический мотив» и «психологическая мотивация» при выявлении детерминант противоправного поведения несовершеннолетних в уголовном процессе. Приводятся результаты

эмпирического исследования; анализируются виды мотивации преступных действий несовершеннолетних при совершении групповых и индивидуальных деликтов корыстного, корыстно-насильственного, насильственного и сексуального типов.

Ключевые слова: мотивация, мотив, групповые преступления, индивидуальные деликты, противоправное поведение, несовершеннолетний правонарушитель.

Summary: *this article discusses issues related to the ratio of the terms «legal reason» and ((psychological motivation)) in identifying the determinants of the wrongful conduct of minors in criminal proceedings. The results of empirical research, examines types of motivation criminal acts of juveniles in the commission of torts group and individual self-serving, selfish and violent, violent and sexual types.*

Keywords: *motivation, motive, the crime group, individual torts, wrongful conduct, the juvenile offender.*

Преступность несовершеннолетних в современной России с конца 90-х годов прошлого столетия продолжает изменяться в худшую сторону. Увеличилось количество особо тяжких преступлений и число подростков, совершающих противоправные действия в одиночку; сохранилась тенденция к росту рецидивной преступности несовершеннолетних, ее феминизации и увеличению доли учащихся и студентов в социальном составе подростков-правонарушителей. Несмотря на некоторое снижение уровня подростковой преступности на фоне сокращения общего числа преступлений в стране за последние два года, качественное ее изменение в виде повышения криминальной самостоятельности и инициативности несовершеннолетних, расширения социально-демографических характеристик подростков-правонарушителей, изменения мотивов противоправных действий и механизмов совершения право-

нарушений, выглядит все более угрожающе, выступая одной из серьезнейших социально-правовых проблем государства и общества.

В то же время подход законодателя к ответственности несовершеннолетних в настоящее время носит гуманистический характер, отражая принятые Россией Руководящие принципы ООН для предупреждения преступности среди несовершеннолетних (Эр-Риядские руководящие принципы) и Минимальные стандартные правила ООН, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинские правила). В соответствии с гуманистическими принципами правосудия, несовершеннолетний правонарушитель выступает как субъект реабилитации при преимущественном применении к нему принудительных мер воспитательного воздействия, а при назначении наказания — мер уголовной ответственности, не связанных с лишением свободы (ст. 88-90, 92 УК РФ).

Действенность воспитательного эффекта при применении к несовершеннолетнему правонарушителю процессуальных мер воздействия соизмерима с тяжестью содеянного и обстоятельствами правонарушения и обусловлена факторами, детерминирующими противоправное поведение подростка. В связи с этим судебно-следственные органы призваны исследовать не только формальную, юридическую, но и социальную сторону совершения преступления подростком, в каждом конкретном случае выявляя истинные причины совершения преступления, исходя в первую очередь из особенностей личности несовершеннолетнего.

Оценка судебно-следственными органами особенностей личности несовер-

шеннолетнего правонарушителя в соответствии со ст. 88, ч.1 ст. 89 УК РФ и ч. 1 ст. 421 УПК РФ производится посредством изучения условий его жизни, воспитания, влияния на него старших по возрасту лиц, что не раскрывает в полной мере индивидуальных характеристик подростка. В центре внимания внутренней картины преступления, совершенного несовершеннолетним, находится его личность и детерминанты антиобщественного поведения, которые в соответствии с действующим законодательством выявляются посредством определения мотивов совершения преступления как побуждений, направляющих и придающих личностный смысл криминальной деятельности. При этом мотивы как уголовно-правовая категория (месть, корысть, хулиганские побуждения, низменные побуждения, ревность, неприязненные отношения и др.) также не выявляют в полной мере индивидуальных характеристик несовершеннолетнего, а следовательно, их определение не дает полного представления о детерминантах противоправного поведения подростка.

Например, при совершении несовершеннолетним кражи (ч. 1 ст. 158 УК РФ) мотивом, определяющим его противоправное поведение в уголовно-правовом смысле, выступает корысть. Однако противоправное поведение несовершеннолетнего при совершении кражи чужого имущества может быть детерминировано разными мотивами (удовлетворения витальных потребностей в обеспечении элементарной жизнедеятельности, гедонических потребностей, потребностей в самоутверждении и т. д.) в зависимости от внешних, ситуационных и личностных факторов. Кроме того, противоправное

поведение несовершеннолетних носит, как правило, полимотивированный характер, обусловленный совокупностью как осознанных, так и неосознаваемых мотивов.

Понятие мотива в уголовном праве и в юридической психологии не совпадает, но и мотив как психологическая категория в полной мере не определяет индивидуальных характеристик личности — один и тот же мотив как внутреннее побуждение может реализовываться в разных видах деятельности [11]. Многомерная и строго иерархизированная система мотивов, имеющая «тесную связь с психическими свойствами и состояниями личности, образует ее мотивационную сферу (мотивацию) как высшую психическую, социально детерминированную функцию, находящуюся в постоянном развитии под воздействием внешней среды и сознания человека» [15, с. 220]. В психологическом смысле понятие мотивации значительно шире понятия мотива, поэтому определение мотивации действий несовершеннолетних в юридически значимых ситуациях позволяет наиболее полно раскрыть индивидуальность подростка как комплекс «индивидуальных» [1] свойств конкретного субъекта, характеризующихся психофизиологическими свойствами личности, особенностями мотивационной сферы, связанных с ней потребностей и субъективно-личностными отношениями [12].

Проблеме изучения мотивации как детерминирующего фактора в поведении личности посвящено множество исследований в области как общей, педагогической, юридической психологии, так и юриспруденции. Так, по мнению В.Д. Шадрикова [21], мотивация обусловлена

рядом факторов (потребностями и целями, уровнем ее притязаний и идеалами, условиями деятельности и мировоззрением, убеждениями и направленностью личности), под действием которых и происходит процесс формирования намерения, а затем — принятия решения. Е.П. Ильин [7] рассматривает мотивацию как динамический процесс формирования мотива. В.Г. Леонтьев [10] выделяет два типа мотивации: первичную, проявляющуюся в форме потребности, влечения, инстинкта, и вторичную — в форме мотива. И.А. Джидарьян [5] видит в мотивации процесс действия мотива — механизма, определяющего возникновение, направление и способности осуществления конкретных форм деятельности. К.Е. Игошев [6] утверждает, что мотивация — это метод самоуправления личности через систему устойчивых побуждений (через мотивы). Ю.В. Чуфаровский [20] под мотивацией понимает систему побуждений человека, направленных на достижение конкретных целей. В.В. Романов [15], считая мотивацию синонимом понятия «мотивационная сфера», обозначает ее как процесс формирования мотива, приведения его в действие, процесс непрерывного взаимного влияния субъекта действия и ситуации. В.Д. Филимонов [18] определяет мотивацию как процесс формирования мотива поведения, Н.Ф. Кузнецова [9] — как сложную, противоречивую и изменчивую систему, Г.Г. Шиханцов [22] отождествляет понятия «мотив» и «мотивация», понимая под мотивом внутреннее побуждение человека к тому или иному действию.

Поскольку поведенческий акт и включенные в него психические процессы представляют единую систему [12], по-

ведение целесообразно рассматривать «как поток активности со сменой мотивации в постоянно изменяющихся средовых условиях», а мотивацию — «как непрерывное взаимодействие личностных и ситуационных факторов» [16, с. 236-238]. На базе одних мотивов, носящих как осознанный, так и неосознаваемый характер, формируются другие, возникает их взаимное усиление или ослабление, изменяется соотношение доминирующих и второстепенных мотивов. В связи с этим *психологической мотивацией противоправного поведения несовершеннолетних* мы считаем *совокупность мотивов как динамического образования, формирующегося, изменяющегося и реализуемого в преступной деятельности под воздействием как внешних (средовых), так и внутренних (личностных) факторов*. При этом под воздействием со стороны средовых факторов, носящих устойчивый или ситуационный характер, мы понимаем влияние, исходящее как от социума в целом, так и от микросоциального окружения несовершеннолетнего в частности, а под личностными — изменяющуюся под действием внешних факторов ценностную сферу взрослеющей личности подростка, систему ее взглядов и установок.

Как правило, исследователи подростковой преступности причиной насильственных и корыстных преступлений считают мотивы самоутверждения, попытки завоевания подростком авторитета, личного статуса в группе сверстников (утверждение через насилие и потребление). Так, В.Л. Васильев выделяет несколько категорий мотивов преступного поведения: неосознаваемые мотивы, которые свойственны определенному типу личности, характеризую-

щиеся переоценкой значимости своей личности, агрессивным отношением к окружающей среде, неустойчивостью настроения (лица, ведущие бездомный, паразитический образ жизни); компенсаторные или гиперкомпенсаторные мотивы, связанные с развитием комплекса неполноценности, неадекватностью, ущемленностью личности; мотивы, связанные с отсроченным во времени действием закрепившегося в детстве по механизму импринтинга травматического опыта; мотивы, присущие личности с психической патологией, не исключая вменяемости, «когда у субъекта возникает сильнейшее стремление совершить поступок, который сам он расценивает как совершенно недопустимый» [2, с. 403].

Г.Г. Шиханцов считает преступное поведение несовершеннолетних преимущественно полимотивированным, состоящим из мотивов вымещения своей агрессии, озлобленности на посторонних лицах, мотива замещения (снятие напряжения) и мотива ложного самоутверждения путем унижения, подавления личности других, насилия над ними, гиперкомпенсации [22, с. 133]. Л.Б. Филонов полагает, что «в структуре побуждений насильственной мотивации преобладает потребность в самоутверждении подростка» [19, с. 346].

К мотивации корыстных преступлений, совершенных трудными подростками с устойчивым противоправным поведением, И.А. Горьковая относит «инфантильные, «общегуманные» мотивы: стремление к подражанию отрицательным шаблонам референтной группы; обеспечение жизнедеятельности; стремление к материальному обогащению; воровство, к которому принуждают

взрослые» [4, с. 18]. По мнению К.Е. Игошева, в основе многих корыстных преступлений, совершаемых подростками, лежат осознанные мотивы ложной престижности, реализуемые через потребительство; месть, озлобление; жадность, желание приобрести материальные блага; стремление завоевать авторитет у товарищей; подражание другим лицам; принуждение к совершению преступления; желание скрыть другое преступление [6, с. 22-64].

Проведенные нами исследования расширили спектр мотиваций преступного действия несовершеннолетних, совершающих как групповые, так и индивидуальные деликты. Предметом исследования стало поведенческое реагирование подростков до, во время и после совершения деликта, детерминируемое его ведущими психологическими мотивациями. Эмпирический материал исследования составили 317 однородных судебно-психологических экспертиз, проведенных за период с 2001 по 2008 год в рамках расследования по уголовным делам, возбужденным в отношении несовершеннолетних, обвиняемых в преступлениях, предусмотренных ст. 105, 111, 131, 132, 158, 161, 162 УК РФ (корыстные, корыстно-насильственные, насильственные и сексуальные деликты).

Объектом исследования стали 343 несовершеннолетних обвиняемых из г. Нижнего Новгорода и Нижегородской области в возрасте от 14 до 18 лет (из них 42 девушки), совершившие уголовно наказуемые деяния как в группе, так и индивидуально (некоторые подростки были субъектами одного и того же уголовного процесса, обвиняясь в совершении группового деликта). Все несо-

вершеннолетние обвиняемые, по заключениям экспертов-психиатров в рамках проведения судебно-психиатрических экспертиз по данным уголовным делам, были признаны психически здоровыми, способными осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий и руководить ими. По заключениям эксперта-психолога ни у одного из несовершеннолетних обвиняемых не было выявлено отставания в психическом развитии. Общая характеристика личности несовершеннолетних преступников основывалась на социально-демографических, криминологических данных и диагностике индивидуально-психологических особенностей подростков.

Психологическое исследование личности несовершеннолетних обвиняемых включало в себя использование экспертом-психологом многих методов в рамках проведения судебно-

психологического исследования: анализ материалов уголовного дела, метод обобщения независимых характеристик, биографический метод, метод наблюдения и беседы, психодиагностический метод (набор методик для определения уровня развития познавательной деятельности, метод ММРІ, патохарактерологический опросник Личко, тест фрустрационной толерантности Розенцвейга, метод портретных выборов Сцонди, тест цветовых отношений, тематический апперцептивный тест, личностный опросник Кеттелла, цветовой тест Люшера, тест Айзенка) [3].

Проведенные исследования показали, что большее число преступлений совершается психически здоровыми подростками в группе с применением насилия, в то время как в общей доле преступности несовершеннолетних значительный удельный вес занимают корыстные преступления, совершаемые

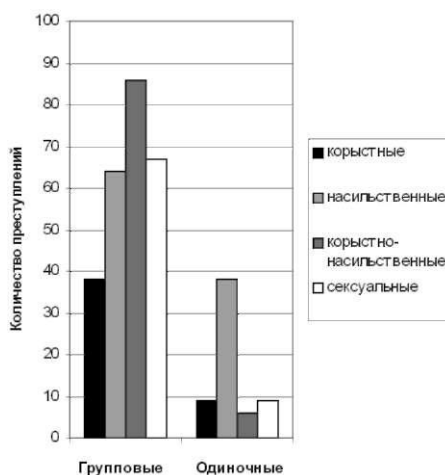

Рис. 1. Количественное соотношение групповых и индивидуальных деликтов, совершенных психически здоровыми подростками

несовершеннолетними с какой-либо психической патологией (различная степень умственной отсталости, нарушения поведения и т. д.).

На приведенной диаграмме (рис. 1) видно, что среди правонарушений, совершенных подростками, не имеющими какой-либо психической патологии, больше всего насильственных или корыстно-насильственных деликтов, совершенных в группе (80 против 20 %),

что вполне понятно: как сплоченная, так и ситуационно возникшая подростковая общность «Мы» облегчает формирование мотивации преступного действия, субъективно снижая степень ответственности каждого отдельно взятого члена группы. Под воздействием группового мнения правовые, нравственные взгляды подростков, их правосознание значительно легче подвергаются деформации, делая приемлемыми противо-

Сравнительный анализ мотиваций совершения групповых и индивидуальных деликтов		
	Деликты	
	групповые	одиночные
Корыстные	Мотивация удовлетворения витальных потребностей для обеспечения жизнедеятельности	Мотивация удовлетворения витальных потребностей для обеспечения жизнедеятельности
	Ситуационно возникающие мотивации обогащения	
	Мотивация девиантной идентичности	Мотивация удовлетворения гедонических потребностей
	Мотивация удовлетворения гедонических потребностей посредством применения одурманивающих веществ	
Корыстно-насильственные	Первичная корыстная	Первичная корыстная
	Первичная насильственная	
Сексуальные	Мотивация удовлетворения гедонических потребностей, связанных с первичными сексуальными влечениями	Мотивация удовлетворения первичных физиологических потребностей
	Сексуально-корыстная мотивация	
	Мотивация наказания	Мотивация отмщения
Насильственные	Мотивация замещения	Аффективная мотивация
	Религиозная, оккультная или националистическая мотивация	
	Мотивация вымещения	Мотивация вымещения

правные формы поведения. Совершенно очевидно, что если подросток попадает в уже организованную преступную

группу, мотивация совершения противоправных действий становится устойчивой в очень короткий промежуток време-

ни. При этом конформное поведение несовершеннолетних правонарушителей в группе может быть детерминировано и психологическим заражением агрессией отдельных ее членов.

Механизмы совершения деликтов подростками в группе и единолично существенно разнятся, что обусловлено, в первую очередь, мотивацией преступного действия. Как видно из приведенной таблицы, из 19 выявленных в ходе исследования психологических мотиваций преступного действия при совершении подростками групповых и индивидуальных деликтов, совпадение составили лишь три из них—при корыстном, корыстно-насильственном и насильственном типах преступлений.

Процентное соотношение деликтов, совершенных подростками с мотивациями преступного действия, характерными как для индивидуальных, так и для групповых преступлений, продемонстрировало существенное преобладание правонарушений с применением насилия. Так, мотивация удовлетворения витальных потребностей для обеспечения жизнедеятельности при совершении подростками корыстных преступлений составила лишь 3,2 % от общего числа деликтов (2,3 % при групповых и 0,9 % при одиночных); первичная корыстная мотивация, характерная для корыстно-насильственных деликтов,—25,8 % от общего количества совершенных правонарушений (24 % при групповых и 1,8 % соответственно); мотивация «вымещения» при насильственном типе преступлений — 13,2 % (8,6 % и 4,6 % соответственно).

Анализ преступного поведения подростков показал, что в большинстве случаев оно носит характер полимотивиро-

ванного при наличии ведущего, доминирующего мотива. Например, мотивация девиантной идентичности, характерная для групповых деликтов, представляет собой совокупность гиперкомпенсаторных мотивов, мотивов самоутверждения и мотивов соответствия установкам группы; мотивация вымещения при совершении групповых преступлений—совокупность неосознаваемых мотивов, связанных с потребностью в реализации накопленного потенциала агрессии, а также мотивация при совершении индивидуального преступного действия—комплекс неосознаваемых и гиперкомпенсаторных мотивов.

Взаимосвязь и взаимозависимость индивидуальных характеристик подростка, механизма и способа совершения деликтов подростками в группе или единолично отчетливо видна из анализа мотиваций преступных действий несовершеннолетних при совершении сексуальных преступлений. Например, схожие по названию мотивация удовлетворения гедонических потребностей, связанных с первичными сексуальными влечениями, при совершении групповых «сексуальных» преступлений и мотивация удовлетворения первичных физиологических потребностей, характерная для одиночных деликтов, несут совершенно разную смысловую нагрузку. Так, при совершении групповых сексуальных преступлений указанная мотивация включает в себя мотивы удовлетворения физиологических потребностей, связанных с первичными сексуальными влечениями, обусловленные возрастом пубертата, сопряженные с сопутствующими им мотивами развлечения. В таких случаях подростки получают наслаждение не столько от собственно сексуальных

действий, сколько от глумления над беззащитной жертвой, самоутверждаясь в глазах друг друга.

Преступления подобного рода однотипны по механизму совершения, независимо от того, кто является потерпевшим — малолетний мальчик или несовершеннолетняя девочка, вынужденная выполнять требования насильников. Нередки случаи, когда несовершеннолетние преступники выбирают себе постоянных жертв из числа малолетних или несовершеннолетних субъектов, не способных постоять за себя. Жертвами подобных преступлений могут быть и подростки среднего пубертатного возраста мужского пола—изгои в среде сверстников, подвергающиеся на протяжении определенного промежутка времени сначала физическому насилию, а затем и сопряженному с ним сексуальному.

В нашей экспертной практике неоднократно встречались случаи, когда неустойчивая, ситуационно возникшая и быстро сплотившаяся группа подростков систематически совершала насильственные действия сексуального характера в отношении выбранной жертвы из своего микросоциального окружения. Подобные преступления совершаются как в колониях для несовершеннолетних, местах их временного содержания, коллективах различных технических училищ, школах и даже в больницах, где подростки проходят курс лечения. При этом мотивация удовлетворения гедонических потребностей, связанных с первичным сексуальным влечением, может возникать у подростков и спонтанно при осознании слабости и беззащитности жертвы. Потерпевшим может стать не только несовершен-

летний субъект, но и взрослый человек, в силу тех или иных причин находящийся в беспомощном состоянии. Преступления с указанной мотивацией совершаются группами подростков, членами которых могут быть как трудные подростки, так и несовершеннолетние из социально-благополучных семей, которые, ощутив безнаказанность от первые содеянного, сплоченные общностью «Мы», с готовностью идут на аналогичные преступления.

Одиночные сексуальные деликты с мотивацией удовлетворения первичных физиологических потребностей совершаются, как правило, социально-педагогически запущенными подростками старшего пубертатного возраста в отношении знакомых им девочек с асоциальными формами поведения в ходе совместного отдыха, сопряженного с распитием спиртных напитков. При этом поведение потерпевшей не носит характера провоцирующего или псевдопровоцирующего [13] — несовершеннолетний преступник субъективно воспринимает потерпевшую как доступную мишень для реализации своих низменных потребностей. Устойчивыми индивидуально-психологическими особенностями несовершеннолетних правонарушителей данной категории являются следующие: самодостаточность, агрессивность, импульсивность, лидерские черты, низкое чувство вины.

Противоположными характерологическими особенностями обладают несовершеннолетние преступники, тоже совершающие сексуальные преступления единолично, но с мотивацией отмщения. Это жертвы нераскрытых сексуальных преступлений, то есть несовершеннолетние, которые в тот или иной промежу-

ток времени были объектами подобных надругательств. Подобных подростков, в отличие от описанной выше категории, отличают ведомость, зависимость, трусость, неспособность постоять за себя, несформированность волевых качеств и мужских черт характера при наличии в личностной структуре такой устойчивой характерологической особенности, как скрытая агрессивность. Эти подростки — всегда изгои в среде сверстников, с периода младшего пубертатного возраста подвергающиеся насмешкам и издевательствам со стороны ровесников. Единственной формой противодействия для личности таких безвольных, трусливых и унижаемых сверстниками подростков может стать гиперкомпенсация, когда фрустрированные на протяжении определенного промежутка времени потребности в самоуважении и самоутверждении оказываются неудовлетворенными. Именно поэтому несовершеннолетние преступники данной категории совершают сексуальные преступления в отношении малолетних детей, которые не могут оказать им сопротивления.

Результаты проведенного исследования подтвердили тот факт, что в настоящее время преступные деяния осуществляются психически здоровыми несовершеннолетними с различными социально-демографическими данными — и трудными, депривированными подростками из социально неблагополучных семей, и несовершеннолетними из семей, имеющих социально позитивный статус. Например, религиозная, оккультная или националистическая направленность мотивации при совершении групповых насильственных преступлений характерна именно для подростков, выросших в социально

благополучных семьях. Несовершеннолетними данной категории являются и члены деструктивных культов (например, сатанисты), и члены националистических организаций агрессивного толка (скинхеды), и несовершеннолетние, вовлеченные в террористические организации взрослых преступников под знаменем «чистого ислама». Данные преступные образования отличаются устойчивостью, большая или средняя численность, сплоченность, прочность общности «Мы», сформированной на упорно внедряемых в сознание подростков идеологических установках.

Так, члены группировок скинхедов — это почти всегда подростки из социально благополучных семей, в их поведении не бывает признаков социально-педагогической запущенности, у них не возникает серьезных конфликтов с учителями и даже с родителями. Со сверстниками, не принадлежащими к их группировке, но и не вызывающими у них эмоций идеологической неприязни, такие подростки общаются хотя и формально, но бесконфликтно. Обычно они хорошо учатся, уровень развития их познавательной деятельности, как правило, достаточно высок, что легко объяснимо — принадлежность к подобной группировке предполагает полное погружение в ее идеологию с изучением соответствующей литературы.

Типичными для трудных подростков являются групповые преступления, совершаемые с иными мотивациями: корыстные деликты с мотивацией удовлетворения витальных потребностей для обеспечения жизнедеятельности при немедленном использовании полученных средств и с мотивацией девиантной идентичности; с мотивацией замещения или вымещения при совер-

шении насильственных преступлений; с первичной насильственной мотивацией при осуществлении деликтов корыстно-насильственного типа. К индивидуальным деликтам, совершаемым исключительно трудными подростками, можно отнести корыстные преступления с мотивацией удовлетворения витальных потребностей для обеспечения жизнедеятельности при немедленном использовании полученных средств; с первичной корыстной мотивацией при осуществлении преступных действий корыстно-насильственного типа и с мотивацией удовлетворения первичных физиологических потребностей — при сексуальных преступлениях.

Преступления, совершаемые подростками единолично, по степени проявления жестокости достаточно часто не уступают групповым деликтам. Весьма показательны в этом плане преступления, совершаемые несовершеннолетними с мотивацией вымещения, характерной как для групповых, так и для индивидуальных деликтов. В основе подобного рода преступлений лежат не осознаваемые подростками механизмы реализации накопленного в течение жизни потенциала агрессии. Озлобленность несовершеннолетних и жестокость по отношению к окружающим представляет собой результат импринтинга травматического опыта, пережитого подростками в раннем детстве или переживаемого до исследуемого периода. Причем негативные окрашенные эмоциональные переживания могут быть связаны как с психотравмами в семье подростка, так и с его взаимоотношениями в среде сверстников (отвергаемый, унижаемый или не получающий того признания в референтной группе, к которому он стремится).

Подростки с подобной мотивацией преступного поведения в группе всегда выявляют признаки социально-педагогической запущенности и асоциальную направленность поведения. По мере взросления асоциальная направленность поведения закономерно трансформируется в антисоциальную, и подростки реализуют свою агрессивность в насильственных преступлениях. Достаточно часто незначительная конфликтная ситуация с потерпевшим приводит к возникновению, на первый взгляд, спонтанной мотивации совершения особо тяжкого преступления. Подобные преступления могут производить впечатление безмотивных, но, как известно, любая деятельность, в том числе и преступная, детерминирована внешними и внутренними факторами. Особенности осознания мотивов зависят как от личностного фактора, так и от специфики той конкретной ситуации, в которой выступает индивид, а сдерживающими факторами, препятствующими немедленной реализации возникших у субъекта побуждений становятся его взгляды и установки, отражающие социальные нормы.

В исследуемых нами случаях совершения преступлений группой девиантных подростков социальные нормы отвергались, а установки как группы в целом, так и каждого ее члена носили ярко выраженный антисоциальный характер, поэтому мотивация совершения деликта под воздействием общности «Мы» возникла насколько быстро, настолько и легко, без участия каких-либо «внутренних тормозов». При этом говорить об отсутствии у таких подростков правонарушителей прогноза своих действий вследствие инфантилизма не при-

ходится, на что указывают (в подавляющем большинстве случаев) логичность и последовательность групповых действий преступников, а также их поведение во время проведения следственных действий. Мотивация вымещения, являясь глубинной и носящей не всегда осознанный характер, ни в коей мере не исключает наличия осознанно принятого, пусть даже спонтанно возникшего, решения у подростков на совершение группового преступления.

Более того, как показывает практика, действия членов преступных подростковых групп при совершении подобных преступлений характеризуются слаженностью и согласованностью, что свидетельствует о достаточно хорошем самоконтроле поведения у большинства членов группы. При отсутствии у подростков внутренней системы социального контроля, основанной на усвоении общественных, просоциальных ценностей, они контролируют, корректируют и координируют совместную преступную деятельность в соответствии с принятыми ими групповыми нормами, осознавая противоправность своих действий, прогнозируя возможность наказания за содеянное и пытаясь, в случае раскрытия преступления, избежать уголовной ответственности или смягчить ее.

Подобные подростковые преступные группы в большинстве своем бывают неустойчивыми, средней численности, однополыми или смешанными, как с внешней, так и с внутренней конформностью поведения. Подростки данной категории выявляют признаки социально-педагогической запущенности, обладая низким уровнем притязаний и соответствующим низким уровнем достижений. В их поведении с периода средне-

го пубертатного возраста преобладают инфантильно-гедонические хобби, у них отсутствует мотивация к обучению, нет планов на будущее. Совершению преступлений, как правило, предшествует распитие спиртных напитков, поэтому состояние алкогольного опьянения становится дополнительным провоцирующим фактором для возникновения агрессивных побуждений, вызванных мотивацией вымещения.

В основе преступлений с мотивацией вымещения, совершаемых подростком-одиночкой, также лежат неосознаваемые механизмы реализации накопленного в течение жизни потенциала агрессии, являющиеся результатом импринтинга травматического опыта, пережитого им в раннем детстве или переживаемым до исследуемого периода. Причем к психотравмирующему воздействию на личность подростка со стороны семьи в подобных случаях мы относим не только действия родителей, направленные на унижение или притеснение личности ребенка, но и проявление безучастности к его проблемам, равнодушия к его переживаниям, то есть эмоциональную депривацию.

Если в случае совершения групповых преступлений с мотивацией вымещения подростки выявляют признаки глубокой социальной и педагогической запущенности, то в случае совершения одиночных деликтов с той же мотивацией несовершеннолетние могут быть выходцами из социально благополучных семей в общепринятом понимании. В подобных случаях при наличии эмоциональной депривации в семье подростка мотивация вымещения носит характер неосознаваемой, формируясь по гиперкомпенсаторному типу, вследствие чего агрессивные действия преступника могут быть

направлены и на случайную жертву при отсутствии даже малейшей конфликтной ситуации. Подобных подростков отличают заниженная самооценка, неразвитость волевого компонента при наличии скрытой агрессивности, озлобленности и жестокости как устойчивых личностных особенностей. Большое количество единоличных преступлений с мотивацией вымещения совершается подростками, находящимися в состоянии алкогольного опьянения, которое усиливает ситуационное смысловое восприятие создавшейся конфликтной ситуации и «не столько снимает личностный контроль над агрессивностью, сколько обнаруживает уже существующую дефицитарность тормозящих проявление агрессивных побуждений личностных структур» [16, с. 116].

Перечень приведенных нами психологических мотиваций преступных действий несовершеннолетних не является исчерпывающим, хотя определение вида мотивации совершения преступлений подростками остается крайне важным компонентом при комплексной оценке личности несовершеннолетнего правонарушителя. В конечном итоге правильно определенная мотивация

совершения преступления подростком позволяет осуществить дифференцированный подход к избранию мер пресечения, наказания или принудительных мер воспитательного воздействия в отношении несовершеннолетнего правонарушителя как субъекта реабилитации.

Литература

1. Ананьев Б.Г. Человек как предмет познания. Л., 1968.
2. Васильев В.Г. Юридическая психология: учеб. для вузов. 5-е изд., перераб. и доп. СПб., 2003.
3. Васкэ Е.В. Эволюция преступности несовершеннолетних в России: психолого-правовой анализ. М., 2009.
4. Горьковая И.А. Медико- и социально-психологические корреляты устойчивого противоправного поведения подростков: дис. ...-дра психол. наук. СПб., 1998.
5. Джидарьян И.А. Эстетическая потребность. М., 1976.
6. Игошев К.Е. Типология личности преступника и мотивация преступного поведения. Горький, 1974.
7. Ильин Е.П. Мотивация и мотивы. СПб., 2002.
8. Криминология: учеб. пособие/ под ред. В.Е. Эминова. М., 1997.
9. Кузнецова Н.Ф. Мотивация преступлений и тенденции ее изменения//Вопросы советской криминологии. Ч. 2. М., 1975.
10. Леонтьев В.Г. Психологические механизмы мотивации учебной деятельности. Новосибирск, 1992.
11. Ломов Б.Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. М., 1984.

Причины формирования мотивов девиантного поведения у сотрудников правоохранительных органов

А.И. Папкин

Аннотация: в статье раскрываются понятия и виды девиантного поведения, а также основные причины и факторы, оказывающие влияние на его формирование у сотрудников правоохранительных органов.

Ключевые слова: девиантное поведение, сотрудники правоохранительных органов, криминальная мотивация, делинквентное поведение, профессиональная идентичность.

направлены и на случайную жертву при отсутствии даже малейшей конфликтной ситуации. Подобных подростков отличают заниженная самооценка, неразвитость волевого компонента при наличии скрытой агрессивности, озлобленности и жестокости как устойчивых личностных особенностей. Большое количество единоличных преступлений с мотивацией вымещения совершается подростками, находящимися в состоянии алкогольного опьянения, которое усиливает ситуационное смысловое восприятие создавшейся конфликтной ситуации и «не столько снимает личностный контроль над агрессивностью, сколько обнаруживает уже существующую дефицитарность тормозящих проявление агрессивных побуждений личностных структур» [16, с. 116].

Перечень приведенных нами психологических мотиваций преступных действий несовершеннолетних не является исчерпывающим, хотя определение вида мотивации совершения преступлений подростками остается крайне важным компонентом при комплексной оценке личности несовершеннолетнего правонарушителя. В конечном итоге правильно определенная мотивация

совершения преступления подростком позволяет осуществить дифференцированный подход к избранию мер пресечения, наказания или принудительных мер воспитательного воздействия в отношении несовершеннолетнего правонарушителя как субъекта реабилитации.

Литература

1. Ананьев Б.Г. Человек как предмет познания. Л., 1968.
2. Васильев В.Г. Юридическая психология: учеб. для вузов. 5-е изд., перераб. и доп. СПб., 2003.
3. Васкэ Е.В. Эволюция преступности несовершеннолетних в России: психолого-правовой анализ. М., 2009.
4. Горьковая И.А. Медико- и социально-психологические корреляты устойчивого противоправного поведения подростков: дис. ...-дра психол. наук. СПб., 1998.
5. Джидарьян И.А. Эстетическая потребность. М., 1976.
6. Игошев К.Е. Типология личности преступника и мотивация преступного поведения. Горький, 1974.
7. Ильин Е.П. Мотивация и мотивы. СПб., 2002.
8. Криминология: учеб. пособие/ под ред. В.Е. Эминова. М., 1997.
9. Кузнецова Н.Ф. Мотивация преступлений и тенденции ее изменения//Вопросы советской криминологии. Ч. 2. М., 1975.
10. Леонтьев В.Г. Психологические механизмы мотивации учебной деятельности. Новосибирск, 1992.
11. Ломов Б.Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. М., 1984.

Причины формирования мотивов девиантного поведения у сотрудников правоохранительных органов

А.И. Папкин

Аннотация: в статье раскрываются понятия и виды девиантного поведения, а также основные причины и факторы, оказывающие влияние на его формирование у сотрудников правоохранительных органов.

Ключевые слова: девиантное поведение, сотрудники правоохранительных органов, криминальная мотивация, делинквентное поведение, профессиональная идентичность.

Summary: *this article describes the concept and types of deviant behavior, as well as the main causes and factors influencing its formation in POO staff.*

Keywords: *deviant behavior, lawenforcement, criminal motivation, delinquent behavior, professional identity.*

Проблемы выявления причин, профилактики и пресечения девиантного поведения сотрудников правоохранительных органов (ПОО) чрезвычайно актуальны. Важно установить основные факторы, влияющие на формирование девиантной и криминальной мотивации поведения ряда сотрудников ПОО.

Ведущая гипотеза при проведении исследований девиантности среди персонала ПОО заключается в предположении о том, что четкое понимание причин, тенденций и психологического механизма девиантного поведения, в том числе проблем формирования асоциальной мотивации у сотрудников ПОО, создает необходимые предпосылки для разработки комплекса методических рекомендаций, позволяющих повысить эффективность его профилактики.

Девиантное поведение представляет собой отклонение сотрудника ПОО от нормативного поведения, ведущее к нарушениям нравственных, правовых, этических, профессиональных, экономических и иных норм, изменение способов решения профессиональных и личностных задач, деформации отношений и образа жизни. Обычно такие нарушения норм ведут к отрицательным социальным последствиям, и в этом случае имеют в виду негативное девиантное поведение (*далее в статье употребляется сочетание «девиантное поведение»*. — А.П.). Кроме того, отклоне-

ния от принятых норм поведения могут проявляться в благородном поступке, самопожертвовании, героизме и других действиях, позволяя отнести их к позитивному девиантному поведению.

В предлагаемой статье проблемы мотивации рассматриваются в комплексном анализе развития негативного девиантного и криминального поведения, их взаимовлиянии и взаимосвязи. Можно обоснованно утверждать, что любое криминальное поведение является девиантным, но не любое девиантное поведение — криминальным. Криминологические исследования (А.И. Долгова, 2001) показывают, что различные виды негативного девиантного поведения, как правило, предшествуют формированию личностной криминальной готовности индивида, появлению у него криминальной (криминогенной) мотивации и приемлемости преступного образа жизни. Следовательно, реально существующие разновидности девиантного поведения должны изучаться в их взаимодействии и взаимосвязи.

По силе социальных негативных отклонений девиантное поведение может приобретать форму: нравственного или иного проступка, находящегося вне сферы правового регулирования; некриминального деликта (*лат. delictum — всякое правонарушение, юр.*), то есть административного, гражданского, дисциплинарного и иного правонарушения; криминального деликта или преступления.

Можно выделить *основные виды негативного девиантного поведения сотрудника ПОО*, которые позволяют раскрыть его содержание. К ним можно отнести: 1) отклоняющееся поведение различных лиц в форме нравственных,

этических, профессиональных и иных проступков, находящихся вне сферы правового регулирования: 2) делинквентное, противоправное поведение; 3) кондуктивное поведение; 4) аддиктивное поведение; 5) виктимное поведение; 6) суицидальное поведение; 7) поведение лица, основной причиной которого служат сексуальные перверсии; 8) дезадаптивное и не адекватное жизненным ситуациям поведение психически больных людей.

Отклоняющееся поведение в форме нравственных, этических, профессиональных и иных проступков, находящихся вне сферы правового регулирования, часто предшествует делинквентному, или противоправному, поведению и характеризует отклонения в действиях индивида, приводящих к нарушению норм морали, этики, правил общежития и др. Этот вид девиантного поведения является следствием недостатков в воспитании и образовании человека, его социализации, проявлением личностных кризисов в отношениях с другими людьми, изменения жизненных планов и мотивации, образа жизни и общения.

Делинквентное поведение (от лат. *delinquens (delinquents)* совершающий проступок—юр. правонарушитель) включает в себя большое число противоправных действий в виде *правонарушений* (гражданских, административных, трудовых, семейных и др.) и *преступлений*, предусмотренных уголовным законом.

Кондуктивное поведение включает в себя ряд нарушений признанных обществом норм, совершаемых вменяемыми лицами, имеющими определенные отклонения в психофизическом и интел-

лектуальном развитии (неврозы, акцентуации, реактивная агрессивность, психопатии, дебильность и др.), часто приводящие к дракам с другими людьми, повреждению государственной, общественной и частной собственности, хищениям и т. п. Кондуктивное поведение проявляется в различном социальном окружении (семья, образовательные учреждения, улица, производственная сфера и др.). Часто лиц с таким поведением определяют как социально дезадаптированных, или как девиантных.

Аддиктивное поведение характеризует образ жизни и поведенческие реакции лиц, имеющих ярко выраженную зависимость от алкоголя, наркотиков, иных психотропных веществ, табака, азартных игр и других агентов зависимости. Алкогольное и наркотическое опьянение часто относят к числу опасных состояний личности, становящихся причиной различных девиантных реакций.

Виктимное поведение представляет собой разновидность девиантного поведения (И.Г. Малкина-Пых, 2006; И.А. Папкин, 2004, 2006, 2009). Изучение уязвимого, виктимного поведения человека в различных условиях жизнедеятельности позволяет понять отклонения в поведении и ошибки в принятии решений жертвой (пострадавшим, потерпевшим) в той или иной ситуации жизнедеятельности (выполнения профессиональных обязанностей, проведения досуга, криминального насилия, нахождения в зоне вооруженного конфликта, стихийных бедствий, техногенных катастроф, аварий и т. п.), ведущих к физическим (ранения, телесные повреждения) и психическим травмам, имущественным потерям.

Суицидальное поведение характеризует склонность индивида к интрапунитивным реакциям, аутоагрессии, нанесению себе ранений или причинения смерти и может рассматриваться как разновидность девиантного поведения.

*Поведение лица, причинами которого служат имеющиеся у него сексуальные перверсии (лат. *perversion*—извращение),* то есть извращения полового влечения и способа его удовлетворения, характеризуется изменением *объекта сексуального удовлетворения* (в связи с чем выделяют гомосексуализм, педофилию, геронтофилию, зоофилию, некрофилию и др.) и *способов удовлетворения* сексуального влечения, которые часто носят насильственный и садомазохистский характер.

Дезадаптивное и не адекватное жизненным ситуациям поведение лиц с психическими аномалиями наблюдается у имеющих диагноз: шизофрения, маниакально-депрессивный психоз, эпилепсия, различные формы психопатии и др.

Мотивы любых поступков, и в частности, девиантных действий, выступают как побуждения к активности ради удовлетворения актуальной потребности и разрешения проблемной ситуации, затрагивающей личностные ценности и интересы индивида. К *девиантной*, а также *криминогенной мотивации* не могут быть отнесены любые побуждения, проявляющиеся в асоциальном деянии, поскольку одно и то же побуждение может выступить причиной принятия как правомерного, так и противоправного способа удовлетворения лицом потребности или разрешения определенной проблемной ситуации (Ю.М. Антонян, Б.С. Волков, М.И. Еникеев, В.Н. Куд-

рявцев, В.В. Лунеев, А.Н. Пастушеня и др.).

Мотивы любого поведения, в том числе девиантного или криминального, отражают существующие у индивида потребности. В юридической психологии принято положение о том, что мотивы личности «опредмечивают» имеющиеся потребности, позволяют выбрать цель действий и способы ее достижения, составить план своего поведения и прогнозировать возможный результат, а также факторы, определяющие вероятность неуспеха. Побуждая личность к определенной активности, потребности не являются чем-то изначально данным человеку, а формируются в процессе воспитания, в широком смысле—в процессе социализации, а их удовлетворение выступает в виде активной целенаправленной деятельности. Мотивы деятельности ведут к выработке определенной программы, планов по реализации конкретных действий с целью достижения намеченных целей.

Часто в современной психологии в связи с мотивацией поведения упоминается теория иерархии потребностей человека А. Маслоу. Эта иерархия имеет следующий вид: 1) в фундаменте пирамиды лежат физиологические потребности; 2) затем следуют потребности в физической и психологической безопасности; 3) потом—потребности в принадлежности и причастности к социальной группе (потребности в аффилиации); 4) потребности признания и самоутверждения; 5) потребности в самоактуализации (самовыражении).

А. Маслоу утверждает, что, пока не удовлетворены низшие потребности, (физиологические и в безопасности), высшие остаются для личности сравни-

тельно неинтересными, а с повышением уровня потребностей повышается готовность к большой активности. Потребности более высокого уровня активно побуждают человека к действиям после того, как удовлетворены потребности более низкого уровня. Также потребности высокого уровня удовлетворяются большим числом способов, чем потребности более низкого уровня. Высший уровень потребностей — *самоактуализация* — представляет собой «осуществление самого себя», нахождения своего места в жизни и достижения высоких результатов в интересной для себя деятельности. Это есть самовыражение, самореализация личности в жизни.

В соответствии с теорией иерархии потребностей А. Маслоу можно также констатировать следующее: а) неудовлетворенные потребности побуждают человека к действиям, а в случае их удовлетворения мотивация исчезает; б) если одна потребность удовлетворена, то на ее место приходит другая неудовлетворенная потребность; в) человек обычно имеет одновременно несколько различных потребностей, находящихся между собой в комплексном взаимодействии.

Широко распространена и теория приобретенных потребностей Мак-Клелланда, содержащая исследование и описание влияния на поведение человека приобретенных им под влиянием жизненных обстоятельств и имеющегося опыта потребностей достижения, потребностей соучастия и потребностей властвования.

К. Альдерфер в своей теории потребностей, так же как и А. Маслоу, исходит из того обстоятельства, что потребности человека следует объединять в опреде-

ленные группы. Таких групп, по его мнению, три: а) потребности существования, включающие в себя физиологические потребности и потребности в безопасности; б) потребности связи, включающие в себя потребности признания и самоутверждения из пирамиды А. Маслоу, и потребности в групповой безопасности; в) потребности роста, включающие в себя потребности самоактуализации (самовыражения) из пирамиды А. Маслоу, а также потребности признания и самоутверждения.

Указанные в этих теориях мотивы имеются как у правопослушных граждан, так и у лиц с отклоняющимся поведением, правонарушителей. Сами по себе они не определяют принятие субъектом именно девиантной или криминальной цели—способа достижения определенного результата, которые в решающей мере зависят от сформировавшихся ценностей, образа жизни и приемлемости криминального (девиантного) поведения.

Однако изложенное не означает, что нельзя выделить собственно криминальные (криминогенные) мотивы. В Энциклопедии юридической психологии (2003) под криминогенной мотивацией понимается совокупность мотивов (или доминирующий, смыслообразующий мотив), выступающая или потенциально готовая выступить в качестве побуждения к принятию лицом общественно опасного способа поведения и преступной цели, соответствующей этому способу действий.

В результате выделяются мотивы деяний, которые по своему содержанию в той или иной степени способствуют принятию именно девиантного, или преступного, способа действий. Эти

мотивы относятся к числу криминальных, криминогенных (и одновременно девиантных). Выделяются собственно криминальные мотивы, источник которых — влечение к совершению определенного вида общественно опасного деяния определенным, часто садистским способом (А.Н. Пастушеня, 2003). Реализация приносит индивиду разрядку внутреннего напряжения, удовлетворенность и удовольствие от самого процесса совершения определенного противоправного акта.

Здесь мотивом выступает сам процесс совершения преступления, который приносит удовлетворение приобретенным в течение жизни негативным, часто садистским, изощренно насильственным, издевательским потребностям субъекта преступления. Исследования показывают, что часто подобную мотивацию обнаруживают серийные убийцы и насильники, лица с реактивной агрессией, хулиганы, вандалы, поджигатели и др. Такого вида влечения, импульсивно возникающие, а часто являющиеся результатом агрессивных и иных асоциальных фантазий преступника произвольно труднопреодолимы. Их часто относят к психической аномалии — патологии влечений (клептомания, садизм, сексуальные перверсии, пиромания, педофилия и др.).

К криминогенным мотивам также следует отнести мотивы, порожденные асоциальными потребностями личности, удовлетворение которых правомерным способом является для лиц весьма затруднительным или вообще невозможным (А.Н. Пастушеня, 1998). Выделяются несколько типов таких мотивов: а) мотивы, порожденные гипертрофированными потребностями и притязания-

ми материального характера, властвования, достижения престижного социального статуса и другими факторами, а также гипертрофированными аморальными влечениями, проявляющимися в высоком уровне алкогольной или наркотической зависимости, пристрастии к азартным играм, аморальным развлечениям и др.; б) мотивы, вызванные необходимостью снятия устойчивых отрицательных эмоциональных состояний лица, вызываемых, например, переживанием чувств тревоги, отчужденности, неполноценности, злобы, агрессивности и др.; в) мотивы, порожденные фиксированным чувством неприязни по отношению к определенным конкретным людям или отдельным категориям людей (мотивы ревности, мести, зависти, обиды и др.); г) мотивы, вызванные потребностями в социально отчужденном образе жизни, а также личностными ценностями приобщения к группе противоправной направленности, приобретения авторитета в криминальной общности; д) мотивы, вызванные юридически неадекватными оценочными стереотипами, которые приводят к криминогенной оценке значения определенных обстоятельств и социальных ценностей.

Исследование мотивов девиантного поведения позволяет выделить их четыре важные характеристики: 1) силу побуждения к реализации мотива; 2) целеориентацию мотивации; 3) устойчивость мотивации; 4) подготовленность (в том числе асоциальную, противоправную) к реализации мотивов).

Сила побуждения (мотивации) с результатами любой деятельности, в том числе девиантных или криминальных действий, связана не прямолинейно, а в соответствии с закономерностью,

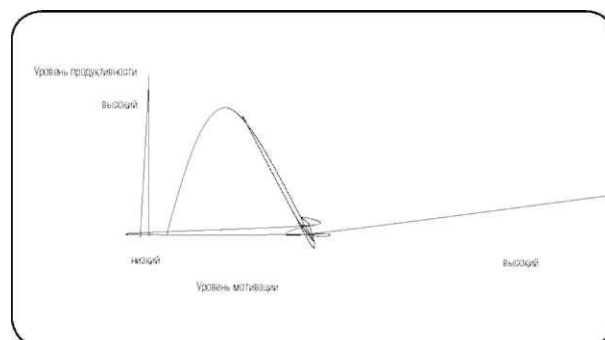

Рис. 1. Зависимость уровня продуктивности действий от уровня силы мотивации

выявленной Р. Йерксом и Дж. Додсоном (рис. 1).

Согласно закону Р. Йеркса и Дж. Додсона по мере увеличения интенсивности мотивации, то есть силы побуждения, качество деятельности изменяется по колоколообразной кривой: сначала повышается, затем, после перехода через точку наиболее высоких показателей успешности деятельности, постепенно понижается. Уровень мотивации, при котором деятельность выполняется успешно, называется оптимумом мотивации.

Целеориентация мотивов проявляется в выборе конкретных результатов своего поведения (девиантного или криминального), которые могут быть связаны с достижением обладания определенным предметом, объектом (ценности, деньги, имущество и т. п.) и выступать в виде опредмеченных мотивов либо определенных форм действия, которые, по существу, представляют собой процессуальные мотивы.

Устойчивость мотивации при девиантном и криминальном поведении характеризует степень асоциальной на-

правленности лица, тот или иной уровень приемлемости и согласия с ведением отклоняющегося от принятого в обществе образа жизни. Часто это приводит к профессиональному правонарушительству и профессиональному занятию преступной деятельностью, рецидиву и повторному совершению противоправных деликтов. Устойчивость девиантной и криминальной мотивации отражает степень общественной опасности личности и действий конкретного лица.

Подготовленность к реализации девиантных или криминальных мотивов отражает уровень обладания индивидом специальными знаниями, навыками, умениями или определенными возможностями (возрастными, физическими, интеллектуальными, образовательными и т. п.), позволяющими достигнуть поставленные цели девиантных действий.

Причины формирования мотивации девиантного поведения работников правоохранительных органов следует разделить на две группы:

1) организационно-воспитательные, связанные с качеством управления ПОО

в целом, повседневной работой с персоналом и руководством психологической службой в частности; 2) психологические, отражающие понимание динамики личностных и социально-психологических детерминант девиантного поведения сотрудников правоохранительных органов.

К организационно-воспитательным причинам нужно отнести следующие:

- *недостаточное нормативно-правовое регулирование* деятельности руководителей, работников кадровых аппаратов и психологов ПОО по профилактике девиантного поведения сотрудников. Предполагается, что все указанные субъекты занимаются данной работой, но нормативно ни в директивах, ни в положениях, ни в приказах эта функция как

необходимая для оценки эффективности их деятельности не выделена и не включена в перечень их функциональных обязанностей;

- *недооценку деятельности практических психологов ПОО* руководителями, привлечение психологов к выполнению не свойственных им функций, отсутствие заботы о повышении их профессиональной компетентности;

- *недостаточное методическое обеспечение профилактической работы* с сотрудниками, характеризующимися склонностью к отклоняющемуся поведению, конкретными технологиями работы, учебными пособиями и методиками;

- *отсутствие системы воспитательной и профилактической работы с личным составом ПОО*, хотя статистические

Таблица 1

Структура преступлений, совершенных сотрудниками ОВД	
Число сотрудников, совершивших преступления	% от общего числа
Должностные преступления	59,6
Взяточничество	10,2
Убийство	1,9
Умышл. причинение вреда здоровью	4,1
Грабежи	2,6
Разбои	1,9
Незаконное обращение наркотиков	1,9
Кражи	4,2
Изнасилования	0,7
Вымогательство	2,0

данные свидетельствуют о негативной тенденции роста девиантных намерений и фактов девиантного поведения среди персонала ПОО.

Анализ существующего положения дел в работе с кадрами правоохрани-

тельных органов по предупреждению нарушений дисциплины, законности и преступлений позволяет констатировать наличие *ряда негативных тенденций*. Во-первых, наблюдается значительный рост числа сотрудников ПОО, привлечен-

ных к ответственности за нарушения законности и правонарушения. Во-вторых, индекс преступности в расчете на одну тысячу личного состава демонстрирует тенденцию к росту противоправных деяний. Например, в органах внутренних дел за двенадцать лет он вырос почти на 1/3 (в 1997 г. упомянутый индекс был равен 2,63, в 2008 г.—3,6). В-третьих, в структуре преступности сотрудников

преобладают должностные преступления и взятки (табл. 1). В-четвертых, наблюдается несомненная связь между ростом количества нарушений законности и числа сотрудников, совершивших преступления (табл. 2), что подтверждает зависимость девиантного и криминального поведения от состояния служебной дисциплины и законности в подразделениях ПОО.

Таблица 2

Динамика нарушений законности и преступлений, совершенных сотрудниками ОВД (2001-2007 гг.)				
Годы	За нарушения законности		За преступления	
2001	10700	6,6	3805	7,7
2002	14330	34,2	3071	- 19,3
2003	17546	21,5	3106	1,1
2004	18352	4,6	3720	19,8
2005	24439	33,2	4269	14,7
2006	26639	9,0	4020	-5,8
2007	40039	50,3	4367	8,6

Определенной предпосылкой, а иногда причиной девиантного поведения становится недисциплинированность сотрудника ПОО, его склонность к частому нарушению служебной дисциплины. За год беспристрастная ведомственная статистика фиксирует более 140 тыс. нарушений дисциплины рядовым и начальствующим составом органов внутренних дел. Больше половины всех дисциплинарных проступков составляют нарушения исполнительской дисциплины. Из общего числа нарушений дисциплины 9 % приходится на проступки, связанные с невыходом сотрудников на службу без уважительной причины. Более 2,5 тыс. дисциплинарных проступков связано со злоупотреблением служебным положением,

превышением власти, грубостью и бестактностью в отношении граждан. Участились случаи привлечения к дисциплинарной, а нередко и уголовной ответственности руководящего состава правоохранительных органов. Имеют место нарушения дисциплины, связанные со злоупотреблением спиртными напитками. За год регистрируется более 6 тыс. случаев злоупотребления сотрудниками органов внутренних дел спиртными напитками (5,9 на 1 тыс. л. с.). В состоянии алкогольного опьянения сотрудниками совершается ежегодно около 1 тыс. ДТП, в том числе более 700 — на служебном автотранспорте. По вине сотрудников органов внутренних дел ежегодно происходит около 3 тыс. ДТП.

За нарушение правил безопасности движения и эксплуатации транспортных средств в течение года привлекается к ответственности более 400 работников органов внутренних дел. В целом по МВД России ежегодно регистрируется более 300 случаев самоубийств сотрудников ОВД.

Психологические причины мотивации девиантного поведения отражают личностные изменения работника правоохранительного органа, повышающие уровень девиантности и криминогенности, ведущие к социальному отчуждению и приемлемости асоциального поведения.

Среди кардинальных психологических причин девиантного поведения личности сотрудника ПОО прежде всего следует назвать изменение его нормосознания, включая правосознание. Развитие личности непосредственно связано с усвоением социальных, в том числе правовых, этических норм, существующих в обществе, системе ПОО, построением сотрудником своей жизни в согласии с этими нормами или, наоборот, их игнорированием, ведущим к социально отклоняющемуся, девиантному поведению.

Одной из важных психологических причин рассматриваемого поведения становится деформация личностной идентичности работника (появление «спутанной» идентичности, частичная потеря эгоидентичности, неверное понимание выполняемых социальных ролей, путанность в понимании социальных ролей, потеря социально-правовой и профессиональной идентичности).

Процесс приобретения личностной идентичности связан с динамикой социальной идентификации. Это важный

психологический механизм социализации, проявляющийся в принятии работником ПОО (субъектом идентичности) определенной социальной, профессиональной роли, в осознании им групповой принадлежности, формировании профессиональных установок и мотивов поведения, усвоении определенных норм и ценностей, образцов и правил. *Социально-психологическая идентификация* — это процесс мысленного объединения себя с какой-либо группой людей, отдельными лицами на основании установившихся эмоциональных связей и предпочтений и усвоение разделяемых членами группы социальных представлений и образцов определенного поведения. В качестве *идентификационных фигур* могут выступать большие социальные общности (нация, этническая группа, профессиональная общность, возрастная группа и т. д.), малые социальные группы (семья, учебный класс, студенческая группа, профессиональный коллектив, воинское подразделение, дружеская компания и т. д.), а также отдельные лица (мать, отец, учитель, политик, известный спортсмен, артист, руководитель, коллега по работе и т. д.).

Профессиональная идентичность — это процесс и результат отнесения себя с нормами, ценностями и смыслообразующими мотивами, общими для работников ПОО в целом и конкретной профессионально-должностной группы лиц (следователи, оперативные работники и др.). Важную роль в динамике психологии социальной идентичности выполняют социальные представления о сущности и значимости работы в системе ПОО и в конкретной должности. «Спутанные» социальные представления о профессии

работника ПОО, негативные изменения и деформация знаний, убеждений, профессиональных ценностей часто ведут к развитию асоциальной мотивации у ряда сотрудников.

Психологический процесс исчезающей идентичности с профессией неразрывно связан с ориентацией сотрудника ПОО на конкретные социальные группы и общности. Психология идентичности личности не может быть понята вне теории референтной группы. Многие исследователи под референтной группой обозначают группу, к которой индивид относит себя психологически, ориентируясь при этом на ценности и нормы данной группы, которая служит ему своеобразным стандартом, системой отсчета для оценки себя и других, а также источником формирования социальных установок и ценностных ориентаций.

По мнению А.Н. Пастушени (1998), специфической качественной особенностью психического склада личности, определяющей наличие склонности совершить при определенных условиях противоправные деяния, является криминогенность. Основу криминогенности личности составляет личностная приемлемость совершения противоправных поведенческих актов при определенных социальных условиях. Отличительная особенность личности, обладающей криминогенной потенцией, выражается в приемлемости совершения преступного деяния как способа удовлетворения некоторой потребности или разрешения определенного типа проблемной ситуации.

В целях профилактики формирования мотивов девиантного поведения важен анализ нормопослушного (адек-

ватного) и отклоняющегося от нормы (неадекватного) реагирования сотрудника ПОО на трудные профессиональные и бытовые жизненные ситуации. Особое значение имеют понимание и учет в профилактической работе механизмов преодоления кризиса, адаптации личности к возникшей жизненно трудной ситуации.

Теория копинг-поведения утверждает, что для совладания индивидом с трудностями необходимо иметь личностные ресурсы, или копинг-ресурсы, включающие в себя опыт и психологические особенности индивида, использовать собственные стратегии действий (копинг-стратегии, содержащие в себе способы эффективного управления факторами кризисной жизненной ситуации). Таким образом, преодолевающее поведение сотрудника следует рассматривать как результат взаимодействия его копинг-ресурсов и его копинг-стратегий. Исследования показывают, что к распространенным способам деструктивного, девиантного реагирования на трудную кризисную жизненную ситуацию, то есть дезадаптивным стратегиям копинг-поведения, можно отнести следующие: обвинение окружающих в своих неудачах; агрессивные действия; насилие в отношении других лиц, нанесение телесных повреждений и т. п.; злоупотребление алкоголем; прием наркотиков; поиск незаконных, «быстрых» способов разрешения кризиса; обман других лиц, моббинг, шантаж, провокацию и мошенничество; самоубийство; устранение источника фрустрации (например, убийство другого лица) и т. п.; месть; супружескую неверность; совершение различных корыстных правонаруше-

ний и преступлений в целях разрешения кризиса; соглашательскую позицию, конформизм и подчинение себя другим в целях разрешения кризиса; пассивный уход от кризиса (отъезд, изменение места жительства и работы и т. п.); социальную отчужденность (избегание других лиц, изменение круга общения, образа жизни, одиночество и т. д.); привлечение третьих лиц для противоправного разрешения кризиса и др.

Различные способы разрешения трудной или кризисной жизненной ситуации необязательно ведут к совершению правонарушений или преступлений, но часто представляют собой другие виды девиантного поведения: безнравственные поступки, обман других должностных лиц, сокрытие важной информации, пренебрежение интересами родственников, членов семьи и близких друзей, супружескую измену, утаивание от членов семьи доходов и др. Такие действия часто выступают в качестве причин, условий и предпосылок совершаемых впоследствии противоправных деяний.

При проведении индивидуальной профилактической работы работниками ПОО важно выяснить тенденции индивидуальных стратегий разрешения жизненных трудностей на основе

применения существующих диагностических средств и повысить уровень личностно-средовых адаптационных ресурсов. Исследования (И.Б. Лебедев) показали, что к личностно-средовым адаптивным ресурсам сотрудников следует отнести: 1] уровень когнитивного развития индивида; «Я-концепцию»; locus контроля; эмпатию; аффилиацию; стрессоустойчивость лица (*личностные ресурсы*); 2] способность оказывать и воспринимать социальную поддержку; наличие социальноподдерживающей сети и поддержание ее эффективности (*средовые ресурсы*).

Литература

1. Беспалая С.Г. Психологический прогноз склонности к делинквентному поведению у сотрудников органов внутренних дел: дис. ...канд. психол. наук. М., 2007.
2. Криминальная мотивация/под ред. В.Н. Кудрявцева. М., 1986.
3. Пастушеня А.Н. Криминогенная сущность личности преступника: Методология познания и психологическая концепция. Минск, 1998.
4. Стряпина Н.В. Психологическое обеспечение профилактики девиантного поведения курсантов и слушателей образовательных учреждений МВД России: дис. ...канд. психол. наук. Рязань, 2009.
5. Стряпина Н.В. Личностные особенности курсантов и слушателей образовательных учреждений МВД России, склонных к девиантному поведению, и возможности их профилактики и коррекции // Вестник психотерапии. 2007. № 21(26). С. 49-66.

Современный подход к значимости воли в психическом и духовном мире человека

И.И. Купцов

Журнал «Прикладная юридическая психология» с первого номера (2007 г.) стал для сотрудников ФСИН России своим, нужным, необходимым, уважаемым.

ний и преступлений в целях разрешения кризиса; соглашательскую позицию, конформизм и подчинение себя другим в целях разрешения кризиса; пассивный уход от кризиса (отъезд, изменение места жительства и работы и т. п.); социальную отчужденность (избегание других лиц, изменение круга общения, образа жизни, одиночество и т. д.); привлечение третьих лиц для противоправного разрешения кризиса и др.

Различные способы разрешения трудной или кризисной жизненной ситуации необязательно ведут к совершению правонарушений или преступлений, но часто представляют собой другие виды девиантного поведения: безнравственные поступки, обман других должностных лиц, сокрытие важной информации, пренебрежение интересами родственников, членов семьи и близких друзей, супружескую измену, утаивание от членов семьи доходов и др. Такие действия часто выступают в качестве причин, условий и предпосылок совершаемых впоследствии противоправных деяний.

При проведении индивидуальной профилактической работы работниками ПОО важно выяснить тенденции индивидуальных стратегий разрешения жизненных трудностей на основе

применения существующих диагностических средств и повысить уровень личностно-средовых адаптационных ресурсов. Исследования (И.Б. Лебедев) показали, что к личностно-средовым адаптивным ресурсам сотрудников следует отнести: 1] уровень когнитивного развития индивида; «Я-концепцию»; locus контроля; эмпатию; аффилиацию; стрессоустойчивость лица (*личностные ресурсы*); 2] способность оказывать и воспринимать социальную поддержку; наличие социальноподдерживающей сети и поддержание ее эффективности (*средовые ресурсы*).

Литература

1. Беспалая С.Г. Психологический прогноз склонности к делинквентному поведению у сотрудников органов внутренних дел: дис. ...канд. психол. наук. М., 2007.
2. Криминальная мотивация/под ред. В.Н. Кудрявцева. М., 1986.
3. Пастушеня А.Н. Криминогенная сущность личности преступника: Методология познания и психологическая концепция. Минск, 1998.
4. Стряпина Н.В. Психологическое обеспечение профилактики девиантного поведения курсантов и слушателей образовательных учреждений МВД России: дис. ...канд. психол. наук. Рязань, 2009.
5. Стряпина Н.В. Личностные особенности курсантов и слушателей образовательных учреждений МВД России, склонных к девиантному поведению, и возможности их профилактики и коррекции // Вестник психотерапии. 2007. № 21(26). С. 49-66.

Современный подход к значимости воли в психическом и духовном мире человека

И.И. Купцов

Журнал «Прикладная юридическая психология» с первого номера (2007 г.) стал для сотрудников ФСИН России своим, нужным, необходимым, уважаемым.

Причина: он—теоретик, он—практик, он—советчик, он—законодатель.

И последнее: журнал выдержит любую конкуренцию, так как он помогает всем, кто занимается формированием Человека.

Аннотация: до последнего времени абсолютное большинство ученых, изучавших проблему воли, считали, что она занимает такое же положение в иерархии значимости, что и эмоциональные и мыслительные стороны духовной жизни человека. В 1992 г. автор статьи пришел к выводу, что воля не может занимать такого места, и выдвинул новый подход, а именно: воля есть производная от разума (интеллекта) и эмоций (чувств), а в возрастном аспекте о ней можно говорить, начиная с подросткового возраста.

Такой подход поможет молодым (да и не только) ученым более доказательно подтверждать новый подход к воле, ее значимости в психическом и духовном становлении личности.

Ключевые слова: воля, познание, общение, духовно-нравственное совершенствование.

Summary: until recently, the vast majority of scientists who have studied the problem of will, thought that it occupies the same position in the hierarchy of importance that the emotional and mental side of the spiritual life of man. In 1992, the writer of the article concluded that the will can not occupy such a place, and put forward a new approach, namely: will is a derivative of the mind (intellect) and emotions (feelings), but in the age aspect of it can be said from a teenager.

This approach will help young (and not only) scientists more conclusively validate the new approach to free will, its significance in the psychic and cultural personality.

Keywords: will, knowledge, communication, spiritual and moral perfection.

Потребность личности познать и понять себя, смысл жизни, свое предназначение теснейшим образом связана с духовностью. Духовность помогает личности осознать свое «Я», побуждает ее постоянно и творчески работать над собой. И если серьезно разобраться в этом тезисе, то можно абсолютно точно утверждать, что человек всегда был и остается единством телесного, душевного и духовного, относится ли это утверждение к учению великих православных мыслителей, или учению идеалистов, или учению материалистов.

Из этих и только этих предпосылок надо исходить, когда мы изучаем личность, ее психические (душевные) процессы, ее психические (душевные) состояния, ее психические (душевные) свойства, или качества. Поэтому проблема воли, ее значимость, место в психическом и духовном мире человека не являются исключением.

Все эти факторы, касающиеся воли, серьезно исследовались и на рязанской земле. Это связано с именем заслуженного деятеля науки РСФСР доктора философских наук, профессора Владимира Ивановича Селиванова. Он не только принял точку зрения К.Д. Ушинского (и Аристотеля, и Бинэ), но и стал рассматривать волю и как процесс, и как состояние, и как свойство человека. Такую точку зрения разделяют большинство психологов нашей страны и до сих пор (некоторые несовпадения с мнением В.И. Селиванова можно отметить у В.А. Иванникова, В.К. Калина, Е.П. Щербаква, Т.И. Шульги).

В 1992 г. автор внес существенные дополнения, а точнее, изменения, в традиционный подход к месту и значимости воли в психическом и духовном мире человека.

Они состоят в следующем:

- воля не может рассматриваться в едином пространстве с интеллектом и эмоциями, так как она есть приобретенное новообразование в отличие от первых, с которыми дитя появляется на свет;

- о воле как важнейшей составляющей духовно-нравственного становления от человека к Человеку можно всерьез говорить только тогда, когда ребенок становится подростком, может ставить цель сам, находить пути решения (или достижения) цели сам и достигать реально поставленной цели сам. Дошкольнику и младшему школьнику свойственна произвольность (то есть осознанность), но не воля в классическом ее понимании; говорить и писать об интеллектуальных и сугубо волевых действиях, качествах не следует по той простой причине, что они не существуют отдельно; говорить и писать надо об интеллектуально-волевыми качествами, ибо структурно и интеллектуальные, и волевые действия идентичны.

Наконец, в социально-психологическом аспекте волю надо рассматривать и как важный когнитивный процесс, и как необходимый компонент общения и духовно-нравственного совершенствования человека.

Воля и познание. Воля является органической частью сознания, причем чем выше сознание, тем свободнее воля. Истина состоит в том, как справедливо утверждали К.К. Платонов, Г.Х. Шингаров, А.В. Шмаков, что содержание

воли определяется не только субъектом, но и тем миром, который отражается в познании. Вся разница между волей и познанием как формами отражения действительности заключается во взаимодействии между объектом и субъектом в них.

По существу, любое теоретическое знание содержится в практической деятельности. Их нельзя представить себе отдельно, ибо невозможно обладать волей без интеллекта.

Воля и общение. Как известно, формами проявления «Я» выступают разум, воля и чувства. Эти формы проектируемы, соотносительны не только с внешним миром, но и с самим «Я», как таковым. В этом случае мы можем говорить о том, что каждый человек имеет три «Я»: «Я-образ», «Я-реальное», «Я-имидж».

«Я-образ» — это то, что мы о себе думаем, наше знание о самом себе, то есть самооценка.

«Я-реальное» — это то, что мы есть на самом деле, здесь не знание, а оценка.

«Я-имидж» — это то, как человек «подает» себя, какое впечатление он производит на окружающих.

«Я-образ» и «Я-имидж» — знание о самом себе, «подача» себя — это целенаправленные действия, где огромную, если не главную, роль играет воля.

Воля и духовно-нравственное совершенствование. Л.С. Выготский предполагал, что есть психология глубин и есть психология вершин личности. Он справедливо считал, что развитие «вершинной психологии» — одно из наиболее перспективных направлений будущей психологической науки.

Современная психология теперь ориентируется на изучение человека

в единстве телесного, душевного и духовного, и такие понятия, как дух, духовность, вошли в учебную литературу наравне с научно обоснованными терминами.

Наше кредо о воле—в структуре личности. Нельзя представить разум как высшую форму интеллекта вне воли. Последняя — способ существования разума. В воле осуществляется постоянное, неустанное стремление разума к познанию, реализуется и присущая ему направленность в будущее, целеустремленность, ясное понимание средств, ведущих к достижению цели. И в этом смысле интеллект — разум — воплощение человеческой сущности, стержень духовного мира личности.

Итак, мы определяем волю как такое состояние интеллекта, которое обеспечивает ему самодвижение, саморазвитие. Создавая условия и пути продвижения интеллекта, изменяется и сама воля, приобретая качественно новые свойства. Мы с полным основанием можем говорить о трех формах функционирования воли относительно интеллекта: воля здравого смысла как исходный базовый уровень, формирующийся стихийно, под давлением побуждающей к действию потребности, жизненных впечатлений.

Рассудочная воля — функционирующая уже на известных и закрепившихся правилах, нормах, предписаниях, способ и образ действия по готовым инструкциям, формально-логическим схемам. Воспитанный в таких условиях человек не способен проявить инициативу, самостоятельность.

Разумная воля — воля свободного разума, способного создавать новые формы и типы духовной и практической

деятельности. Извлекая все ценное из здравого смысла и рассудка, она обеспечивает самоконтроль над мыслями, действиями, способность принимать решения со знанием дела и чувством полной ответственности за результат. В этом смысле воля — разумный образ действий, интеллект в действии.

Таким образом, мы доказали, что воля является важнейшей составляющей духовности.

В современной психологии оформились несколько подходов к исследованию духовности, взаимосвязи духовно-нравственного и волевого развития. Кратко остановимся на некоторых из них.

Первое направление (религиозное) рассматривает духовное только как божественное откровение: Бог есть дух, а жизнь духовная—это жизнь с Богом и в Боге (С.Л. Братусь, С.Л. Франк).

В рамках второго направления поиск корней духовности осуществляется не столько в самом человеке, особенностях его личности и склонности к рефлексии, сколько в продуктах жизнедеятельности: объективации высших проявлений человеческого духа, творчества, в памятниках старины, произведениях науки и искусства. Духовность субъекта рассматривается как результат его приобщения к общечеловеческим ценностям и духовной культуре, а дух—как категория культурологическая, мировоззренческая (М. Вебер, А.Н. Леонтьев, В.Ф. Петренко). Важнейшим источником духовности субъекта в этом направлении выступают этические, эстетические, юридические и нравственные нормы, в которых закреплены высшие образцы человеческой культуры. Духовное богатство возрастает, когда закрепленные в общественных

нормах духовные ценности становятся неотъемлемой частью духовного мира человека, субъективной реальностью.

В центре внимания третьего направления находится изучение ситуативных и личностных факторов, способствующих возникновению у человека духовных состояний (В.А. Пономаренко).

Духовное состояние—это психологический феномен, характеризующийся тем, что человек временно как бы не замечает внешнего мира, не ощущает своих органических функций, своей телесности, а сосредоточивается на осмыслении и переживании духовных ценностей, то есть познавательных, этических или эстетических аспектов человеческого бытия. Анализ таких состояний связан с поиском корней духовности в нерелексируемых глубинах бессознательного «Я»-человека.

Мои аспиранты Ю.А. Костюк и С.Н. Карасева в своих исследованиях доказали, что воля является необходимой частью духовно-нравственного развития. Наряду со сложившимися представлениями в психологии о воле как о проявлении настойчивости, целеустремленности, мужестве и т. д., она, то есть воля, проявляется и в чувстве долга, и в привнесении в него дополнительного смысла, и в следовании идеалу.

Жизнь действительно учит, что исследование тогда приносит пользу, когда оно находит применение в практике. И надо быть очень скромным, уважающим себя человеком, чтобы не «открывать», что существует без тебя и твоего «открытия», а говорить, что удалось обнаружить.

В заключительной части изложим то новое, что нам удалось обнаружить своими исследованиями о взаимосвязи интеллекта и воли в учебной деятель-

ности школьников, а также охарактеризовать недостатки собственного поведения учащихся и дать рекомендации, чтобы было поменьше детей с неадекватным и отклоняющимся поведением.

Исследование дало возможность выявить четыре группы учащихся по взаимосвязи интеллекта и воли (произвольности) в учебной деятельности, а также обозначить критерии каждой:

I группа—интеллект и воля по уровню развития как бы уравниваются друг друга. Учащиеся этой группы характеризуются:

- умением ставить цель;
- умением планировать свою деятельность;
- умением применять самоконтроль;
- адекватностью оценки и самооценки (в большинстве случаев);

II группа—уровень развития интеллекта как бы превалирует над уровнем развития воли. Учащиеся этой группы характеризуются:

- эпизодичностью постановки цели;
- отсутствием настойчивости в достижении цели;
- эпизодическим применением самоконтроля;
- рассогласованностью оценки и самооценки (последняя часто необоснованно завышается);

III группа—высокий уровень развития воли при относительно слабом развитии интеллекта. Учащиеся этой группы характеризуются:

- умением ставить цель;
- настойчивостью в достижении цели;
- относительно частым применением самоконтроля;
- адекватностью оценки и самооценки (факты завышения последней редки);

IV группа — недостаточная активность интеллекта и воли одновременно. Учащиеся этой группы характеризуются:

- отсутствием постановки цели;
- неумением планировать свою деятельность;
- эпизодичностью в применении самоконтроля;
- рассогласованностью оценки и самооценки (при некотором завышении последней).

Наконец, исследование дало нам возможность выделить три группы учащихся по их отношению к недостаткам собственного поведения:

1-я — подростки, которые осознают недостатки своего поведения, стремятся их ликвидировать и умеют практически преодолевать некоторые из них;

2-я — подростки, которые осознают свои недостатки, стремятся их ликвидировать, но не знают пути их преодоления;

3-я — подростки, которые осознают свои недостатки (а может, и нет], не стремятся их ликвидировать, а бравируют ими, отрицательные черты стали нормой из поведения.

Исходя из этого, в практической работе мы должны учитывать, что самовоспитание есть важная часть общей системы воспитания, поэтому требует руководства и контроля со стороны воспитателя и коллектива, а также учета как индивидуальных особенностей учащихся, так и роли коллектива в самовоспитании подростков.

Одновременно учащиеся должны знать доступные их пониманию положения психологии и педагогики самовоспитания, особенно приемы собственных стимулирующих волевых усилий. Целесообразно побудить подростков к систе-

матическому ведению дневников собственного поведения, в которых бы они не только констатировали факты своего поведения, но и анализировали их.

С помощью учителя на основании дневников собственного поведения подросток в состоянии разработать программу самовоспитания, в которой отразятся как осознанные недостатки поведения, так и методы их преодоления.

Исследование доказало, что путь становления от человека к Человеку должен идти через духовность, любовь к Родине, родителям, близким, получение знаний и тщательнейшую работу над собой, то есть самовоспитание.

Литература

1. Селиванов В.И. Избранные психологические произведения (воля, ее развитие и воспитание]. Рязань: Ряз. пед. ин-т, 1992. 575 с.
2. Формирование социально активной личности: материалы конф. Рязань: Ряз. пед. ин-т 1990. 196 с.
3. Проблемы психологии воли: тез. V Всесоюз. науч. конф., 10-12 июня 1991 г. Рязань, 1991. 199 с.
4. Проблемы взаимосвязи эмоций, мышления и воли: Тезисы VI Рос. науч. конф., 9-11 июня 1994 г. Рязань, 1994. 124 с.
5. Эмоции (чувства], мышление (интеллект], произвольность (воля] в духовном становлении личности: материалы VII Рос. науч. конф., сентябрь 1997 г. Рязань: Горизонт, 1997. 170 с.
6. Человек как единство телесного, душевного и духовного: материалы VIII Рос. науч. конф., сентябрь 1999 г. Рязань, РИНФО, 2000. 119 с.
7. Исторический путь психологии: прошлое, настоящее, будущее: сб. тез. Междунар. конф. М.: Ин-т психологии РАН, 1992.
8. Проблема воли в отечественной психологии: история, современность и перспективы: сб. тез. межрегион. науч.-практ. конф., посв. 55-летию Ряз. психол. шк. и науч. центру по проблемам воли. Рязань, 2004 84 с.
9. Личность в современных условиях: сб. науч. тр. Вып. 9: материалы VI межрегион. заоч. науч.-практ. конф. «Проблемы развития личности». Рязань, 2006. 400 с.

Содержание и основные направления психологического сопровождения профилактической деятельности сотрудников подразделений по делам несовершеннолетних органов внутренних дел

М.В. Пряхина, А.С. Душкин

Аннотация: в статье рассматриваются психологические особенности профилактической деятельности сотрудников подразделений по делам несовершеннолетних органов внутренних дел (ПДН ОВД), дается анализ эмпирического исследования перспективных направлений профессиональной деятельности психолога подразделения по делам несовершеннолетних ОВД.

Ключевые слова: психологическое сопровождение, профилактическая деятельность, сотрудники подразделений по делам несовершеннолетних ОВД.

Summary: the article encompasses the psychological aspects of the prophylactic activity of juvenile inspection officers of the bodies of internal affairs, analyses empirical researches of the prospective ways in the professional activity of a juvenile inspection psychologist.

Keywords: psychological support, prophylactic activity, juvenile inspection officers of the internal affairs bodies.

На современном этапе профилактика подростковой преступности является составной частью деятельности всех служб органов внутренних дел. Как свидетельствует практика, только объединение мер воспитательного и психологического характера позволяет более эффективно осуществлять профилактику правонарушений среди несовершеннолетних.

Профилактика и борьба с правонарушениями несовершеннолетних — одна из наиболее важных сторон искоренения преступности в нашей стране. В профилактике преступности несовершеннолетних участвует большое количество субъектов, которые представляют собой единую систему, связанную общностью целей и задач. Значительное место в этом процессе занимает профилактическая деятельность сотрудников подразделений по делам несовершеннолетних органов внутренних дел. Главное ее содержание заключается в воспитательной работе, устранении причин и условий, способствующих преступности несовершеннолетних, оказании своевременной психологической и социальной помощи подросткам, вставшим на путь правонарушений. С учетом этого к задержанию, аресту несовершеннолетнего, привлечению его к уголовной ответственности надо подходить осторожно, внимательно анализируя мотивы совершенного им правонарушения, социальное положение и морально-психологический климат семьи, психологические и медико-биологические особенности несовершеннолетнего.

Специфика профилактической деятельности сотрудников ПДН ОВД, потребность в повышении эффективности индивидуальной профилактической

работы с несовершеннолетними правонарушителями предъявляют высокие требования к профессиональной компетентности сотрудников ПДН, важной частью которой является психологическая составляющая. Недостаточная психолого-педагогическая подготовленность сотрудников органов внутренних дел к работе с несовершеннолетними правонарушителями, недостатки в подборе кадров и их профессиональном обучении снижают результативность профилактической деятельности.

Система профилактики правонарушений несовершеннолетних постепенно приобретает психологические свойства и качества, что находит выражение во всем большем включении психологических регуляторов в арсенал средств и методов профилактического воздействия, поэтому вопросы психологического сопровождения профилактической деятельности сотрудников органов внутренних дел подразделений по делам несовершеннолетних требуют дальнейшей научной разработки. Организация психологического сопровождения профилактической деятельности сотрудников ПДН ОВД будет способствовать улучшению качества работы по охране общественного порядка и общественной безопасности, профилактики, предупреждению преступлений в целом и среди несовершеннолетних в частности.

Для понимания содержания психологического сопровождения профилактической деятельности сотрудников ПДН милиции общественной безопасности необходимо рассмотреть подробнее психологические особенности деятельности сотрудников изучаемой службы.

Деятельность сотрудников ПДН ОВД регламентирована законами Российской Федерации, постановлениями Правительства РФ, приказами, инструкциями МВД России.

Согласно штатному расписанию сотрудники ПДН — инспекторы, старшие инспекторы. Инспектор (от лат. Inspector — наблюдатель, обследователь) — должностное лицо, осуществляющее контроль за правильностью действий подведомственных органов и лиц за выполнением законов в какой-либо специальной области [17, с. 200]. Такое толкование не соответствует сущности деятельности сотрудника ПДН. Во-первых, он не имеет подведомственных органов и лиц, а работает с населением на закрепленном за ним участке, во-вторых, обеспечивает выполнение законодательства не в какой-либо специальной области, а в связи с многофункциональностью своей деятельности реализует и контролирует выполнение нормативных правовых актов в различных сферах жизнедеятельности несовершеннолетних граждан.

В соответствии с приказом МВД России от 26 мая 2000 г. № 569 «Об утверждении Инструкции по организации работы подразделений по делам несовершеннолетних органов внутренних дел» сотрудники ПДН проводят индивидуальную профилактическую работу в отношении следующих категорий несовершеннолетних:

- употребляющих наркотические средства или психотропные вещества без назначения врача либо одурманивающие вещества;
- совершивших правонарушение, повлекшее применение меры административного взыскания;

- совершивших правонарушение до достижения возраста, с которого наступает административная ответственность;

- освобожденных от уголовной ответственности вследствие акта об амнистии или в связи с изменением обстановки, а также в случаях, когда признано, что исправление несовершеннолетнего может быть достигнуто путем применения принудительных мер воспитательного воздействия;

- не подлежащих уголовной ответственности в связи с недостижением возраста, с которого наступает уголовная ответственность;

- не подлежащих уголовной ответственности вследствие отставания в психическом развитии, не связанного с психическим расстройством;

- обвиняемых или подозреваемых в совершении преступлений, в отношении которых избраны меры пресечения, не связанные с заключением под стражу;

- условно-досрочно освобожденных от отбывания наказания, освобожденных от наказания вследствие акта об амнистии или в связи с помилованием;

- получивших отсрочку отбывания наказания;

- освобожденных из учреждений уголовно-исполнительной системы, вернувшихся из специальных учебно-воспитательных учреждений закрытого типа, если они в период пребывания в указанных учреждениях допускали нарушения режима, совершали противоправные деяния и (или) после освобождения (выпуска) находятся в социально-опасном положении и (или) нуждаются в социальной помощи и (или) реабилитации;

- осужденных за совершение преступления небольшой или средней тяжести и освобожденных судом от наказания с применением принудительных мер воспитательного воздействия;

- осужденных условно, осужденных к обязательным работам, исправительным работам или иным мерам наказания, не связанным с лишением свободы.

Кроме того, сотрудники ПДН обязаны проводить работу с родителями или законными представителями несовершеннолетних указанных выше категорий, не исполняющих своих обязанностей по воспитанию, обучению и (или) содержанию несовершеннолетних и (или) отрицательно влияющих на их поведение либо жестоко обращающихся с ними [1].

Задачи подразделений по делам несовершеннолетних заключаются в следующем:

- выявлять несовершеннолетних, чье поведение, взгляды, мотивы поступков могут свидетельствовать о возможности совершения преступлений;

- изучать личности этих подростков;
- определять и устранять источники отрицательного влияния на них;

- осуществлять контроль за поведением несовершеннолетних делинквентов и образом их жизни.

Все эти вопросы могли бы быть решены в полном объеме при наличии психологического сопровождения деятельности подразделений по делам несовершеннолетних. На наш взгляд, наиболее оптимальный и экономичный путь решения данного вопроса — введение должности психолога в эти подразделения для оказания помощи сотрудникам при работе с несовершенно-

нолетними. Таким образом обеспечивалась бы психологическая диагностика личности несовершеннолетних, склонных к совершению преступлений, особенностей их социального взаимодействия, а инспекторы подразделений по делам несовершеннолетних получили бы конкретные рекомендации по индивидуально-профилактической работе с ними.

Рассматривая указанную проблему, исследователь О.В. Севостьянов правомерно утверждает: «...нередко специальные органы ранней профилактики, инспекции и комиссии по делам несовершеннолетних, ориентируясь на случайные, нехарактерные проступки, преждевременно применяют к подростку меры специального административно-правового характера (постановка на учет в ПДН, вызов и обсуждение на комиссии, штрафование, оформление в спецшколу, спецПТУ и т.д.)» [16], хотя поводом для таких мер могут послужить отдельные проступки, не характерные для поведения несовершеннолетних.

Отсутствие должности психолога в данных подразделениях значительно затрудняет работу ПДН по предупреждению и пресечению правонарушений среди несовершеннолетних, так как определенно положительным моментом, способствующим совершенствованию практики профилактической работы с подростками, являются психологические методы изучения личности несовершеннолетних правонарушителей с учетом половозрастных, индивидуально-психологических факторов и их социального окружения.

В русле исследования следует оставаться на специфике деятельности подразделений по делам несовершен-

нолетних, отраженной в немногочисленных отечественных публикациях.

Работы 60-х-70-х годов XX века И.Я. Василенко [2], В.Л. Васильева [3], З.Д. Григорьевой [5], В.М. Кормщикова [9], А.Б. Сахарова [15] в основном имеют описательно-статистический характер и лишь в общем плане знакомят с деятельностью сотрудников ПДН, включающей в себя следующие функции:

- воспитательно-профилактическую, заключающуюся в помощи оступившемуся подростку, его семье, в выявлении и нейтрализации неблагоприятных факторов, влияющих на его поведение, пресечении и устранении действия источников антиобщественного влияния на него среды. Она подразумевает проведение индивидуальных и общих бесед с несовершеннолетними и их родителями, организацию лекториев на предприятиях, в школах, профессиональных училищах, создание клубов по месту жительства, курирование спортивных секций, координацию работы общественных и государственных учреждений;

- контролирующую, состоящую в осуществлении специальных мер на основе административного законодательства, направленных на оздоровление семейно-бытовых условий подростка, его воспитание;

- удостоверительную, включающую в себя оформление документов на подростков, взятых на учет в ПДН, для целенаправленной профилактической работы с ними.

В конце 80-х-начале 90-х годов XX века появление новых проблем в молодежной среде (наркомания, токсикомания, бродяжничество, Попро-

шайничество) вызвало количественное расширение и качественное изменение функциональных обязанностей сотрудников ПДН, попытка изучения которых была предпринята в ряде экспериментальных и теоретических исследований. Если раньше инспекторы занимались только воспитательно-профилактической работой, то в последнее время, по утверждению Л.Л. Каневского, она отодвинута на второй план. Это объясняется нескоординированностью действий государственных и общественных структур, отсутствием единого эффективно действующего центрального органа, а также нехваткой средств [6].

Основная особенность деятельности сотрудников ПДН — осуществление индивидуальной профилактики преступлений, совершаемых несовершеннолетними. Ее целями выступают исправление и перевоспитание подростка либо изменение его криминогенной ориентации. Индивидуальную профилактику при этом следует понимать, как выявление и устранение конкретных причин, порождающих преступления, и условий, способствующих их совершению, которые непосредственно связаны с определенной личностью (Д.А. Кириловым [8], А.Г. Лекарем [11]).

Основными методами деятельности сотрудников ПДН являются убеждение и принуждение, их применение зависит от профессиональной подготовки исполнителя, его жизненного и профессионального опыта. Сложность индивидуальной профилактики, как показывают исследования Д.А. Кириллова [8], Г.М. Миньковского [12], заключается в том, что она требует от сотрудника детальной правовой регламентации, по-

скольку связана с ограничениями прав и законных интересов граждан. В силу этого вовлечение конкретных людей, особенно несовершеннолетних, в сферу индивидуальной профилактики преступлений возможно только на основании достоверного прогноза их поведения, который содержит вывод о вероятном совершении преступлений с их стороны. Следовательно, сотрудники ПДН должны владеть искусством общения, профессионально-ролевого поведения, налаживания контактов с несовершеннолетними для получения нужной информации. Сбор и анализ необходимых сведений о правонарушителях и их окружении помогает сотрудникам, во-первых, постоянно контролировать их, быстро устранять причины, способствующие совершению преступлений, во-вторых, искать различные способы и приемы воздействия на них на основе индивидуального подхода к личности правонарушителя, в-третьих, планировать всевозможные мероприятия по предотвращению преступлений: лекции, беседы, рейды проверки и т. д. [7].

Для изучения особенностей многофункциональной деятельности инспекторов ПДН представляется важным прежде всего выделить ее основные аспекты, стороны [4], то есть обобщенные характеристики основных обязанностей, выполняемых в соответствии с требованиями профессии, а также описать ее в каких-то стандартных единицах для возможного сравнения с другими видами деятельности. В научной литературе нет единого подхода к выделению основных составляющих правоохранительной деятельности, разные авторы предлагают свои подходы к решению этого вопроса.

Так, В.Л. Васильев на основе изучения различных юридических профессий — участкового, уполномоченного милиции, инспектора по делам несовершеннолетних, следователя, судьи — называет следующие стороны деятельности в этих профессиях:

- социальную (организация правовой пропаганды и других мероприятий по предупреждению правонарушений, создание условий для перевоспитания лиц, склонных к совершению противоправных действий);

- реконструктивную (выполнение конкретных действий, направленных на улучшение жизни граждан);

- организационную (организация самого себя и действий других людей для решения профессиональных задач);

- коммуникативную (установление и поддержание контактов с людьми при выполнении своих функциональных обязанностей);

- удостоверительную (выражение всей полученной сотрудником информации от граждан в специально предусмотренной законом форме); поисковую (стремление к раскрытию преступления, собирание исходной информации для решения профессиональных задач [4].

Анализируя профилактическую деятельность сотрудников ПДН ОВД, Н.К. Нарозников выделяет в ней следующие подструктуры: социальную, правовую, психологическую, педагогическую, оперативно-розыскную. По его мнению, они отражают специфику основных должностных обязанностей данной службы органов внутренних дел [13].

Т.П. Кудлай, изучив деятельность инспекторов ПДН, установила, что сотрудники этих подразделений имеют много

должностных обязанностей, которые носят разнонаправленный характер, их подопечными могут быть шестнадцать категорий несовершеннолетних. Вследствие этого, количество времени, отводимое на индивидуальную профилактику (ведущий вид деятельности в работе инспектора), уменьшилось, что привело к увеличению числа рецидивов. В то же время инспекторы ПДН стали уделять больше внимания раскрытию преступлений, возрос объем времени, затрачиваемого на заполнение различных документов, составление отчетов, планов, а контролирующая функция в их деятельности стала основной [10]. Расширение и качественное изменение функций сотрудников ПДН, с одной стороны, способствует большему охвату несовершеннолетних, совершающих правонарушения, с другой — часто ведет к формальному выполнению ими своих должностных обязанностей, что свидетельствует о снижении роли подразделений по делам несовершеннолетних в профилактике подростковой преступности.

Перечисленные характеристики деятельности сотрудников правоохранительных органов достаточно полно отражают своеобразие их труда, заключающееся в работе с людьми, раскрытии преступлений и применении норм права. Деятельности инспекторов ПДН как представителей юридической профессии присущи все названные выше особенности, однако ее отличает профилактическая работа с детьми асоциального поведения, недаром инспекторов ПДН называют юристами и педагогами одновременно [14].

Таким образом, изучение психологических основ профилактической

деятельности сотрудников ПДН дает возможность выделить те аспекты их деятельности, которые соединили бы функции педагога, психолога и юриста.

Определяя содержание психологического сопровождения профилактической деятельности ПДН, мы изучили отношение сотрудников к введению должности психолога и определили перспективные направления его профессиональной деятельности в подразделениях по делам несовершеннолетних ОВД. В исследовании приняли участие 116 сотрудников подразделений по делам несовершеннолетних 29 территориальных органов внутренних дел и 4 УВД на транспорте Российской Федерации. Выборка в основном представлена сотрудниками-женщинами (89 %), средний возраст которых 31 год, стаж службы в ОВД — 7,19 года, в подразделении по делам несовершеннолетних — 5,8 года.

В качестве одной из причин неэффективности своей деятельности сотрудники ПДН указали отсутствие необходимых знаний. 40 % респондентов отметили, что объем их психолого-педагогических знаний не достаточен для того, чтобы проводить результативную профилактическую работу с подучетными лицами. В качестве основных методов изучения несовершеннолетних правонарушителей сотрудники ПДН используют беседу (94 %), наблюдение (63 %) и изучение учетно-профилактических карточек, учетно-профилактических дел (53 %).

Решающее значение для результативности профилактической деятельности имеет способность несовершеннолетнего, состоящего на учете в ПДН, переосмыслить и переоценить свое по-

ведение, осознать необходимость соблюдения норм и правил человеческого общежития. Сотрудники ПДН указали, что 43 % подучетных лиц относятся к индивидуальной профилактической работе безразлично, 9 % — негативно, 48 % — позитивно. Респонденты отметили, что безразличное и негативное отношение несовершеннолетних правонарушителей существенно затрудняет организацию и проведение профилактической работы с ними. На наш взгляд, безразличное либо негативное отношение несовершеннолетних, состоящих на учете, может быть связано с выбором неэффективных мер воздействия на них, неумением сотрудников ПДН устанавливать психологический контакт и находить индивидуально-психологический подход к подопечным.

Полученные результаты свидетельствуют о необходимости повышения психологической компетентности сотрудников ПДН, а также разработки новых форм и методов профилактической работы с несовершеннолетними правонарушителями.

Согласно данным проведенного исследования, 79 % респондентов считают, что введение должности психолога в подразделения по делам несовершеннолетних ОВД является необходимым кадровым решением для повышения эффективности их профессиональной деятельности, а 82 % опрошенных отмечают, что введение должности психолога положительно отразится на профилактической работе с несовершеннолетними правонарушителями.

Для определения содержания психологического обеспечения деятельности подразделений по делам несовершеннолетних опрошенным сотруд-

Оценка значимости направлений профессиональной деятельности психолога ПДН ОВД		
№ п/п	Направления профессиональной деятельности психолога подразделения по делам несовершеннолетних ОВД	Средний балл
1	Изучение индивидуальных психологических особенностей личности несовершеннолетних правонарушителей	7,7
2	Психологическое консультирование сотрудников ПДН по учету индивидуально-психологических особенностей личности несовершеннолетних при проведении индивидуальной профилактической работы с ними	6,8
3	Психокоррекционная работа с несовершеннолетними, относящимися к группе риска	7,8
4	Оказание психологической помощи несовершеннолетним в преодолении кризисных ситуаций	7,9
5	Изучение взаимоотношений несовершеннолетних с родителями (законными представителями)	7,6
6	Психологическое консультирование педагогов школ (училищ) на предмет учета индивидуально-психологических особенностей личности несовершеннолетних в процессе обучения и взаимоотношений в коллективе	6,7
7	Оказание психологической помощи несовершеннолетним правонарушителям в вопросах обучения и профориентации	6,9

никам было предложено оценить по 10-балльной шкале значимость направлений профессиональной деятельности психолога ПДН ОВД. В таблице представлены те направления, которые получили, по оценке опрошенных, свыше 6 баллов.

Полученные результаты позволяют описать содержание психологического сопровождения профилактической работы с несовершеннолетними правонарушителями в ОВД, которое включает в себя: оказание психологической помощи несовершеннолетним в преодолении кризисных ситуаций; психокоррекционная работа с несовершеннолетними, относящимися к группе риска; изучение индивидуальных психологических особенностей личности несовершеннолетних правонарушителей; изучение взаимоотношений несовер-

шеннолетних с родителями (законными представителями); оказание психологической помощи несовершеннолетним правонарушителям в вопросах обучения и профориентации; психологическое консультирование сотрудников ПДН по учету индивидуально-психологических особенностей личности несовершеннолетних при проведении индивидуальной профилактической работы с ними; психологическое консультирование педагогов школ (училищ) на предмет учета индивидуально-психологических особенностей личности несовершеннолетних в процессе обучения и взаимоотношений в коллективе.

Описание направлений профессиональной деятельности психолога подразделения по делам несовершеннолетних позволяет определить ее цели и задачи, среди которых:

- содействие эффективной социализации и ресоциализации личности несовершеннолетнего правонарушителя;
- индивидуальная психологическая помощь в ликвидации конфликтных и кризисных ситуаций в сфере социального взаимодействия несовершеннолетнего правонарушителя;
- правовая, информационная и психологическая поддержка несовершеннолетнего;
- поддержка несовершеннолетнего ближайшей средой (семьей, школой) в физическом, психическом и социальном становлении личности;
- формирование психологической компетентности у сотрудников ПДН.

Таким образом, проведенное исследование позволяет сделать вывод о необходимости введения должности психолога в подразделения по делам несовершеннолетних ОВД. Совместная деятельность психолога и инспекторов ПДН положительно отразится на профилактической деятельности в отношении несовершеннолетних, состоящих на учете.

Литература

1. Об утверждении Инструкции по организации работы подразделений по делам несовершеннолетних органов внутренних дел.: приказ МВД России от 26 мая 2000 г. № 569. М., 2000.
2. Василенко И.Я. Организация работы милиции по предупреждению правонарушений несовершеннолетних. М., 1966. 176 с.
3. Васильев В.Л. Участковый инспектор по делам несовершеннолетних//Человек и профессия. Вып. 7/под ред. ЕА Климова. Л., 1982. С. 106-110.
4. Васильев В.Л. Юридическая психология. СПб., 2005. 655 с.
5. Григорьева З.Д. Детские комнаты милиции и их роль в раннем предупреждении правонарушений несовершеннолетних. Пермь, 1970. 26 с.

6. Каневский Л.Л. Криминологические проблемы расследования и профилактики преступлений несовершеннолетних. Красноярск, 1991. 288 с.

7. Каневский Л.Л. Проблемы правового обеспечения профилактики преступлений и иных правонарушений несовершеннолетних (по материалам Республики Башкортостан)//Преступность и законодательство/под ред. А.И. Долговой. М., 1996. С. 307-312.

8. Кириллов Д.А. Индивидуальная профилактика преступлений органами внутренних дел. Тюмень, 1994. 138 с.

9. Кормщиков В.М. Анализ и пути повышения эффективности предупреждения правонарушений несовершеннолетних//Вопросы борьбы с правонарушениями несовершеннолетних. Вып. IV/под ред. Я.А. Вагина, В.А. Похмелкина. Пермь, 1974. С. 12-23.

10. Кудлай Т.П. Теоретические основы развития системы предупреждения социальных отклонений несовершеннолетних (криминологический и организационно-правовой аспекты): дис. ...д-ра юрид. наук. М., 1990. 513 с.

11. Лекарь А.Г. Основные проблемы теории и практики предотвращения преступлений органами охраны общественного порядка//Тр. МООП. Вып. 21. М., 1968. С. 8-13.

12. Миньковский М.Г. Понятие и система мер предупреждения преступности в среде молодежи. М., 1971. 22 с.

13. Нарозников Н.К. Мировоззренческие и нравственные ценности в обеспечении индивидуальной профилактики правонарушений среди молодежи (по материалам ОВД). М., 1990. 234 с.

14. Полозов Г.Ф. На страже закона//Мир профессий. Человек—человек/под ред. Л.М. Зюбина. М., 1986. С. 177-178.

15. Сахаров А.Б. Правонарушения подростка и закон. М., 1967. 30 с.

16. Севостьянов О.В. Мониторинг социальной работы с «трудными» подростками: психологические особенности, диагностика, помощь: учеб.-метод. пособие. Волгоград: ВИМПСР, 2000. С. 15.

17. Словарь иностранных слов. 4-е изд./отв. ред. В.В. Семенов, Н.М. Семенова. М., 2007. С. 200.